ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Егорова Александра Константиновна

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ И ЗОНАХ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент Э.Л.Сидоренко

МОСКВА – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ 24
§ 1.1. Правовой статус частных военных и охранных компаний 24
и критерии их легитимности 24
§ 1.2. Уголовно-правовые особенности районов вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности 65
§ 1.3. Разграничение деятельности частных военных и охранных компаний и преступных формирований в международном 85
и национальном уголовном праве 85
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ .. 109
§ 2.1. Правовой статус и индивидуальная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний 109
§ 2.2. Условия и критерии правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний в условиях вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности 128
§ 2.3. Иммунитеты и исключение из сферы уголовной ответственности сотрудников частных военных компаний 141
ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ И ИХ СОТРУДНИКОВ 151
§ 3.1. Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и их сотрудников 151
§ 3.2. Направления оптимизации международного сотрудничества 170
в сфере предупреждения преступлений со стороны сотрудников частных военных и охранных компаний и их реализация в законодательстве Российской Федерации 170

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Использование частных военных и охранных компаний[1] для реализации интересов суверенных государств становится все более частой практикой. Опыт показывает их бóльшую эффективность, техническую оснащённость и подготовленность, но в то же время и бóльшую, чем это характерно для военнослужащих регулярных армий, склонность к совершению различных правонарушений – как в рамках уголовного права, так и в рамках права вооруженных конфликтов. В отличие от регулярных вооруженных сил, которые в большинстве государств составляют солдаты срочной службы и лица, не имеющие реального опыта боевых действий, сотрудниками частных военных и охранных компаний зачастую становятся бывшие солдаты и офицеры, принимавшие участие не в одной войне. Немаловажным является и тот факт, что воспользоваться услугами, предоставляемыми частными военными и охранными компаниями, могут не только государства и международные организации, но и частные лица. Последнее подтверждается практикой размещения частной вооруженной охраны на судах, следующих через зону повышенной опасности в условиях борьбы с пиратством у берегов Сомали и в Индийском океане. Учитывая, что применение частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах становится все более распространенным для многих государств, «белое пятно» в области привлечения их сотрудников к ответственности в соответствии с международным правом ставит под угрозу все успехи, достигнутые в гуманитарной области после окончания Второй мировой войны. В то же время развитие технологий и новых методов ведения военных действий в значительной степени размывает понятие «непосредственного участия в вооруженных конфликтах».

[1] Далее также – ЧВОК.

Несмотря на то, что в литературе используются различные термины для обозначения феномена частных военных подрядчиков – «частные военные компании», «частные военные предприятия», «частные охранные компании», в настоящей работе используется преимущественно термин «частные военные и охранные компании», поскольку речь идет в первую очередь о деятельности подобных предприятий в рамках вооруженных конфликтов за пределами государств их регистрации, в то время как исключительно «охранные компании» представляют собой организации, чья деятельность не предполагает использование технических и иных средств, причиняющих вред жизни и здоровью человека и окружающей среде[2].

Известная ситуация с убийством в Багдаде четырнадцати иракских граждан сотрудниками американской частной военно-охранной компанией Blackwater (в настоящее время называющейся «Academy») 16 октября 2007г[3]., хотя и привела к определенным юридическим последствиям и осуждению нескольких сотрудников этой компании, всё же показывает явную недостаточность существующих уголовно-правовых механизмов для обеспечения уголовного преследования и защиты жертв подобных преступлений. Судебный процесс по этому делу завершился 13 апреля 2015 г., за немотивированную стрельбу, в результате которой пострадали более тридцати человек, включая четырнадцать погибших мирных жителей, были осуждены три сотрудника ЧВОК, один из них приговорен к пожизненному заключению, трое других – к тридцати годам лишения свободы каждый[4]. При

---

[2] См.: *Волеводз А.Г.* Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 236.

[3] Department of Justice U.S. Attorney's Office District of Columbia // Former Blackwater Employee Found Guilty of Murder in Fatal 2007 Shooting at Nisur Square in Iraq URL: https://www.justice.gov/usao-dc/pr/former-blackwater-employee-found-guilty-murder-fatal-2007-shooting-nisur-square-iraq (дата обращения: 02.03.2016).

[4] Ex-Blackwater Guards Sentenced to Long Prison Terms in 2007 Killings of Iraqi Civilians // The New York Times // URL: https://www.nytimes.com/2015/04/14/us/ex-blackwater-guards-sentenced-to-prison-in-2007-killings-of-iraqi-civilians.html (дата обращения: 02.03.2016).

этом в 2017 г. приговоры были пересмотрены[5], и три из них отменены как «необычные и жестокие», пожизненный приговор для одного из охранников был вновь вынесен только в августе 2019 г.[6] Однако данный случай фактического вынесения обвинительного приговора сотруднику ЧВОК – скорее исключение (подтверждаемое тем, что только один из четырех приговоров остался к настоящему моменту в силе), в то время как неопределенный статус подобных компаний приводит к их практически полному исключению из области действия права. Последнее можно проиллюстрировать инцидентом, произошедшим в 2006 г., когда сотрудником компании Blackwater был убит охранник вице-президента Ирака, и единственными последствиями этих действий были его увольнение и депортация из страны, а впоследствии он был принят на работу в Министерство обороны США[7]. В целом за период 2005–2007 гг. сотрудники компании Blackwater оказались вовлечены в 196 инцидентов с применением огнестрельного оружия в Ираке[8].

Представители Рабочей группы ООН по использованию наемников как средства нарушения прав человека отметили (по делу о событиях в Багдаде 16 октября 2007 г.), что хотя судебный процесс является исключением, а не нормой, в этот раз «правосудие сработало», и Председатель Рабочей группы ООН Эльжбета Карска заявила, что Организация поддерживает приговоры, вынесенные членам частной военизированной компании, поскольку они должны привлекаться к ответственности за любые нарушения норм

---

[5] United States v. Slatten, 865 F.3d 767 (D.C. Cir. 2017) URL: https://casetext.com/case/united-states-v-slatten-7 (дата обращения: 02.03.2016).

[6] Former Blackwater Guard Sentenced to Life for 2007 Baghdad Traffic-Circle Shooting // Wall Street Journal URL: https://www.wsj.com/articles/former-blackwater-guard-sentenced-to-life-for-2007-baghdad-traffic-circle-shooting-11565804639 (дата обращения: 05.03.2016).

[7] CBS News, "Waxman Questions Rice About Blackwater's Christmas Eve Shooter", October 5, 2007. Retrieved 10-09-07.

[8] Blackwater involved in 195 Iraq shootings // Reuters, 02/10/2007 URL: https://www.reuters.com/article/us-iraq-usa-blackwater-idUSN2739989220071002 (дата обращения: 02.03.2016).

международного права и международного гуманитарного права[9]. Сложившаяся вокруг данного процесса ситуация демонстрирует «правовой вакуум», в котором находятся и действуют частные военные и охранные компании. Становясь все более и более популярным инструментом решения военно-политических задач, такие компании и их сотрудники не попадают в полной мере в поле действия права, что вызвано как их неопределенным юридическим статусом, так и тем, что такая деятельность зачастую осуществляется в условиях, затрудняющих её контроль и оценку.

Государства, в которых всё же существует законодательство, посвященное деятельности частных военных и охранных компаний, в первую очередь фокусируются на гражданско-правовых аспектах, регулируя вопросы деятельности юридических лиц, их лицензирования и т.д. Такие нормы не отвечают реалиям, редко отражают действительный характер деятельности частных военных и охранных компаний, не защищают жертв нарушений прав человека и не обеспечивают должной ответственности для правонарушителей. При этом в законодательстве ряда государств существуют нормы, предполагающие реализацию уголовной ответственности через механизмы экстратерриториальных правовых норм, однако они крайне редко используются на практике.

К услугам частных военных и охранных компаний прибегают не только государства, но и международные организации, а также интеграционные объединения. Применение частных военных и охранных компаний в операциях Организации Объединенных Наций по поддержанию мира[10] в

---

[9] Центр Новостей ООН: «Эксперты ООН приветствовали завершение судебного процесса над охранниками частной американской фирмы «Блэкуотер» // URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=23534#.VUlWhdPtmko (дата обращения: 02.03.2016).

[10] См.: Документ ООН A/69/338 от 21 августа 2014 г. «Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение» // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/A.69.338_ru.doc (дата обращения: 05.03.2016).

совместных операциях Европейского союза[11] также становится все более распространённой практикой. При этом подобные компании привлекаются чаще всего не самими организациями, а государствами-участниками, но попадают при этом под все иммунитеты, установленные для миротворческого контингента. Но тот факт, что сотрудники частных военных и охранных компаний не являются служащими вооруженных сил направляющих государств, крайне затрудняет определение их фактического статуса в таких операциях.

По своей сути сотрудники частных военных компаний - это современная версия наёмников, но компании более структурированы, имеют в своем распоряжении значительно больше ресурсов и возможностей, и единственным итогом отсутствия правового регулирования этого явления может стать их абсолютная неподконтрольность и безнаказанность (хотя именно это и делает частные военные и охранные компании настолько популярным инструментом ведения войны в современном демократическом мире, где открытое применение вооруженных сил государства может вызвать недовольство населения и усиление конфронтации между государствами на международной арене). Для того чтобы избежать катастрофических последствий существования «маленьких частных армий», необходимо, сохранив преступный статус классического понятия «наёмник», выделить в отдельную регулируемую правом как на международном, так и на национальном уровне категорию «частные военные и охранные компании».

В этой связи настоящее исследование характеризуется значительной актуальностью, а его результаты могут быть использованы как в научно-теоретическом плане, так и с целью совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

---

[11] *White N.D. and Macleod S.* EU Operations and Private Military Contractors: Issues of Corporate and Institutional Responsibility / EUI Working paper, 2009.

Степень разработанности темы исследования нельзя назвать высокой, хотя в последние годы этому вопросу уделяется все большее внимание, ведь ЧВОК постепенно входят в сферу внешнеполитических интересов России. Анализу проблем правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний, а также привлечения их к ответственности, посвящены работы А.Г. Волеводза, А.И. Никитина, А.А. Сырхаева, Ю.С. Апухтина, Б.Н. Кашникова, В.Н. Кулебякина, И.П. Коновалова и О.В. Валецкого, В.М. Неелова, А.И. Никитина, Д.О. Новиковой, А.Н. Михайленко, П.В. Саваськова, И.А. Сафранчука и др. Ряд научных работ, посвященных вопросам правового регулирования деятельности ЧВОК, были опубликованы Центром Евро-атлантической безопасности МГИМО под руководством А.И. Никитина (А. Г. Волеводз[12], М.А. Небольсина[13], Д.О. Новикова[14]).

Значительно больше трудов, в том числе и фундаментального характера, посвященных теме частных военных компаний, издано в зарубежных странах, где применение ЧВОК является уже сложившейся практикой – в первую очередь в США и Великобритании. Из значительных работ на эту тему можно назвать «Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry» («Корпоративные солдаты: развитие частной военной отрасли») Питера Сингера; «War by Contract: Human Rights, Humanitarian Law, and Private Contractors» («Война по контракту: права человека, гуманитарное право и частные военные подрядчики») Ф. Франчиони и Н. Ронцитти. К исследованию частных военных компаний в своих трудах обращались Д. Айзенберг, В.

---

[12] См.: *Новикова Д.О.* Проблемы использования частных военных и охранных компаний при проведении военных операций США // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №3(12). – С. 89-96.

[13] См.: *Небольсина М.А.* Идейные и теоретические предпосылки выработки международного законодательства и области регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Мир и согласие. – 2010. – № 3 (44). – С.10-31.

[14] См.: *Волеводз А.Г.* Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 3(12). – С. 78-88.

Билкова, Ю. Брауэр, Д. Брукс, Э. Давид, Л. Дамиан, Л. Дикинсон, Й. Динштейн, Х.К. Зарате, М. Калагус, Э. Крахман, Дж. Магаото, А. Перре, Ж. Пикте, Х. Л. Прадо, Д. Типлинг, Б. Чалок и др.

Исследованиями деятельности частных военных и охранных компаний занимаются экспертные группы в рамках Организации Объединенных Наций (Рабочая группы ООН по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, а также Межправительственная рабочая группа открытого состава по разработке содержания международной нормативной базы регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний), Международного комитета Красного Креста, различные научные институты, в частности – Стокгольмский институт исследования проблем мира (SIPRI), Женевский центр демократического контроля над вооруженными силами (DCAF), Исследовательская служба Конгресса США (CRS) и др.

Большую значимость для настоящей работы представляют и исследования в области права вооруженных конфликтов, значительным вкладом в развитие которых являются труды таких исследователей, как А.Х. Абашидзе, Р.А. Адельханян, И.Н. Арцибасов, Ю.Н. Астафьев, А.А. Ахметзянов, В.А. Батырь, И.П. Блищенко, Р.М. Валеев, Егоров С.А., Н.В. Жданов, Р.А. Каламкарян, А.Я. Капустин, И.И. Карпец, В.А. Карташкин, И.И. Котляров, Е.А. Лукашева, И.И. Лукашук, Ф.Ф. Мартенс, Е.В. Мартыненко, А.Н. Михайленко, А.С. Михлин, О.Ю. Молибога, А.А. Потапов, А.Ю. Скуратова, О.И. Тиунов, Б.Р. Тузмухамедов, Н.А. Ушаков, В.В. Фуркало, М.Л. Хабачиров, Н.О. Шандиева и др.

В процессе исследования автор также использовала научные труды А.Х. Абашидзе, Ю.В. Баулина, Ч. Бекариа, А.Н. Вылегжанина, А.В. Гриненко, О.С. Иоффе, К. Кенни, В.Ф. Кириченко, В.Н. Козака, С.М. Кочои, В.Н. Кудрявцева, И.И. Лукашука А.А. Малиновского, М.Д. Наташева, И.А. Рарога, Э.Л.

Сидоренко, Н.А. Стручкова, П.А. Фейербаха, А.Е. Шаргородского, М.Л. Энтина и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что настоящее исследование впервые рассматривает уголовно-правовые особенности правового регулирования деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний и ответственности за преступления, совершаемые ими в обстоятельствах вооруженных конфликтов, районах повышенной опасности, нестабильных ситуациях различного генеза, создающих условия, в которых возможны грубые нарушения международного гуманитарного права, преступления международного характера, серьёзные нарушения прав человека, которые в итоге оказываются за пределами правового регулирования. В исследовании сформулированы тезисы, описывающие процесс легитимизации частных военных и охранных компаний и критерии, позволяющие считать их легитимным для правового поля явлением, несмотря на недостаточную степень урегулированности как на международном, так и на региональном и национальном уровнях, описан правовой статус сотрудников частных военных и охранных компаний. Осуществлён криминологический анализ их деятельности в условиях нестабильных ситуаций и выделены виды преступлений, наиболее характерные для указанных обстоятельств с учётом существующих проблем правового регулирования на национальном и международном уровне и соотношения правовых систем. В работе также рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются международные инициативы по правовому регулированию частных военных и охранных компаний, их связь с реформированием национального законодательства, и обоснованы предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации[15].

Объектом диссертационного исследования является деятельность сотрудников частных военных и охранных компаний в районах вооруженных

[15] Далее –УК РФ.

конфликтов и зонах повышенной опасности, а равно общественные отношения, возникающие в результате совершения ими преступлений при осуществлении своих служебных обязанностей.

Предметом диссертационного исследования являются правовые нормы различного уровня – как международного права, так и национальных правовых систем, направленные на реализацию ответственности сотрудников ЧВОК и их сотрудников за совершение уголовных преступлений, нарушение норм международного гуманитарного права и права прав человека, а также криминологические особенности преступлений, совершаемых сотрудниками частных военных и охранных компаний в районах вооруженных конфликтов и зонах повышенной опасности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы на основе комплексного изучения статуса частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах и районах повышенной опасности выявить пределы правомерности деятельности их сотрудников и определить условия привлечения их к уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым законом правам и интересам.

Используя теоретические подходы криминологической науки и уголовного права, автор ставит задачу выработать предложения по противодействию преступности сотрудников частных военных и охранных компаний в указанных обстоятельствах, а также дать научно обоснованные рекомендации по изменению национального законодательства в части регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и формированию новых правовых норм, посвященных регулированию этого явления.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются **следующие задачи:**

– определение правового статуса частных военных и охранных компаний и критериев их легитимности как нового явления в правовом поле;

– выявление уголовно-правовых особенностей правовых режимов районов вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности;

– разграничение деятельности частных военных и охранных компаний и преступных формирований;

– определение правового статуса сотрудников частных военных и охранных компаний, действующих в обстоятельствах вооруженных конфликтов и районов повышенной опасности;

– выявление условий и критериев правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний в условиях вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности;

– разработка вопросов уголовной ответственности и иммунитетов в случае совершения преступлений сотрудниками частных военных и охранных компаний при осуществлении ими своих функций;

– выявление проблем, стоящих перед разработкой международно-правовых механизмов регулирования деятельности ЧВОК в части реализации ответственности, в том числе уголовной, за правонарушения в области уголовного, международного гуманитарного права и нарушение прав человека, и выработка предложений по их разрешению;

– выработка предложений по совершенствованию национального законодательства для целей обеспечения реализации уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний.

Методологию и методы проведенных научных исследований составили положения общенаучного диалектического метода познания. Общенаучными методами, использованными в настоящем исследовании, являются обобщение, дедукция, системно-структурный подход, метод научной абстракции, метод логического и системного анализа.

В ходе диссертационного исследования были использованы специальные методы: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-логический.

В основе диссертации лежит сравнительно-правовой метод, поскольку основной задачей настоящего исследования является сравнительный анализ норм международного и национального права, применимых к регулированию деятельности частных военных и охранных компаний. Данный метод, наряду с формально-логическим, позволяет определить различия в подходах государств и международных организаций к правовому регулированию деятельности ЧВОК, сопоставить соответствующие правовые нормы с уголовно-правовым законодательством и правом вооруженных конфликтов, выделяя на основе такого анализа наиболее проблемные вопросы в уголовно-правовой оценке деятельности частных военных и охранных компаний в условиях вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности.

Кроме того, в настоящем исследовании использовался историко-правовой метод, позволяющий оценить эволюцию в правовом регулировании деятельности частных военных и охранных компаний и связанных отраслей права и тенденции его развития.

Теоретическую основу исследования составили научные исследования отечественных и зарубежных учёных в области криминологии, уголовного права, международного уголовного и международного гуманитарного права, а также работы, посвященные проблемам общей теории права, рассматривающие вопросы правового статуса и правовых режимов, доктринальные комментарии к международным и национальным нормативно-правовым актам и др.

Нормативную основу исследования составляют международно-правовые акты по международному праву, международному гуманитарному праву, международному праву прав человека, Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. Важную роль для

настоящей работы сыграли такие международно-правовые документы, как Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и др.

Основой для анализа национальных законодательств послужили нормативные правовые акты в сфере регулирования деятельности частных военных и охранных компаний, принятые в Великобритании, Ирландии, Италии, Нидерландах, США, Франции, Швейцарии, ЮАР и др., а также уголовное законодательство Беларуси, Великобритании, Венгрии, Испании, Казахстана, Канады, Польши, Российской Федерации, США, Франции, ФРГ, Швейцарии и др.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили решения международных и национальных судебных органов по делам, касающимся деятельности частных военных и охранных компаний, преступлений наёмничества, общих принципов международного уголовного права.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности использования результатов настоящего исследования и сделанных в нем выводов и предложений для целей формирования правовой базы, необходимой для установления и осуществления эффективного контроля над деятельностью частных военных и охранных компаний в части противодействия преступности в условиях вооруженных конфликтов, районов повышенной опасности и иных нестабильных ситуаций. Положения диссертации могут найти применение не только для дальнейшей разработки вопросов правового регулирования частных военных и охранных компаний, но и для развития теории международного гуманитарного и уголовного права

с учётом современных тенденций ведения войны, особенностей развития событий в нестабильных ситуациях, современного морского пиратства.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты настоящего исследования могут быть использованы для целей правоприменительной деятельности международных институтов, национальных правоохранительных органов и иных компетентных институтов в части привлечения к уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний.

Результаты проведенного исследования нашли отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту.**

1. Частные военные и охранные компании как объект правового исследования представляют собой обладающие определенным правовым статусом образования, совершающие юридически значимые действия в районах вооруженных конфликтов и районах повышенной опасности. В уголовно-правовом контексте их анализ ориентирован на установление различий частных военных и охранных компаний от организованных преступных групп, преступных сообществ, наемничества, терроризма и экстремизма. Организационно-правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников, правовой режим функционирования организаций в районах вооруженных конфликтов и районах повышенной опасности, система правовых норм, регулирующих их непосредственную деятельность в процессе оказания военно-охранных услуг, в том числе связанную с возможностью причинения вреда, формируют критерии, на основе которых осуществляется уголовно-правовая оценка деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний, определяя тем самым особенности их уголовно-правового статуса.

Оформление правового статуса частных военных и охранных компаний в России требует принятия комплекса мер, не только направленных на лицензирование их деятельности, регламентацию режима обращения с

оружием и применения силы, процедур регулирования и надзора за деятельностью организаций, но и определяющих пределы правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в зонах вооруженных конфликтов.

2. В качестве критериев легитимности, позволяющих отличать частные военные и охранные компании от преступных организованных формирований, могут выступать организационно-правовые и функциональные признаки.

К организационно-правовым признакам относятся: формирование частных военных и охранных компаний как коммерческих организаций, действующих на постоянной основе; наличие четкой организационной структуры, специального законодательства, регулирующего вопросы лицензирования, организационно-правовой формы; договорная основа оказания ими услуг государству (или иным организациям).

Функциональные признаки включают: широкий круг оказываемых услуг (в том числе высокотехнологичных); выполнение ими задач, традиционно закрепленных за государственными органами; запрет на непосредственное участие в вооруженных конфликтах и др.

3. Значительную роль в становлении правового статуса частных военных и охранных компаний сыграла тенденция к делегированию государственных функций, в том числе в области обеспечения национальной безопасности. В то же время и частные военные, и охранные компании, и наемнические группы фактически берут на себя выполнение ряда традиционно государственных функций, и основой для разграничения этих понятий и легитимизации частных военных и охранных компаний становится сущность делегируемых функций. Выделение сугубо государственных функций, делегирование которых невозможно, ограничивает круг возможных видов деятельности для частных военных и охранных компаний, степень их вовлеченности в вооруженные конфликты и делает возможным их

привлечение со стороны как государств, так и международных институтов, например, таких как ООН.

4. Необходимость ограничивать деятельность частных военных и охранных компаний актуализирует вопрос об уголовной ответственности юридических лиц. Возможность включения в уголовное законодательство Российской Федерации положений, закрепляющих юридические лица в качестве субъекта совершения преступления, может быть рассмотрена в срезе оценки непосредственной связи между частными военными и охранными компаниями, их сотрудниками и нанимателем независимо от того, является им государство или иное юридическое лицо.

5. Одним из элементов правового статуса частных военных и охранных компаний, устанавливающих пределы правомерности деятельности их сотрудников, является правовой режим функционирования компаний. Под ним понимается совокупность правовых норм, действующих в конкретных обстоятельствах, в рамках которых частные военные и охранные компании осуществляют свою деятельность, и определяющих права и обязанности, закрепленные как за самими компаниями, так и за их сотрудниками в условиях вооруженных конфликтов и районов повышенной опасности.

Уголовно-правовые особенности правовых режимов, действующих в условиях нестабильности, характеризуются такими признаками, как: возможность введения новых правовых норм уголовно-правового характера, отличных от действующих в мирное время; особый порядок их применения и охраны; специфический субъект и объект преступления и др. Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний должно учитывать эти особенности, а уголовное законодательство – содержать положения, обеспечивающие привлечение к уголовной ответственности за совершаемые преступления, уточняющие применимое право и не допускающие введения иммунитетов в отношении сотрудников частных военных и охранных компаний.

6. Вопрос правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний следует рассматривать сквозь призму обстоятельств, исключающих преступность деяния, а именно необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ) и исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Обстоятельства вооруженного конфликта или района повышенной опасности могут создавать условия, в которых реализуется беспредельная самооборона, в рамках которой причинение вреда любой тяжести не создаёт состава преступления. Для установления пределов права на самозащиту для сотрудников частных военных и охранных компаний необходимо выделить их в отдельную категорию субъектов таким образом, чтобы реализация ими права на самооборону не смешивалась с непосредственным участием в военных действиях.

В процессе функционирования частных военных и охранных компаний, действующих на основании договора с государством, их сотрудники могут оказываться субъектами распоряжений не только собственного руководства, но и военных начальников. Ситуации причинения вреда при выполнении таких распоряжений могут рассматриваться по аналогии с причинением вреда военнослужащими, действующими на основании законного приказа (ст. 42 УК РФ), однако такое применение положений ст. 42 УК РФ должно учитывать запрет на непосредственное участие в военных действиях. Таким образом, распоряжение или приказ, нарушающие указанный запрет, в соответствии с ч. 2 ст. 42 УК РФ сами становятся заведомо преступными.

7. В рамках международного взаимодействия можно выделить две основные тенденции развития уголовно-правового статуса частных военных и охранных компаний: запрет на деятельность, нарушающую исключительную монополию государства на применение силы, и обеспечение привлечения к уголовной ответственности. Эти же направления следует учитывать и при формировании национальной правовой базы. Защита государственной монополии на применение силы может быть обеспечена в рамках ч. 2 ст. 171

УК РФ посредством включения в неё положений об ответственности за незаконное осуществление предпринимательской деятельности за рубежом, а также в рамках главы 30 УК РФ путем установления ответственности за делегирование государственных функций, реализация которых частными лицами недопустима (в частности, предполагающих непосредственное участие в военных действиях) при условии формирования на законодательном уровне списка таких государственных функций в рамках специального законодательства о частных военных и охранных компаниях.

8. Обеспечение привлечения к уголовной ответственности за преступления, совершаемые сотрудниками частных военных и охранных компаний в процессе осуществления ими своей профессиональной деятельности, возможно путем внесения изменений в ряд положений УК РФ на основе специального законодательства, определяющего правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников. Эти изменения должны дополнительно разграничивать деятельность частных военных и охранных компаний и наёмничество в рамках положений ст. 359 УК РФ, в которую возможно внести дополнительное примечание, определяющее понятие сотрудника частной военно-охранной компании как *«лица, являющегося сотрудником частной военно-охранной компании и действующего на основании договора между такой компанией и Российской Федерацией и оказывающего военно-охранные услуги в пределах, определённых таким договором и законодательством Российской Федерации, а также международными договорами Российской Федерации»*.

9. Важным является выделение юрисдикции, которая распространяется на сотрудников частных военных и охранных компаний, действующих на территории иностранных государств. Привлечение к уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний за преступления, совершаемые за пределами территории Российской Федерации, может осуществляться на основе принципа

универсальной юрисдикции. Для этих целей ч. 2 ст. 12 УК РФ может быть дополнена следующим образом: «Военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, *а также лица, оказывающие военно-охранные услуги Российской Федерации, в том числе, иностранные граждане и лица без гражданства,* за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации».

10. В процессе осуществления своей деятельности сотрудники частных военных и охранных компаний могут становиться исполнителями или соучастниками преступлений, для которых специальным субъектом являются военнослужащие. Для обеспечения привлечения сотрудников частных военных и охранных компаний к ответственности за такие преступления, необходимо включить их в состав специальных субъектов воинских преступлений. Для этой цели список субъектов, установленный в части 1 ст. 331 УК РФ, может быть изложена в следующей редакции: «Преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов, *и лицами, оказывающими военно-охранные услуги Российской Федерации*».

Степень достоверности и апробация результатов. Настоящая работа была выполнена на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Содержащиеся в исследовании положения, выводы и рекомендации нашли отражение в четырех научных статьях, три из которых опубликованы в изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Егорова А. К. Правовое регулирование охраны морских судов в зонах повышенной опасности с использованием частных военных и охранных компаний / А. К. Егорова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 4. – С. 25-28.

2. Егорова А. К. Правовой статус и уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний: проблемы экстратерриториальной юрисдикции и международно-правового регулирования / А. К. Егорова // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7. – С. 280-283

3. Егорова А. К. Частные военные и охранные компании или организованные преступные группы? Вопросы разграничения в международном и национальном уголовном праве / А. К. Егорова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 6. – С. 27-30.

4. Егорова А.К. Деятельность частных военных и охранных компаний: вопросы легитимности и права / А. К. Егорова // Юридические исследования. – 2022. – № 5. – С. 13 - 22.

В период с 2016 по 2019 гг. результаты исследования обсуждались на научных конференциях, в частности, в рамках XVII Всероссийской научной конференция студентов и молодых учёных «Актуальные вопросы публичного права» (г. Екатеринбург, Уральский государственный юридический университет, 1-2 ноября 2018 г.), Седьмой ежегодной международной конференции «Октябрьские чтения» (г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, направлена на раскрытие её темы и включает в себя: введение; три главы, подразделяемые на восемь параграфов; заключение; список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

§ 1.1. Правовой статус частных военных и охранных компаний и критерии их легитимности

Частные военные и охранные компании (предприятия) – это негосударственные юридические лица, которые, осуществляя предпринимательскую деятельность, предоставляют на возмездной (как правило договорной) основе военные и/или охранные услуги физическим и/или юридическим лицам[16]. В литературе используются как термин «компания», так и термин «предприятие», причем первое более применимо для зарубежных источников (в том числе документов ООН, для которых оно является официальным аутентичным переводом на русский язык), второе – для России, так как является более распространённым для юридической терминологии в Российской Федерации. Поскольку данная тема является значительно более разработанной за рубежом, и большинство нормативных правовых источников для настоящей работы являются иностранными, в исследовании используется общий термин – «частная военная и охранная компания».

Критерии легитимности частных военных и охранных компаний. Понятие легитимности явлений в правовом поле (в отличие от политологического) является сравнительно новым для научного исследования. В отличие от политологии, которая рассматривает в первую очередь проблему легитимности власти, легитимность как свойство права не имеет строгого определения. На современном этапе легитимность правовых явлений зачастую отождествляется либо с понятием законности (легальности),

[16] См.: *Волеводз А.Г.* Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 233-251.

либо с процессом легитимизации – признания, исходящего из социокультурных особенностей общества. М.В. Шугуров определяет легитимность как качество явления, включающее его правомерность, но не ограниченное ею. Она содержит такие элементы, как признание, доверие, одобрение, оправданность существования, соответствие моральным и иным неправовым нормам и идеалам, и вместе с тем правовым требованиям[17]. В.В. Денисенко указывает, что процесс легитимизации – поиска и доказательства состоятельности обоснований легитимности – объясняет формирование нормативных порядков, которые обладают силой связывать волю индивидов, направлять их поведение[18]. С точки зрения юристов, исследующих вопрос легитимности в праве, она представляет собой свойство субъективного права, в то время как законность – свойство объективного. Это связано с тем, что субъективное право представляет собой результат воплощения нормативных положений, реализацию той меры юридической свободы, которая закреплена положениями объективного права[19]. Легитимность явления устанавливается посредством применения определенных критериев (в том числе неправовых) и становится обоснованием для включения такого явления в правовое поле, придания ему законности в процессе нормативного урегулирования. Фактически легитимизация выступает в качестве процесса признания за субъектом общественных отношений статуса субъекта правоотношений, субъекта права, формирования его правового статуса, поскольку именно легитимность является основной для раскрытия характеристик субъекта относительно воздействующих на него правовых норм и режимов. Легитимный субъект права – уже полноценная единица права, за которой стоит, как отмечали А.Ю. Якимов, С.С. Алексеев, Р.О. Халфина, «стабильное,

---

[17] См.: *Шугуров М.В.* Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – №. 1. – С. 2.

[18] См.: *Денисенко В.В.* Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 42.

[19] См.: *Алексеев С.С.* Теория права. – М., 1995. – С. 300.

основополагающее начало в правовом состоянии субъекта, которое включает в себя правосубъектность в единстве с другими общими правами и обязанностями»[20].

Говоря о легитимности частных военных и охранных компаний, мы уделяем особое внимание тому факту, что их правовой статус до сих пор не определен на международно-правовом уровне, международным гуманитарным правом устанавливается «в каждом конкретном случае с учетом характера и условий выполнения возложенных на них функций»[21], а на национальном уровне представлен весьма скупо. Несмотря на то что общепринятого представления о правовой природе таких компаний нет, в ряде государств установлены правовые нормы, регулирующие ЧВОК, и их услуги востребованы в том числе на уровне международных организаций. Это позволяет рассматривать ЧВОК также с позиции легальности – понятия, смежного с легитимностью, но не тождественного ей. Недостаточность формально-правовых критериев приводит к необходимости использования общеправовых и общезначимых принципов, основанных на гуманистических ценностях, и критерии легитимности в этой связи становятся внешними по отношению к праву. Таким образом, для того чтобы сформулировать критерии легитимности частных военных и охранных компаний, необходимо рассматривать совокупность трёх смежных характеристик – собственно легитимности как наиболее широкой категории, легальности (законности) и связывающего эти понятия процесса – легитимизации.

---

[20] *Якимов А.Ю.* Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 5-10, *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 2. – М., 1984. – С. 138-139; *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М., 1974. – С. 41, 114-115.

[21] Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта) С. 14 // URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

Можно сформулировать следующие основные признаки, определяющие легитимность частных военных и охранных компаний:

- наличие социально-признанной ценностной природы[22] и приемлемость в рамках установленной политической и правовой системы;

- формирование внутреннего, в том числе правового, содержания явлений, их правового статуса.

Для понятия легитимности первым из таких признаков, определяющих процесс легитимизации, является **наличие социально-признанной ценностной природы –** признание значимости явления социальными субъектами[23]. Социальная значимость, в свою очередь, закрепляет за объектом наличие некоторой самостоятельной природы, которая определяет его способность встроиться в систему ценностей, характерную для данного социума и действующую в нем правовую систему, возможность рассмотрения такого явления с позиций морали, общественно-исторических и политических условий. В результате формирования ценностной природы явление может получить или не получить признание со стороны общества.

Частные военные и охранные компании, будучи порожденными историческим развитием общества, различными институтами государственной власти, приватизацией государственных функций, в конце концов трансформацией наёмничества, обладают такой ценностной природой. В то же время вопрос их социально-политического признания остаётся дискуссионным как на национальном, так и на международном уровнях. Это связано не только с неоднозначностью роли ЧВОК в современном мире, но и с тем, насколько отличались подходы к договорным отношениям в сфере военных и околовоенных услуг в различные исторические периоды – от Средневековья, для которого наёмные армии были явлением само собой

---

[22] См.: Общая теория права. Курс лекций / Поляков А.В. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 447.

[23] См.: Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 47.

разумеющимся, до современной цивилизации, где большинство государств и международные организации криминализуют наёмничество.

В рамках международного права таким положительным признанием можно считать привлечение ЧВОК к операциям Организации Объединенных Наций по поддержанию мира и к совместным операциям и миссиям Европейского союза, в том числе направленным на разрешение миграционного кризиса, борьбу с пиратством, международным терроризмом, торговлей людьми[24]. Важно отметить, что на сотрудников частных военных и охранных компаний, участвующих в таких операциях, при соблюдении определенных условий и ограничений распространяются иммунитеты, установленные для миротворческого контингента[25]. Ограничивающими условиями в данном случае является характер осуществляемой деятельности (они не должны соответствовать «техническим критериям понятия наёмничества»[26]), порядок включения в состав миротворческих сил – правовой статус сотрудников ЧВОК может быть различным в зависимости от того, наняты они напрямую международной организацией, или государством-участником как посредником.

Организация Объединенных Наций использует частных военных подрядчиков в своих миссиях начиная с 1990-х гг. для обеспечения защиты

---

[24] *Bakker C., Sossai M. (ed.).* Multilevel regulation of military and security contractors: The Interplay between International, European and Domestic norms. – Bloomsbury Publishing, 2012, *White N. D. and Macleod S.,* EU Operations and Private Military Contractors: Issues of Corporate and Institutional Responsibility / EUI Working paper, 2009, *Falco V.* Human Rights and International Humanitarian Law in the Common security and defence policy: Legal framework and perspectives for PMSC regulation / EUI Working paper, 2009.

[25]Документ Европейской службы внешних дел 8628/14 EU Concept for Contractor Support to EU-led military operations от 7 апреля 2014 г. // URL: http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%208628%202014%20INIT (дата обращения: 14.05.2018).

[26] *Mohamad Ghazi Janaby.* The Legal Status of Employees of Private Military/Security Companies Participating in U.N. Peacekeeping Operations, 13 Nw. J. Int'l Hum. Rts. 82 (2015). // URL: http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njihr/vol13/iss1/4 (дата обращения: 14.05.2018).

помещений и сотрудников[27]. Доклад Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение также выделяет, что в последние годы Организация пользуется услугами ЧВОК также «в сложных чрезвычайных ситуациях и в конфликтных или постконфликтных районах», где обеспечение безопасности миссий ООН силами принимающего государства может быть затруднено или невозможно. На 2014 год в 29 миссиях ООН, возглавляемых Департаментом операций по поддержанию мира и Департаментом по политическим вопросам использовались около 30 частных военных и охранных компаний (как вооруженных, так и невооруженных), общий бюджет на оплату услуг которых 2013-2014 гг. составил приблизительно 42 125 297 долл. США, включая 14 015 520 долл. США на услуги вооруженной охраны[28]. Затраты на аналогичные услуги за 2012-2013 гг. составляли 30 931 122 долл. США[29]. Это подтверждает, что сотрудничество ООН с частными военными и охранными компаниями только расширяется.

Европейский союз также использует частные военные и охранные компании, в том числе в миссиях, осуществляемых в рамках Общей политики обороны и безопасности, несмотря на то что делегирование задач по безопасности не является основной чертой таких миссий. Среди факторов, повлиявших на привлечение частных военных и охранных компаний, можно отнести изначально враждебную среду, необходимость для ЕС заботиться о безопасности собственного персонала в гражданских и полицейских миссиях. Кроме того, недостаток в личном составе, выделяющемся со стороны

---

[27] Документ ООН A/69/338 от 21 августа 2014 г. «Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение» // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/A.69.338_ru.doc (дата обращения: 05.03.2016).

[28] Там же. С. 6.

[29] Там же. С. 7.

государств-членов, открывает дополнительную возможность частным военным и охранным подрядчикам для предоставления услуг по тренировке местных сил безопасности и оказанию логистических услуг, например, в рамках миссии в Афганистане (EUPOL Afghanistan) – крупнейшей европейской полицейской миссии ЕС. В 2007-2008 гг. Миссией заключались контракты с британской компанией Armor Group на подготовку персонала для службы в неблагоприятной обстановке[30]. Европейская полицейская миссия в Боснии и Герцеговине (EUPM) также сотрудничала с частными подрядчиками, выполнявшими функции по охране для некоторых должностных лиц миссии. Однако впоследствии EUPM отказалась от использования ЧВОК как в связи с улучшением ситуации с безопасностью в регионе, так и стараясь избежать любых столкновений, которые могли бы возникнуть в связи с их привлечением[31]. Этот пример показывает, что в некоторых условиях миссии ЕС оказываются в состоянии обеспечить безопасность без привлечения дополнительных ресурсов в виде ЧВОК. Действующая в Косово Европейская миссия в области верховенства закона (EULEX) привлекала местную компанию Balkan International для осуществления охраны объектов, которую впоследствии сменила Henderson Risk Limited, что обходилось более чем в 2 млн. долл. США ежегодно.[32] При этом отмечается, что сотрудники охранной компании, вовлеченные в исполнение охранных услуг, были не вооружены и не обладали специальными полномочиями. Европейская полицейская миссия на Палестинских территориях в 2009 г. заключила контракт с британской компанией Page Protective Services по поводу обеспечения безопасности персонала и объектов,

---

[30] *Krahmann E., Friesendorf C.* The role of Private Security Companies (PSCs) in CSDP missions and operations // Brussels: European Parliament. – 2011. – С. 11-12.

[31] Там же. С. 13.

[32] European Union Rule of Law Mission Kosovo (EULEX) // Сведения о контрактах // URL:http://www.eulex-kosovo.eu/docs/tenders/SecurityGuardingServices2/Award%20Notice_Security%20Guarding.pdf (дата обращения: 14.04.2017).

при этом так же, как и в рамках миссии в Афганистане, государства-участники, в частности Великобритания, самостоятельно заключают контракты с компаниями, в том числе для подготовки местного персонала. Помимо Page Protective Services в палестинской миссии задействовано много других компаний, осуществляющих не только охранные услуги, но и услуги по подготовке персонала, логистические, снабжение и др.[33]

Доклад рабочей группы ООН выделяет ряд факторов, обусловливающих желательность и необходимость привлечения частных военных и охранных организаций. Среди них взаимная противоречивость позиций государств-членов, представители которых участвуют в реализации миротворческой деятельности по финансовым и организационным вопросам. Кроме того, ООН не имеет достаточного количества собственных подготовленных в достаточной степени сотрудников, и в то же время их привлечение потребовало бы существенно больших расходов и организационных издержек, связанных с кадровой политикой. Немалое значение имеет и то, что услуги частных военных и охранных компаний в принципе более доступны, а расходы, связанные с наймом частных подрядчиков, значительно ниже, чем расходы на выплату окладов, обучение и оплату общих расходов собственному персоналу ООН[34]. Несмотря на признание определенных рисков и проблем, связанных с передачей функций обеспечения безопасности частным подрядчикам, ООН считает их привлечение оправданным и в настоящее время фактически единственным средством обеспечения безопасности персонала и операций Организации в нестабильных условиях.

Большую сложность при анализе критериев легитимности ЧВОК создает оценка соответствия их деятельности моральным и иным неправовым

---

[33] European Union Co-ordinating Office for Palestinian Police Support (EUPOL COPPS) // Сведения о контрактах за 2011г. // URL:http://eupolcopps.eu/sites/default/files/Awarded%20Contracts_Year%202011.pdf (дата обращения: 14.04.2017).

[34] Там же.

нормам как фактор приемлемости в действующей политико-правовой системе. Это обусловлено тем, что правовое регулирование для таких компаний существует в сравнительно небольшом количестве государств, в то время как объем и наполнение неправовых регуляторов общественных отношений может существенно отличаться в государствах с разными культурными и религиозными традициями, лежащими в основе принятых в обществе норм морали, уровнем развития демократических институтов и гражданского общества. Наиболее значимые для общества нормы морали и нравственности в большинстве государств обрели юридический статус – были закреплены в качестве правовых положений. Это касается, например, прав человека, нарушение которых является одним из камней преткновения в вопросе допустимости использования ЧВОК.

Существенную роль в легитимизации частных военных и охранных компаний играет содержание их деятельности в случаях, когда государства делегируют таким компаниям часть своих традиционных функций, связанных с обороной и безопасностью. Фактически в этих условиях гарантом добросовестности частных военных и охранных компаний должно становиться государство, а легитимность государственной власти – распространяться и на действующие в интересах такой власти частные военные и охранные компании. Однако легитимность власти исходит из прочной политико-правовой связи между властью и народом, и именно народ является источником легитимности власти. Она вытекает из непосредственной зависимости государства и установленного в нем правопорядка от доверия и признания со стороны граждан, возможности для них принимать участие в формировании властных органов, наличия избирательного права, уважения, обеспечения и защиты прав и свобод человека со стороны государства и т.д. Таким образом, прямая связь между народом как источником легитимности и частными военными и охранными компаниями отсутствует – она опосредована государством как основным

источником их формирования, деятельности, правового положения. Связь между государством и частными военными и охранными компаниями выражается в правовом регулировании таких компаний, объеме и содержания этого регулирования, поскольку, несмотря на то что легитимность гораздо шире законности, последняя для демократических государств является основополагающим способом обеспечения легитимности[35]. Положения нормативных правовых актов, закрепляющих статус частных военных и охранных компаний в различных государствах, в том числе позволяют сформулировать разницу между ними и наёмническими формированиями, несмотря на то что исторически именно последним ЧВОК обязаны своим возникновением. Аналогичную задачу в более узком смысле выполняют условия договоров, на основе которых частные военные и охранные компании предоставляют свои услуги государствам и международным организациям.

Что касается второго признака легитимности частных военных и охранных компаний – **формирования внутреннего, в том числе правового, содержания** – то речь идёт в первую очередь о правовом статусе явления. Говоря о правовом статусе ЧВОК и их сотрудников как субъектов права, мы обращаемся к общетеоретическому значению этой категории, под которым понимается правовое состояние лица (органа, организации или физического лица), характеризующееся комплексом (системой) юридических прав и обязанностей[36]. В наиболее общей форме, применимой для целей анализа легитимности частных военных и охранных компаний как явления в целом, такой статус раскрывается в закрепляющих его нормативных правовых актах.

Речь пойдет о подходах к правовому регулированию деятельности ЧВОК на национальном уровне и в меньшей степени – на региональном, поскольку международные усилия в этой области на данный момент

---

[35] См.: *Шмитт К.* Политическая теология. – М., 2000. – С. 75.

[36] См.: *Якимов А.Ю.* Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. – 2003. – №. 4. – С. 5-10.

невозможно назвать успешными. Косвенно затрагивающую проблему ЧВОК Конвенцию ООН «О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников» 1989 г. ратифицировали всего лишь тридцать государств, среди которых нет США и России, хотя есть Бельгия, Германия, Италия, Украина, Сирия и другие, а разработка специальных международно-правовых норм в отношении ЧВОК остановилась на этапе принятия документов рекомендательного характера, таких как уже упоминавшийся Документ Монтрё, Руководства ИМО[37] и др.

Для государств Европейского союза характерны значительно отличающиеся позиции по поводу самой возможности использовать частные военные и охранные компании, выражающиеся как в полном запрете их деятельности, так и в ограничении получателей услуг (запрет экспорта военно-охранных услуг или деятельности за рубежом) или видов услуг (запреты на применение оружия и т.п.). В то же время существующие наднациональные нормы, даже косвенно затрагивающие вопросы деятельности ЧВОК, оказывают существенное влияние на развитие национальных законодательств в регионе в отношении частных военных и охранных услуг и экспорта таких услуг за пределы ЕС. Среди существующих средств регулирования следует упомянуть Кодекс поведения Европейского союза в области экспорта вооружений, принятый Советом ЕС в 1998 г., а также широкий спектр политических мер в области Общей внешней политики и безопасности, принятых как в комплексе с Кодексом поведения, так и отдельно от него. Эти нормы сформировали некоторые требования к положениям национального законодательства относительно экспорта военных услуг, таких как

[37] Речь идёт о таких документах, как «Руководство для частных морских охранных компаний, предоставляющих услуги по вооруженной охране морских судов и типовой договор» в ред. 2015 г., разработанное ISO (Международная организация по стандартизации) по запросу IMO (Guidelines for Private Maritime Security Companies (PMSC) providing privately contracted armed security personnel (PCASP) on board ships (and pro forma contract) 2015 г.

техническое сопровождение оружия, круг возможных получателей таких услуг, на которых наложено эмбарго, брокерские операции в отношении оружия[38], экспорт стрелкового оружия и легких вооружений. Суд ЕС формально установил компетенцию Союза в отношении частных охранных услуг. В решениях по целому ряду дел[39] Суд отнес регулирование частных военных и охранных компаний и их деятельности к еще действовавшей на тот момент «первой опоре» ЕС, включив его в сферу действия норм, распространяющихся на любые другие услуги, а также распространив на них принцип свободы передвижения товаров, лиц, услуг и капиталов. В то же время Испанская инициатива о создании контактной сети между национальными органами власти, направленная на формирование общих средств регулирования, была отклонена Европейским Парламентом по формальным причинам. Тем не менее комитет Европарламента отметил при рассмотрении вопроса важность регулирования частного охранного сектора, а в 2002 г. Совет принял Рекомендацию (2002/C 153/01)[40] в отношении сотрудничества компетентных национальных органов власти.

В 1998 г. в рамках Общей внешней политики и политики безопасности был принят Кодекс поведения Европейского союза в области экспорта вооружений. Он был изначально нацелен на установление общих стандартов в области поставок конвенционных видов вооружений и упрощения обмена

---

[38] Council Common Position 2003/468/CFSP of 23 June 2003 on the control of arms brokering. // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003E0468&from=HR (дата обращения: 26.07.2018).

[39] Комиссия против Испании, дело C-114/97, решение от 29 октября 1998 г. // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61997CJ0114 (дата обращения: 26.07.2018); Комиссия против Италии, дело C-283/99, решение от 31 мая 2001г. // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61999CJ0283 (дата обращения: 26.07.2018); Комиссия против Бельгии, дело №C-355/98 и др.

[40] Council Recommendation of 13 June 2002 regarding cooperation between the competent national authorities of Member States responsible for the private security sector, OJ C 153, 27.6.2002 // URL:http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002H0627(01)&from=EL (дата обращения: 04.02.2019).

информацией об экспорте вооружений между государствами-членами, что привело к ежегодному обмену государствами - членами ЕС конфиденциальными отчетами об экспорте вооружений и составлению общего отчета в рамках ЕС с 1999 г. Такие отчёты на сегодняшний день содержат достаточно детальную информацию об объемах экспорта и получателях, конкретных видах вооружений по отдельным государствам-членам. На сегодняшний день большинство государств-членов, за исключением Кипра и Греции, публикуют свои национальные отчеты в открытом доступе[41]. Таким образом, Общей Позицией Совета ЕС 2008/944/CFSP от 8 декабря 2008 г., определяющей правила контроля за экспортом военных технологий и товаров[42], были установлены также критерии экспорта конвенционных видов вооружений, которые государства - члены ЕС обязаны применять к собственной практике лицензирования в этой области.

Эти критерии содержат такие минимальные условия, как соблюдение международных обязательств государств-членов, в частности санкций, вводимых Советом Безопасности или Европейским союзом, соглашений по нераспространению и другим вопросам, кроме того, лицензии на импорт и экспорт не могут выдаваться в нарушение эмбарго ООН, ЕС или ОБСЕ. Важным критерием является соблюдение прав человека в государстве-получателе, а также соблюдение этим государством норм международного гуманитарного права, так как государства-члены не должны осуществлять экспорт товаров, который может продлить, усложнить или спровоцировать вооруженный конфликт. Государства также обязаны учитывать

[41] Official Journal of the European Union – Internet addresses of Member States' national websites providing national reports on arms exports // URL: http://www.eeas.europa.eu/non-proliferation-and-disarmament/arms-export-control/docs/table_e.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

[42] Council Common Position 2008/944/CFSP of 8 December 2008 defining common rules governing control of exports of military technology and equipment // URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:335:0099:0103:EN:PD (дата обращения: 04.02.2019).

национальную безопасность стран - членов ЕС и территорий, находящихся под их ответственностью, дружественных и ассоциированных держав, террористические риски в государствах-контрагентах.

Так, Португалия приняла на основе этой общей позиции Закон 48/2009 (вступил в силу 5 августа 2009 г.), обязывающий всех брокеров регистрироваться в Министерстве обороны. Такой брокер обязан приобрести лицензию на определенные брокерские операции, а досье на всех лиц и организации, получивших брокерскую лицензию, обязано храниться как минимум 15 лет[43].

Законодательство ЮАР регулирует некоторые виды деятельности, связанной с предоставлением военных услуг, и запрещает наёмничество; оно устанавливает уголовную ответственность за запрещенную законом деятельность и экстратерриториальную юрисдикцию национальных судов по делам о преступлениях, подпадающих под действие этого закона, запрещающего наёмничество. Соответствующие нормы установлены в Законе о контроле за огнестрельным оружием 2000 г. (Firearms Control Act 60 of 2000), который регулирует оборот и хранение оружия, и непосредственно Законе о регулировании частной охранной отрасли (Private Security Industry Regulation Act 56, 2001 (PSIRA)[44]). Конституция Южно-Африканской Республики (Constitution of the Republic of South Africa Act 108, 1996 (Sections 198, 199 on the provision of Security Services) отдельно устанавливает, что граждане не имеют право принимать участие в вооруженном конфликте за рубежом, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией и национальным

---

[43] Документ ООН A/66/154 от 15 июля 2011г. Доклад Генерального секретаря «Контроль над обычными вооружениями на региональном и субрегиональном уровнях» // URL:https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/417/61/PDF/N1141761.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.01.2019).

[44] Private Security Industry Regulation Act 56, 2001 (PSIRA) // URL: http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/a56-01_0.pdf (дата обращения: 05.03.2016).

законодательством[45]. Кроме того, отдельный законодательный акт регулирует вопросы оказания зарубежной военной помощи и требует одобрения государством любого контракта, заключаемого с частным военно-охранным подрядчиком, а деятельность без лицензии или в случае отсутствия одобрения такого контракта может быть приравнена к наёмничеству. Однако в ходе посещения Южной Африки в 2010 г. Рабочая Группа ООН отметила, что эффективное регулирование частного военного и охранного сектора отсутствует, несмотря на формальное ужесточение нормативных требований к такой деятельности.

США, занимающие первое место на рынке частных военных и охранных услуг, регулируют в первую очередь деятельность правительства и регулярных вооруженных сил во взаимоотношениях с частными военными компаниями, в то время как принятый закон «Об экстратерриториальной юрисдикции»[46], вносящий изменения в порядок действия норм уголовного права, не показал своей эффективности, его применение в отношении сотрудников ЧВОК, оказывающих услуги американскому командованию в зарубежных операциях, является скорее исключением, чем нормой, что будет рассмотрено в настоящей работе в последующих параграфах.

Таким образом, основанием для оценки легитимности ЧВОК становится социально-политическая составляющая, выраженная в их фактической деятельности в процессе оказания услуг институтам, приверженность которых современным гуманитарным ценностям очевидна – в частности, Организации Объединенных Наций[47], и процесс формирования правового статуса посредством принятия на национальном и региональном уровнях

---

[45] Конституция ЮАР // URL: https://www.gov.za/sites/default/files/images/a108-96.pdf (дата обращения: 05.03.2016).

[46] Military Extraterritorial Jurisdiction Act (MEJA), 18 U.S.C. §§ 3261-67 // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-II/chapter-212 (дата обращения: 05.03.2016).

[47] Østensen Å. G., Centre pour le contrôle démocratique des forces armées (Genève). UN use of private military and security companies: Practices and policies. – DCAF, 2011. – T. 3.

нормативных правовых актов обязательного характера, а также работы, которая ведется на международном уровне над созданием и совершенствованием соответствующих актов. Признание значимости и оправданности использования частных военных и охранных компаний и закрепление нормативных требований к ЧВОК, их сотрудникам и предоставляемым ими услугам, а также к методам их исполнения оформляет процесс легитимизации ЧВОК, связывая их с социальной действительностью и закрепляя в нормативных правовых актах их ценностную природу, отличную от природы сходных, но социально непризнанных явлений, таких как, например, наёмничество.

Правовой статус частных военных и охранных компаний. Правовой статус в общем смысле (от лат. status – состояние[48]) – это юридически закрепленное положение субъекта права[49], которое основано на положении этого субъекта в обществе в целом и установлено правом. Правовой статус наиболее полно характеризует многообразие связей субъекта с правом, и его основу составляют закрепленные юридические права и обязанности. При этом в науке выделяется общий и специальный правовой статус, где последний уточняет и дополняет права и обязанности, составляющие общий правовой статус применительно к определенному кругу общественных отношений. Именно к такому кругу можно отнести правовое положение, в котором частные военные и охранные компании и их сотрудники оказываются, действуя в условиях вооруженных конфликтов различного характера, иных нестабильных ситуациях. Существует определённая дискуссия относительно применимости для обозначения более узкого и конкретного правового статуса терминов «специальный правовой статус», «правовое положение» и даже

[48] См.: Латинско-русский и русско-латинский словарь / А.В Подосинов, Г.Г. Козлова, А.А. Глухов, А.М. Белов; под общ. ред. А.В. Подосинова – 2-е., стер. – М.: Флинта, 2012. – 744 с.

[49] Матузов Н.И. Теория государства и права. – М.: БЕК, 1997. – С. 231

«правовой модус»[50]. Однако наиболее важным здесь представляется то, что конкретизация правового статуса ЧВОК в рамках таких правовых режимов, как режим вооруженного конфликта и чрезвычайного положения, а также иных правовых режимов, касающихся ситуаций, связанных с нестабильностью и опасностью, предполагает, что такой правовой статус не будет носить абсолютно константного характера, но будет представлять собой совокупность прав и обязанностей, изменяющихся в зависимости от конкретных условий, юридических фактов, правоотношений, в которых участвует субъект. Еще одной проблемой определения правового статуса ЧВОК и их сотрудников, осуществляющих свою деятельность в условиях районов вооруженных конфликтов или зоны повышенной опасности, является то, что он может в значительной степени преломляться в зависимости от юрисдикции, распространяющейся на субъекты права.

Наибольшую сложность в определении правового статуса частных военных и охранных компаний представляет несогласованность и во многом даже размытость правового регулирования (в тех странах, где оно существует) и устоявшийся на международном уровне принцип индивидуальной оценки. Отсутствие международных актов нормативного характера объясняется как различиями в национальных подходах, так и недостаточным для формирования общих принципов правового регулирования количеством действующих национальных норм. Содержание последних, в свою очередь, зависит от целого ряда факторов, среди которых:

– подходы к аутсорсингу государственных функций, включая полный запрет на привлечение к ним частных подрядчиков или существенные ограничения;

– существующая роль частного сектора в осуществлении публичной власти и исторически сложившееся отношение к смежному с ЧВОК явлению – наёмничеству;

---

[50] Там же.

– законодательство об обороте и обращении с оружием, в том числе касающееся его провоза через государственную границу и использование частными лицами, а также экстатерриториальное действие нормативных правовых актов;

– международные обязательства отдельных государств в рамках многосторонних или двусторонних договоров и сложность определения правового статуса ЧВОК и их сотрудников, действующих в иностранном государстве, и др.

Проблему для определения правового статуса ЧВОК составляет и отсутствие определения самого явления в международно-правовых актах, хотя оно содержится в ряде значимых ненормативных документов, таких, например, как «Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта»[51]. Согласно этому документу под частными военными и охранными компаниями (ЧВОК) понимают «частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключённых; консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников»[52].

---

[51] Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 года (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта) // URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

[52] Там же. С. 8.

Определение правового статуса частных военных и охранных компаний, действующих за пределами государства национальности такой компании, становится одним из наиболее важных вопросов для правового регулирования этого феномена. Несмотря на постоянно расширяющуюся сферу применения частных военных и охранных компаний, существующие международно-правовые акты никак не определяют их статус, как и статус их сотрудников, а национальные законодательства преимущественно рассматривают гражданско-правовой аспект функционирования ЧВОК и отдельные проблемы, касающиеся внутренней безопасности[53]. При этом нормы, регулирующие непосредственную деятельность частных военных компаний, распространяются в первую очередь на предоставление их услуг внутри государства национальности, в то время как их внешняя деятельность ограничена в основном нормами, касающимися внешней торговли, лицензирования и т.д. Участие же таких компаний и их сотрудников в военных действиях и осуществление их деятельности в других нестабильных ситуациях, возможные грубые нарушения международного гуманитарного права и причастность их к преступлениям международного характера оказываются за пределами правового регулирования, в так называемом «правовом вакууме»[54].

Наибольший интерес в данном случае представляет определение правового статуса ЧВОК и их сотрудников не в широком смысле, но в рамках их деятельности в нестабильных ситуациях (в том числе в открытых вооруженных конфликтах), когда их участие приобретает двойственный характер, требующий определить возможность признания за ними статуса комбатантов (и соответственно права сражаться против неприятеля) или нонкомбатантов, или же выделить их в особую категорию лиц, принимающих

---

[53] *Dekker G.D.* The Regulatory context of private military and security services at the European Union level. – 2009.

[54] *Leander A.* Existing International InstrumentsandMechanisms. – Department of Intercultural Communication and Management, Copenhagen Business School, 2007.

участие в вооруженном конфликте. Фактически речь идёт о специальном правовом статусе, который бы характеризовал частные военно-охранные компании и их сотрудников в определенном круге общественных отношений, обусловленных особым правовым режимом – вооруженного конфликта, зоны повышенной опасности, нестабильной ситуации иного характера. Являясь новым субъектом в военных действиях, частные военные компании и их сотрудники однозначно не попадают ни в одну из категорий лиц, рассматриваемых нормами международного гуманитарного права: личный состав вооруженных сил, ополчение и добровольческие отряды, население неоккупированной территории, которое стихийно берется за оружие, участники движений сопротивления. Все перечисленные группы тем или иным образом могут быть отнесены к комбатантам и, следовательно, за ними признается способность к исполнению военных прав и обязанностей. Учитывая специфику услуг, оказываемых ЧВОК, их также невозможно причислить к нонкомбатантам (невоюющим лицам) в составе вооруженных сил или гражданскому населению. Кроме того, право вооруженных конфликтов выделяет в отдельную группу шпионов, наёмников и военных преступников – как лиц, лишенных права быть рассмотренными в качестве военнопленных, однозначно не попадающих под определение «покровительствуемых лиц», как следствие, в отношении них возможно уголовное преследование. Такие нормы действуют «от противного» и опираются на исключение признаков, в соответствии с международным правом, определяющих другие категории лиц, участвующих в вооруженном конфликте[55].

Особенного внимания заслуживает также определение статуса частных военных и охранных компаний и их сотрудников в операциях, проводимых

[55] *Scheimer, Michael.* "Separating Private Military Companies From Illegal Mercenaries in International Law: Proposing an International Convention for Legitimate Military and Security Support the Reflects Customary International Law." American University International Law Review 24, no. 3 (2009): 609-646.

для целей Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза. Как замечает в своей работе Г. Деккер, гипотеза о том, что роль ЕС в регулировании ЧВОК направлена на соблюдение прав человека и международного гуманитарного права, на данный момент несостоятельна[56]. Кроме того, отдельные государства - участники ЕС достаточно широко используют услуги ЧВОК в своих интересах за пределами собственных границ и границ сообщества, например, для охраны морских судов в зоне повышенной опасности.

Таким образом, формируется структура регулирования, составляющая в целом правовой статус частный военных и охранных компаний, на основе которой возможно решение указанных выше проблем.

1) Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний представляет собой многоуровневую систему (международный, региональный, национальный уровни нормативных правовых актов и иных документов).

2) Элементы такой системы регулирования могут быть взаимосвязаны между собой как на постоянной основе (в рамках общепринятых норм и принципов международного права, международных договоров), так и в рамках конкретных обстоятельств, устанавливаемых обязательствами, в соответствии с договором между ЧВОК и государством или организацией, которым они предоставляют свои услуги.

3) Правовой статус ЧВОК непосредственно зависит от территориальных и иных правовых режимов (например, района вооруженного конфликта), в условиях которых они осуществляют свою деятельность.

Определение четкого правового статуса частных военных и охранных компаний, прямо или косвенно оказывающих услуги в районе вооруженного конфликта или в зоне повышенной опасности, жизненно необходимо для

---

[56] *Dekker G.D.* The Regulatory context of private military and security services at the European Union level. – 2009.

выведения их из так называемого «правового вакуума» или «серой зоны». Оно позволяет сделать значительно менее размытыми границы их возможных действий и предоставляемых ими военных и околовоенных услуг. Из сложившейся практики их использования можно сделать вывод, что ниша частных военных компаний лежит между регулярными вооруженными силами воюющей стороны – законными участниками военных действий и наёмниками – военными преступниками[57].

Правовой статус является одним из центральных понятий в теории права, и вместе с тем его определение представлено в научном пространстве различными позициями. Содержание правового статуса, его обязательные и факультативные элементы, соотношение с правосубъектностью и правоспособностью, взаимозависимость между правовым статусом и правовой природой субъекта права, правоотношениями, в которые он вступает, и правовой системой, в рамках которой он реализуется, является предметом дискуссии. Р. О. Халфина рассматривала возникновение правового статуса в качестве формы реализации норм права в результате вступления субъекта в правоотношения. Таким образом, поскольку возможность быть носителем прав и обязанностей в правоотношениях определяется как правосубъектность, эта категория становится одним из элементов правового статуса[58].

Непосредственное содержание правового статуса определяется совокупностью прав и обязанностей, закрепляющих правовое положение субъекта права[59]. В структуру правового статуса также могут быть включены

---

[57] См.: *Климов А.С., Хорьяков С.Н.* Особенности ответственности наемника за участие в вооруженном конфликте или военных действиях по международному и национальному уголовному законодательству // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 4. – С. 21-23.

[58] См.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношениях. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 119–120.

[59] См.: Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – М., 1987. – С. 454, 458.

законные интересы, правосубъектность, юридическая ответственность, правовые принципы и гарантии правового статуса[60]. Внутреннее содержание этих элементов и необходимость учитывать их все, или только наиболее существенные – как права и обязанности – зависит от конкретного субъекта права и становится содержанием правового статуса. Несмотря на многочисленность мнений, высказываемых о сущности категории правового статуса, все исследователи, в том числе Г.М. Вельяминов, В.С. Нерсесянц, А.Ю. Якимов включают в качестве обязательных и определяющих элементов совокупность прав и обязанностей субъекта права, реализующихся в рамках его общей или специальной правосубъектности.

В настоящее время статус ЧВОК и их сотрудников «определяется международным гуманитарным правом в каждом конкретном случае, в частности с учетом характера и условий выполнения возложенных на него функций»[61]. Такая формулировка содержится в документе Монтрё, который был разработан группой государств, заинтересованных в вопросах, касающихся частных военных и охранных компаний, с целью обеспечить соблюдение государствами и ЧВОК норм международного гуманитарного права и законодательства о правах человека. Он закрепляет, что правовой статус частных военных и охранных компаний может рассматриваться различным образом в зависимости от фактических обстоятельств и характера возникающих в таких обстоятельствах правоотношений.

В январе 2018 г. для получения заключения Правительства РФ и других государственных органов до внесения в Государственную Думу был представлен очередной законопроект, посвященный ЧВОК. Он определяет

---

[60] См.: *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 294 с.

[61] Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта) С. 14 // URL:https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

«частную военную и военно-охранную организацию» как «организацию, специально учрежденную для выполнения и оказания на возмездной договорной основе военных и военно-охранных работ и услуг, зарегистрированную в установленном законом порядке и имеющую лицензию»[62]. Такая формулировка предполагает необходимость установить в законе понятие военных и военно-охранных работ и услуг, а также порядок лицензирования таких видов деятельности. Согласно положениям законопроекта частные военные и военно-охранные компании могут осуществлять деятельность в интересах физических и юридических лиц, а также иностранных государств. Устанавливается также, что частным военным и военно-охранным организациям запрещается свержение законных органов власти, подрыв конституционного порядка, правовых, экономических, финансовых основ государственного строя или «насильственное изменение международно признанных границ государств, нарушение суверенитета, поддержка иностранной оккупации части или всей территории государства. Законопроект также определяет, что на частные военные и охранные компании распространяется «законодательство государства территориальной юрисдикции, на территории которого реализуются военные и военно-охранные работы и услуги». Несмотря на то, что в тексте не конкретизировано соотношение российского и зарубежного законодательства в указанных случаях, а также особенности экстратерриториального действия законов Российской Федерации, это положение уточняет правовой статус ЧВОК, действующих за пределами России.

Характеристики, влияющие на определение правового статуса и, что не менее важно, на отделение ЧВОК от наёмнических формирований и регулярных вооруженных сил, отражаются в большинстве определений этого

---

[62] Депутаты в законе о легализации ЧВОК запретят им устраивать революции // URL: https://www.rbc.ru/politics/23/01/2018/5a6731859a794701b07b9a8d (дата обращения: 14.02.2019).

понятия, закрепленных в литературе, нормативных правовых актах и других документах, имеющих доктринальное значение. Среди этих характеристик можно выделить следующие.

Оказание частными юридическими лицами военных и охранных услуг физическим или юридическим лицам, государствам и международным организациям. Здесь важно отметить, что многие авторы ограничивают объект оказания военных услуг исключительно лицами публичного права: государствами, международными организациями (в первую очередь ООН) и подчеркивают тесную связь между такими компаниями и нанимающей стороной, характеризующуюся иерархичностью и системой подчинения, свойственной взаимоотношениям регулярных вооруженных сил и руководства государства, осуществляющего командование. В частности, Хосе Луис Гомез дель Прадо в докладе Рабочей группы ООН по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, указывает, что такие компании оказывают поддержку государственным вооруженным силам и «работают по контракту правительственного органа или под его командованием»[63]; Такой же позиции придерживается и Д.Типлинг, определяющий частные военные компании как «корпорации гражданских служащих, осуществляющих на основе заключенного с государством договора военные услуги, сопровождение и поддержку как внутри страны, так и за её пределами»[64]. Другие авторы, напротив, включают в список объектов предоставления военных услуг лиц частного права, что может быть чрезмерным, поскольку выполнение такими компаниями ряда функций,

---

[63] Документ ООН A/HRC/7/7/. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 09.01.2008 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/100/77/PDF/G0810077.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.09.2018).

[64] *Tipling D.M.* The Military Extraterritorial Jurisdiction Act and Its Implications for Private Military Companies // Bepress Legal Series. – 2006. – P. 1393.

традиционно закрепленных за государством, представляет собой угрозу как внутренней, так и международной безопасности и стабильности в случаях, когда такими услугами пользуются частные лица. Таким образом, ограничение круга лиц, которым могут быть предоставлены военные услуги, до лиц публичного права видится вполне разумным, однако уточнение формулировки данного признака частных военных компаний возможно исключительно в процессе формулирования этого понятия для фактического правового регулирования, исходя из его целей, методов и ожидаемого эффекта.

Осуществление деятельности как внутри государства, так и за его пределами в ключе необходимости регулирования деятельности ЧВОК. Нас особенно интересует осуществление такими компаниями деятельности не только на территории государства, где они зарегистрированы и где расположена их штаб-квартира, но и в иных государствах, где их действия зачастую сопряжены с вооруженным конфликтом или нестабильной внутренней и внешней политической обстановкой (если не являются прямым участием в таком конфликте). Таким образом, для участников и сторон вооруженного конфликта создается возможность использовать в военных целях иностранные организации, деятельность и ответственность которых не урегулированы формально. Это означает, что в результате как нанимающая сторона, так и сами частные военные компании и их сотрудники имеют возможность совершать практически любые действия и не нести за них ответственность в дальнейшем, что повышает их популярность как инструмента проведения военной политики. Что касается нарушений прав человека, то именно частные военные компании, действующие за пределами государства регистрации, имеют для этого наиболее широкие возможности, оставаясь в большинстве случаев безнаказанными.

Выполнение некоторых военных и охранных функций, закрепленных за публичной властью. Как отмечается в отчетах Рабочей группы ООН по

использованию наёмников, тенденция к приватизации функций по обеспечению безопасности, традиционно закрепленных за государством, неуклонно растет вместе с широким использованием частных военных компаний в вооруженных конфликтах[65]. Передача части государственных функций частным военным и охранным компаниям вызвана такими причинами, как экономия расходов на военные нужды и содержание армии, избежание и размывание ответственности в случае совершения политических и военных ошибок[66]. Опасность приватизации государственной монополии на применение силы и опасность чрезмерного и произвольного применения силы в конце концов проявилось в результатах войны в Ираке, где частные военные подрядчики выполняли широкий круг операций от транспортировки и снабжения до проведения допросов. Утверждения о том, что передача частным компаниям военных, полицейских и тюремных функций приводит к значительно более масштабным нарушениям прав человека, чем при исполнении этих функций государственными служащими и регулярными частями, находит свое подтверждение в ряде скандалов[67].

ЧВОК являются коммерческими организациями. По своей юридической природе частные военные компании являются коммерческими организациями и содержат соответствующие им признаки, в частности, преследуют цель получения прибыли из своей деятельности, подчиняются нормам гражданско-правового регулирования, обладают имущественными и неимущественными правами и несут обязанности, выступают от собственного имени и т.д.

---

[65] Документ ООН A/65/325. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 25.08.2010 г. – С. 5 // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/493/94/PDF/N1049394.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.01.2019).

[66] См.: *Крашенинникова В.* Война на аутсорсинге // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – №. 1. – С. 84-94.

[67] *Maogoto J. N., Sheehy B.* Contemporary Private Military Firms under International Law: An Unregulated'Gold Rush' //Adelaide Law Review. – 2006. – Т. 26. – №. 2.

Гражданско-правовые аспекты регулирования деятельности ЧВОК нельзя назвать неразработанными. В частности, Документ Монтрё устанавливает достаточно подробные рекомендации по лицензированию деятельность частных военных компаний; законодательство Европейского союза рассматривает услуги, предоставляемые частными военными компаниями в рамках регулирования продукции двойного назначения, а суд ЕС распространил на них коммунитарный режим в системе общего рынка[68].

Содержание правового статуса – то есть, в первую очередь совокупность прав и обязанностей – частных военных и охранных компаний, действующих в зонах повышенной опасности и в районах вооруженных конфликтов, определяется конкретными правовыми нормами, которые распространяется на них в этих условия. При этом меру возможного и необходимого поведения в возникающих правоотношениях ограничивают нормы как международного, так и национального права.

Среди специализированных национальных правовых норм, устанавливающих правовой статус ЧВОК, действующих в районах вооруженных конфликтах и зонах повышенной опасности, можно условно выделить следующие группы: 1) экстратерриториальные нормативные правовые акты, применимые к собственным лицам, в том числе действующим за рубежом; 2) нормативные правовые акты, применимые к иностранным частным военным и охранным компаниям, действующим на территории государства. При этом не слишком большое количество государств устанавливает требования и в особенности ответственность для компаний, экспортирующих военные и охранные услуги. Это связано не только с отсутствием соответствующего законодательства, но и с трудностями в

[68] Регламент N 428/2009 от 05.05.2009 Совета Европейского Союза «Устанавливающий режим для контроля за экспортом, перемещением, продажей и транзитом продукции двойного назначения на территории Сообщества». // URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:134:0001:0269:en:PDF (дата обращения: 26.04.2018).

проведении расследований в отношении лиц, совершающих преступления на территории иностранного государства, даже если такие расследования осуществляются в сотрудничестве с принимающей стороной[69]. Такие проблемы могут быть вызваны вопросами суверенитета, разнообразием структур правоохранительных органов, разницей процессуального законодательства, отсутствием уполномочивающих правовых норм и т.д.[70] Что касается правового регулирования импорта военных и охранных услуг в условиях политической нестабильности, вооруженного конфликта и т.п., то оно осложнено в первую очередь тем, что государство, в котором осуществляют деятельность ЧВОК зачастую испытывают проблемы с охраной правопорядка и отправлением правосудия, так как правоохранительная система ослаблена. Другая проблема такого регулирования хорошо проиллюстрирована трагедией, произошедшей в Ираке с участием ЧВОК Blackwater в 2007 г., когда в силу двустороннего договора между США и Ираком привлечение сотрудников компании к ответственности было затруднительным, а соглашение, устанавливающее юрисдикцию Ирака над частными военными подрядчиками армии США и их сотрудниками, было заключено только год спустя.

Смешение норм, устанавливающих правовой статус частных военных и охранных компаний, во многом напоминает принципы коллизионного права, характерного для международных коммерческих сделок, что не удивительно, учитывая, что как таковые соглашения о предоставлении военно-охранных услуг носят именно коммерческий характер. Таким образом, содержание

---

[69] См.: *Гриненко А.В.* Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 2. – С. 3-4.

[70] Международное сотрудничество. Общие вопросы. Пособие по оценке систем уголовного правосудия / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности – 2010 // URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_4_ebook.pdf (дата обращения: 14.05.2019).

правового статуса частных военных и охранных компаний, действующих в районах вооруженных конфликтов и зонах повышенной опасности, – это совокупность их прав и обязанность, устанавливая в зависимости от применимых правовых норм и их соотношения между собой, устанавливаемого нормами и принципами международного права, международными договорами и национальным законодательством.

Можно выделить несколько основных подходов к правовому регулированию деятельности частных военных и охранных компаний в зависимости от наличия специализированного законодательства. Ряд государств (в частности, Австрия и Германия) придерживается регулирования, характерного в целом для коммерческих компаний, не вырабатывая специализированных норм для индустрии частной военной и охранной деятельности. Другой подход к регулированию распространен в децентрализованных государствах, таких как США, Швейцария, Италия и некоторых других. В этих странах правовое регулирование ЧВОК может отличаться в различных административных единицах. Такой же подход наблюдается и на наднациональном уровне в Европейском союзе, где, с одной стороны, частные военные и охранные компании подчинены принципам общего рынка, с другой – установлены наднациональные правила по экспорту вооружений. В некоторых государствах существует специализированное законодательство о частных военных и охранных компаниях – Великобритания, Ирландия, Нидерланды.

Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний на уровне Европейского союза – то есть коммунитарного права – сосредоточено в основном на вопросах экспорта конкретных видов военных и охранных услуг, в то время как существенную часть национальных законодательств составляют положения о предоставлении подобных услуг на территории самих государств-членов. Согласно исследованию Конфедерации европейских служб безопасности (Confederation of European Security Services

– CoESS)[71], начиная с 1990-х гг. практически все европейские государства предприняли определенные шаги в области регулирования охранных и полицейских услуг. В большинстве случаев они представляют собой требования по регистрации компаний и лицензированию их деятельности и сотрудников. Условия такого лицензирования различны в государствах-членах, но, как правило, включают чистую криминальную историю для менеджмента и сотрудников компаний, гарантии ответственности, наличие удостоверений личности и форменной одежды у сотрудников, которую нельзя было бы перепутать с государственной полицией или вооруженными силами. В ряде государств существуют требования по сдаче квалификационного экзамена сотрудниками компании. Продолжительность обучения так же может быть разной – наиболее требовательно в этом смысле законодательство Венгрии, где требуется от 320 до 430 часов обучения, в зависимости от круга оказываемых услуг, наименее – Великобритания, где частные подрядчики в области безопасности обязаны пройти курс объемом в 32 часа[72]. Такое обучение может включать дополнительную регулярную переподготовку в области охраны и защиты лиц, транспорта, ценностей и использования огнестрельного оружия или дифференцироваться в зависимости от сферы деятельности подрядчиков. Многие государства разрешают частному охранному персоналу иметь при себе огнестрельное оружие по специальному разрешению, хотя виды и количество такого оружия могут быть ограничены.

В Великобритании деятельность ЧВОК регулируется, в первую очередь, Законом о секторе частных охранных услуг 2001 г. (Private Security Industry Act 2001) и относящимися к нему вторичными нормами. При этом

---

[71] Private security and its role in European security / Confederation of European Security Services, Institut national des hautes études de sécurité – 2008 // URL: https://www.coess.org/download.php?down=Li9kb2N1bWVudHMvd3AtMS0yMDA4LXByaXZhdGUtc2VjdXJpdHktYW5kLWl0cy1yb2xlLWluLWV1cm9wZWFuLXNlY3VyaXR5LnBkZg (дата обращения: 14.05.2018).

[72] Там же. С. 42.

деятельность британских ЧВОК за рубежом практически не регламентирована, и правительство отвергло идею введения ограничительного внутреннего законодательства, рассчитывая на саморегулирование[73], которое опирается, во-первых, на подписание национальных и международных кодексов поведения, руководств и иных документов, не носящих обзывающего характера, мониторинг за исполнением которых осуществляют третьи стороны и, во-вторых, на использование государственного спроса в качестве неформального инструмента подтверждения высоких стандартов поведения.

Отдельно в отношении законодательства, регулирующего сектор частных военных и охранных услуг, стоит Швейцария, так как именно это государство является основоположником таких международных инициатив, как Международный кодекс поведения частных поставщиков охранных услуг и Документ Монтрё. Хотя это государство и не входит в Европейский союз, оно участвует во многих аспектах европейской политики безопасности[74]. Большинство законодательных актов, касающихся частных охранных компаний в Швейцарии, были приняты на уровне кантонов, однако наиболее важные вопросы, как, например, порядок предоставления услуг военного характера за рубежом и вопросы, касающиеся огнестрельного оружия, регулируются на федеральном уровне.

Предоставление швейцарскими компаниями частных охранных услуг за

---

[73] *Bakker C., Sossai M. (ed.).* Multilevel regulation of military and security contractors: The Interplay between International, European and Domestic norms. – Bloomsbury Publishing, 2012, pp.309, 317.

[74] Несмотря на статус нейтральной державы, Швейцария в настоящее время участвует в военной операции «EUFOR Althea» в Боснии и Герцеговине и в гражданской миссии EULEX в Косово. Сотрудничество является избирательным и основано на добровольных специальных соглашениях. Предпосылкой для участия в военных миссиях ОВПБ является мандат от ООН или ОБСЕ. Федеральный департамент иностранных дел – Дирекция по делам Европы / Département fédéral des affaires étrangères – Directions des affaires européennes // URL: https://www.eda.admin.ch/dea/en/home/eu/europaeische-union/aussenpolitik-eu.html (дата обращения: 10.09.2019).

рубежом регулируется Федеральным законом о частных охранных услугах, осуществляемых за рубежом *(Loi fédérale sur les prestations de sécurité privées fournies à l'étranger (LPSP)*)[75] который вступил в силу с 1 сентября 2015 г. Он содержит положения, касающиеся вооружения, применения силы «и иных полицейских мер». Закон содержит перечень предоставляемых такими компаниями услуг, включая защиту людей и охрану и сопровождение товаров и собственности (ст. 4 LPSP), и устанавливает перечень действий, запрещенных для охранных компаний и их сотрудников (раздел 2, ст. 8-9 LPSP), в частности, прямое участие в военных действиях и серьезное нарушение прав человека. Также данный закон обязывает швейцарские компании присоединиться к Международному кодексу поведения (International Code of Conduct for Private Security Service Providers - ICoC)[76].

ICOC представляет собой один из элементов международной системы, направленной на решение проблем регулирования ЧВОК. Это - многосторонний документ, поддержанный правительством Швейцарии, имеющий широкие цели в отношении прав человека и ответственности частных военных компаний и в установлении международных принципов и стандартов ответственного предоставления частных охранных услуг. В разработке принимали участие государства (Великобритания, США, Австралия), НПО и непосредственно частные военные и охранные компании. На момент вступления в силу в 2010 г. Кодекс был подписан 58 компаниями, к сентябрю 2013 г. – уже 708. Присоединение к нему согласно ст. 7 и 10 LPSP является условием получения лицензии на предоставление частных охранных услуг за рубежом.

---

[75] Loi fédérale sur les prestations de sécurité privées fournies à l'étranger // URL: https://www.eda.admin.ch/eda/fr/dfae/politique-exterieure/politique-securite/bundesgesetz-ueber-die-im-ausland-erbrachten-privaten-sicherheit.html (дата обращения: 10.09.2019).

[76] International Code of Conduct for Private Security Service Providers (ICoeC) // URL:http://icoca.ch/ (дата обращения: 10.09.2019).

Ряд государств Европейского союза также осуществляет контроль экспорта услуг по подготовке и обучению персонала для использования военных технологий. В частности, Чехия, Венгрия и Италия требуют наличия специальных лицензий на любые услуги по обучению, связанному с использованием вооружений, а Эстония и Польша регулируют также предоставление консультационных услуг в отношении товаров военного назначения, включая «техническую поддержку, касающуюся усовершенствования, производства, сборки, тестирования, ремонта, транспортировки и хранения товаров военного назначения или любые другие связанные с ними услуги». В Швеции в отдельную категорию лицензирования выделено «обучение в военных целях»[77].

Европейский союз также вводит ряд ограничений на экспорт «в нарушение эмбарго». По этому вопросу в 2000 г. Советом ЕС были приняты Совместные действия 2000/401, обязывающие государства-члены контролировать осуществление технической поддержки, «которая может быть связана с использованием оружия массового поражения или ракет-носителей для такого оружия»[78]. Определение технической поддержки, приведенное в Совместных действиях, охватывают практически весь спектр частных военных и охранных услуг, хотя и только в связи с оружием массового поражения, включая «ремонт, усовершенствование, производство, сборку, тестирование, содержание и любое другое техническое обслуживание, в том числе инструктирование, подготовка персонала, передача знаний или навыков, оказание консультационных услуг». Документ также обращает особое внимание на то, что контроль должен осуществляться и в случае, если техническая поддержка в военных целях может быть предоставлена в нарушение эмбарго. Таким образом, документ еще раз подчеркивает, что

[77] *Krahmann E., Abzhaparova A.* The Regulation of Private Military and Security Services in the European Union: Current Policies and Future Options. – 2010.

[78] Council Joint Action 2000/401/CFSP of 22 June 2000 concerning the control of technical assistance related to certain military end-uses, Official Journal L159, 2000.

национальное законодательство государств-членов в отношении экспорта частных военных и охранных услуг, касающихся химического, биологического или ядерного оружия, должно соответствовать международным нормам в отношении вооружений. Уже к 2006 г. большинство государств-членов привели своё законодательство в соответствие с требованиями Совместных действий. В частности Австрия, Дания, Германия, Швеция и Великобритания запретили экспорт услуг в области технической поддержки в этой сфере, в то время как другие государства ввели лицензирование. В продолжение политики предотвращения экспорта вооружений, а также военных и охранных услуг в регионы, характеризующиеся нестабильной обстановкой, Европейский союз обладает механизмом введения санкций в отношении государств за экспорт товаров военного назначения, предоставление военных и охранных услуг и т.д. Такого рода меры введены против целого ряда стран, включая и Российскую Федерацию в связи с конфликтом на Украине. Что касается услуг, предоставляемых частными военными и охранными компаниями, то формулировка «*technical services*», фигурирующая в большинстве документов по поводу санкций, включает все виды военных и охранных услуг и существенно расширена относительно внутренних правовых установлений государств - членов ЕС. Требования для гармонизации национальных законодательств относительно предотвращения нарушения эмбарго сравнительно мягкие, поэтому отличия между государствами-членами в принятии соответствующих мер несколько более существенны. В то время как Австрия и Венгрия вообще запрещают экспорт конкретных видов услуг по технической поддержке во все государства, находящиеся под действием эмбарго на вооружения, другие, в частности Чехия, Эстония, Италия, Германия и т.д., ввели лицензирование экспортной деятельности, а Дания, Швеция и Великобритания вообще не регулируют на национальном уровне вопрос экспорта услуг по технической поддержке, возможно ввиду того, что

такие услуги и так входят в условия эмбарго, накладываемое Организацией Объединенных Наций или Европейским союзом, которые эти государства и так обязаны соблюдать.

Одной из характеристик правового статуса ЧВОК является выполнение ими части функций, традиционно закрепленных за государством, в том числе вмешательство в государственную монополию на применение силы. Вследствие этого возникает вопрос определения конкретных функций и задач, которые могут быть переданы частным лицам, и того, какой круг услуг они могут иметь право оказывать. Фактически это вопрос границы непередаваемых функций государства. Так, Рекомендация ПАСЕ 1858 (2009) обращает особое внимание на необходимость стандартизации принципов обеспечения государственной монополии на применение силы и соответствие рамок деятельности ЧВОК принципам демократии, уважения прав человека и верховенства права[79]. ПАСЕ также рекомендует определить на международном уровне области внутренней и внешней безопасности, которые должны оставаться суверенной функцией государства и которые по своему характеру являются «изначально правительственными». Термин «изначально правительственных» (inherently governmental) функций был заимствован Венецианской комиссией из законодательства США, а именно – из принятого в 1998 г. Закона о реформе деятельности федеральных органов власти США (Federal Activities Inventory Reform Act (FAIR) of 1998), в рамках которого был разработан перечень функций и услуг, которые не являются неотъемлемыми и могут осуществляться не только государством, но и частными подрядчиками. Под «изначально правительственными функциями» закон понимает функции государства, «настолько тесно связанные с публичными

[79] Parlamentary Assembly // Recommendation 1858 (2009) Private military and security firms and erosion of the state monopoly on the use of force // URL: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17711&lang=en; http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)038-e (дата обращения: 18.05.2019).

интересами, что они требуют исполнения федеральными государственными служащими». Кроме того, к «изначально государственным» функциям отнесены те, осуществление которых может «существенно влиять на жизнь, свободу и собственность частных лиц»[80]. Принятый следом за Законом 1998 г. Циркуляр А-76 административно-бюджетного управления США содержит перечень функций и отдельных видов деятельности, которые не могут быть переданы на внешний подряд, а также закрепляет, что выполнение функции федерального органа исполнительной власти может передаваться на аутсорсинг лишь при условии, что подрядчик не определяет плана осуществления этой функции, а лишь готовит варианты и/или реализует под контролем федерального ведомства уже утвержденный план[81]. Функции и виды деятельности государственных органов могут быть переданы на аутсорсинг при условии, что в законодательстве не установлено прямого запрета, если передача данных функций не ограничивает административное усмотрение руководства органа для определения плана осуществления таких функций, если осуществление функций не связано с реализацией специальных полномочий и если на рынке в принципе есть подрядчики, способные оказать необходимые услуги.

Что касается функций, связанных с обороной, то указание на возможность их передачи на аутсорсинг установлено в Руководстве №1100.22 Министерства обороны США от 6.04.2007 г.[82] К функциям, подлежащим делегированию, относятся те, которые не являются изначально

---

[80] Federal Activities Inventory Reform Act (FAIR) of 1998 (https://www.congress.gov/105/plaws/publ270/PLAW-105publ270.pdf) 31 U.S.C. § 5(2)(A), ―The Federal Activities Inventory Reform Act of 1998,‖ P.L. 105-270, codified at 31 U.S.C. § 501 (дата обращения: 18.05.2019).

[81] См.: *Свиниых Е.А.* Законодательные пределы аутсорсинга функций Министерства обороны США. // URL: http://www.voennoepravo.ru/node/5195. (дата обращения: 18.05.2019).

[82] Department of Defense Instruction 1100.22, Guidance for Determining Workforce Mix, April 6, 2007. // URL: http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/110022p.pdf (дата обращения: 18.05.2019).

государственными или тесно связанными с ними. К последнему виду относятся в том числе функции и виды деятельности, которые не являются «изначально правительственными», однако могут стать таковыми в силу способа их реализации или под воздействием конкретных обстоятельств. В остальном «тесно связанными» считаются такие функции и виды деятельности, которые не могут быть отделены от «изначально правительственных», например, ситуации, когда действия подрядчика будут неотличимы от действий должностного лица или возникнет слишком большой риск, что решение частного подрядчика может быть расценено как совет или рекомендация должностного лица.

Среди функций и видов деятельности Министерства обороны США, передача которых для аутсорсинга возможна согласно Руководству №1100.22, перечислены услуги, не связанные с выполнением командных функций или оперативным управлением военной операцией, управлением боем, непосредственными действиями войск в боевой обстановке. Тем не менее частными подрядчиками могут быть оказаны услуги по техническому консультированию, охране и боевому охранению. В сфере уголовного судопроизводства и правоохранительной деятельности частные подрядчики могут быть привлечены для оказания услуг перевода, подготовки плана допроса и «проведения специальных мероприятий по обеспечению безопасности, не имеющих правоохранительного характера и не связанных с расследованием преступлений». Допускается также делегирование значительной группы видов деятельности, выполняемых гражданским персоналом Министерства обороны США в таких областях, как разработка проектов нормативных актов, подготовка рекомендаций по международным соглашениям по военно-техническому сотрудничеству, подготовка аналитических материалов и сбор сведений, в административно-хозяйственных и других вопросах.

Европейские государства как на национальном уровне, так и на уровне ЕС, придерживаются более осторожного подхода к вопросу передачи традиционно государственных функций на аутсорсинг. В качестве ограничивающего критерия в них рассматривают в первую очередь необходимость обеспечивать соблюдение прав человека, и ряд государств запрещает своим юридическим лицам оказание военно-охранных услуг за рубежом. Во Франции, Германии, Италии, Португалии, Финляндии и Нидерландах военная деятельность считается исключительно государственной функцией. Некоторые из этих государств, в частности Финляндия, выражают мнение, что делегирование государственных функций возможно лишь в той мере, а которой он не посягает на права человека и нормы гуманитарного права. Немецкий парламент подчёркивает, что монополия на насилие – прерогатива государства и должна ей оставаться, и «следует избегать приватизации основных государственных функций в сфере военной и безопасности, что приведет к эрозии государственного монополии на насилие»[83].

В Российской Федерации, несмотря на распространение практики делегирования в области государственных сервисов и услуг, предоставляемых населению, нет установленного разграничения между функциями и задачами, которые могут быть переданы для исполнения частным подрядчикам и теми, исполнение которых остаётся исключительной прерогативой государства. Конституция РФ не запрещает делегирование отдельных задач и функций государства частным организациям. По смыслу ее статей 78 (ч. 2 и 3) и 132 (ч. 2) такая передача возможна при условии их непротиворечия Конституции РФ

[83]Deutscher Bundestag – Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages – Die Zusammenarbeit von Staaten mit privaten Sicherheits – und Militärfirmen Ausarbeitung WD 2 – 140/06 – 2006 // URL: https://www.bundestag.de/blob/414968/4a1e7dcee51d7929c0787c6f0ea73ea4/wd-2-140-06-pdf-data.pdf (дата обращения: 18.05.2019).

и федеральным законам[84], однако в каждом отдельном случае это происходит по индивидуальному сценарию. Как правило, механизм делегирования непосредственно устанавливается специальным нормативным правовым актом (например, в законах о государственных корпорациях, в частности – ФЗ о «Росатоме»). В том, что касается деятельности частных военных и охранных компаний, по логике действующего российского законодательства объем услуг, которые могли бы предоставлять подобные организации, должен быть установлен в специализированном нормативном правовом акте. В то же время, единственный российский законопроект, внесенный в Государственную Думу в 2013 г., но не принятый, включал достаточно общие положения для регулирования деятельности ЧВОК. Согласно этому законопроекту цели создания таких компаний в первую очередь экономические: создание рынка военных услуг, расширение экспорта и т.д.[85] Попытки урегулировать ЧВОК в России, помимо недостатков самих текстов законопроектов, сталкивались с такой проблемой, как неприятие обществом идеи вмешательства частного сектора в армию. ЧВОК зачастую приравниваются к наёмникам, деятельность которых согласно ст. 359 УК РФ является преступной. В то же время следует отметить что само понятие частных военных и охранных компаний в юридической науке в целом сформулировано, и именно оно может стать основой для дальнейшей разработки международно-правовых норм.

По результатам анализа правового статуса частных военных и охранных компаний и критериев их легитимности следует сделать **следующие выводы.**

1. Легитимность явления устанавливается посредством применения определенных критериев (в том числе неправовых) и становится

---

[84]Васильева С.В. Передача государственных полномочий организациям: правовой механизм // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5 (108). – С. 1-10.

[85] Проект Федерального значения №62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&18C2606E1D1A34FD432579EE002F9B7F (дата обращения: 05.03.2019).

обоснованием для включения такого явления в правовое поле, придания ему законности в процессе нормативного урегулирования. Фактически легитимизация выступает в качестве процесса признания за субъектом общественных отношений статуса субъекта правоотношений, субъекта права, формирования его правового статуса, поскольку именно легитимность является основной для раскрытия характеристик субъекта относительно воздействующих на него правовых норм и режимов.

2. Легитимность частных военных и охранных компаний определяют следующие основные признаки:

- наличие социально признанной ценностной природы, то есть признание значимости явления социальными субъектами, которое выражается в участии частных военных и охранных компаний в миротворческих операциях ООН, в миссиях, осуществляемых в рамках Общей политики обороны и безопасности Европейского союза и т.д.;

- установление правового статуса частных военных и охранных компаний в рамках национальных нормативных правовых актов, принятых рядом государств, в том числе Великобританией, США, Францией, Швейцарией и др., а также процессом выработки международного обязывающего документа на уровне ООН, регулирующего деятельность таких компаний.

3. Правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников, действующих в районах вооруженных конфликтов и зонах повышенной опасности, представляет собой совокупность прав и обязанностей, изменяющихся в зависимости от конкретных условий, юридических фактов, правоотношений, в которых участвует субъект. Его определение усложняется не только отсутствием международно-правового регулирования, но и различием национальных подходов к вопросам делегирования государственных функций, правовому определению наёмничества как смежного явления, законодательству об обороте и

обращении с оружием, международно-правовых обязательств таких государств.

4. Можно выделить следующие группы специализированных правовых норм, которые устанавливают правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников, действующих в районах вооруженных конфликтов и зонах повышенной опасности: 1) экстратерриториальные нормативные правовые акты, применимые к собственным лицам, в том числе действующим за рубежом; 2) нормативные правовые акты, применимые к иностранным частным военным и охранным компаниям, действующим на территории государства. В то же время деятельность частных военных и охранных компаний может не регулироваться специализированным законодательством, но попадать под действие нормативных правовых актов, касающихся в целом правового положения коммерческих организаций.

5. Несмотря на отсутствие в законодательстве Российской Федерации нормативных правовых актов, посвящённых деятельности частных военных и охранных компаний, определённые нормативные положения позволяют сделать вывод о том, что делегирование ряда государственных функций, в том числе в области обороны и безопасности, допустимо и не противоречит Конституции РФ.

§ 1.2. Уголовно-правовые особенности районов вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности

Нормы международного и международного гуманитарного права не содержат полного и точного определения понятия «вооруженный конфликт», но в то же время описывают основные виды вооруженных конфликтов – международные и немеждународные – и устанавливают применимость к ним норм международного гуманитарного права. Соответствующие положения содержатся в ст. 2 и 3 общих для всех Женевских конвенций, а также в ст. 1

Дополнительного протокола II. Подтверждение этих понятий также вытекает из судебной практики – решений Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), в частности по делу Тадича[86]. Из общего смысла указанных статей можно заключить, что в широком смысле вооруженным конфликтом можно считать ситуацию, в которой становятся применимы нормы международного гуманитарного права. К таким ситуациям относится международный вооруженный конфликт, в ходе которого друг другу противостоят два или более государств, причем даже в том случае, если одно из них не признает наличия войны, состояние оккупации, даже если она «не встретит никакого вооруженного сопротивления». Кроме того, согласно ч. 3 и 4 Дополнительного протокола I к международным вооруженным конфликтам относятся также «конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение». Доктринальное толкование данных норм, представленное Ж. Пикте, Э. Давидом, Д. Шиндлером и другими исследователями, выделяет в качестве необходимого элемента международного вооруженного конфликта участие в нем вооруженных сил. Позднее этот элемент судебной практикой был распространен и на вооруженные конфликты немеждународного характера. В частности, решение МТБЮ по делу Тадича устанавливает, что «вооруженный конфликт имеет место всегда, когда в отношениях между государствами используются вооруженные силы»[87].

Понятие немеждународного вооруженного конфликта содержится в ст. 3 общих для всех Женевских конвенций и ст. 1 Дополнительного протокола II.

---

[86] Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооруженный конфликт»? – Экспертное заключение Международного Комитета Красного Креста (МККК), март 2008 г. // URL: https://www.icrc.org/sites/default/themes/icrc_theme/images/document-file-type/pdf.jpg (дата обращения: 14.04.2017).

[87] ICTY, The Prosecutor v. DuskoTadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, IT-94-1-A, 2 October 1995, para. 70.

Эти нормы исключают участие иностранного элемента из вооруженного конфликта данного типа – то есть вооруженные силы иностранного государства не должны принимать участия в вооруженном конфликте немеждународного характера, а также устанавливают необходимость определенного минимального уровня интенсивности такого конфликта.

Иначе обстоит вопрос с понятием районов повышенной опасности – этот термин наиболее часто употребляется в связи с преступлениями, касающимися морского пиратства, например у берегов Сомали, в Аденском заливе и в районе Африканского рога, и широко применим в документах ООН, Международной морской организации и т.п. Тем не менее его употребление не ограничивается только морскими происшествиями. В 2010-2011 гг. ОЭСР были разработаны «Руководящие принципы должной осмотрительности для ответственного управления цепочкой поставок полезных ископаемых из районов, затронутых конфликтом, и районов повышенного риска», а также «Рекомендация Совета в отношении должной осмотрительности для ответственного управления цепочкой поставок полезных ископаемых из районов, затронутых конфликтом, и районов повышенного риска» (C/MIN(2011)12/FINAL)[88]. В этих документах районы, затронутые конфликтом, и районы повышенного риска (или зоны повышенной опасности) определяются как территории, находящиеся в состоянии вооруженного конфликта (как международного, так и немеждународного характера, в том числе во́йны освободительного характера, повстанческие движения, гражданские войны и т.д.), территории, на которых распространено насилие и другие риски причинения вреда человеку. Зоны повышенной опасности могут включать районы политической нестабильности или репрессий, институциональной слабости, небезопасности, распада гражданской

[88] Recommendation of the Council on Due Diligence Guidance for Responsible Supply Chains of Minerals from Conflict-Affected and High-Risk Areas C/MIN(2011)12/FINAL // URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/268 (дата обращения: 14.04.2017)

инфраструктуры и распространения насилия. Также Регламент Европейского союза 2017/821[89], ссылаясь на Рекомендацию ОЭСР, относит к этому понятию территории, находящиеся в неустойчивых постконфликтных ситуациях, а также территории со слабым или отсутствующим управлением и обеспечением безопасности, несостоятельные государства с распространенным и систематическим нарушением норм международного права, включая нормы, касающиеся прав человека. К той же формулировке апеллируют и документы ООН, такие как Резолюция 1952 (2010)[90], содержащая пожелание воспользоваться рекомендациями Группы экспертов относительно руководящих принципов проявления должной осмотрительности для импортеров, а также Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1533 (2004) по Демократической Республике Конго от 29 ноября 2011 г., на имя Председателя Совета Безопасности.

Термин «правовой режим» (фр. «*régime» от лат. «regimen»*) первоначально имел скорее политическое значение и рассматривался в контексте режима законности и правопорядка, а также политических режимов и позднее в русской правовой науке был исследован в рамках анализа особенностей исправительно-трудовых отношений. В узком смысле он был определен как совокупность правил поведения, а в широком – как система мер, которые используются для достижения поставленных целей[91]. В основу

---

[89] Regulation (EU) 2017/821 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 laying down supply chain due diligence obligations for Union importers of tin, tantalum and tungsten, their ores, and gold originating from conflict-affected and high-risk areas // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R0821 (дата обращения: 14.04.2017).

[90]Документ ООН Резолюция 1952 (2010) S/RES/1952 (2010) от 29 ноября 2010 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/655/25/PDF/N1065525.pdf?OpenElement (дата обращения: 17.04.2018)

[91] См.: *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. – М., 1967. – С. 93.

изучения правового режима как правовой категории легла идея социального режима, под которым понимается относительно устойчивая связь социального объекта (явления, процесса, института) с другими социальными объектами, обеспечивающая достижение определенных целей[92]. Такой социальный режим, подтвержденный нормами права, превращается в порядок регулирования объекта – правовой режим, в котором выделяется объект регулирования, среда, в которой он существует и содержание.

Правовой режим означает особую целостную систему регулятивного воздействия, которая характеризуется специфическими приемами регулирования – особым порядком возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их осуществления, спецификой санкций, способов их реализации, а также действием единых принципов, общих положений, распространяющихся на данную совокупность норм[93]. Основываясь на характеристике системности, вынесенной в основу понятия правового режима, мы можем выделить его структуру – непосредственный набор составляющих правовой режим элементов и связи между ними. К таким элементам относятся сам механизм правового регулирования, в том числе нормы права и иные юридические средства, правовые статусы субъектов права, объекты правового регулирования, методы взаимосвязи конкретных видов субъектов с объектами, гарантии реализации правового режима, к которым в том числе относятся меры ответственности за нарушение правовых норм, входящих в механизм правового регулирования, правовые принципы, цели и способы правового регулирования[94]. Вопрос классификации правовых режимов также рассматривался правовой наукой, поскольку при богатстве их перечня (например режимы военного положения, чрезвычайной ситуации,

---

[92] Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М., 1987. – С. 259.

[93] *Алексеев С.С.* Теория права. – М.: Бек, 1994. – С. 191

[94] *Беляева Г.С.* Структура правового режима: общетеоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 5 (88). – С. 22-25.

пребывания иностранцев на территории государства, рабочего времени, налоговые режимы и т.д.) нормативных критериев классификации на уровне законодательства установлено не было. С точки зрения А.В. Малько и Н.И. Матузова перечень оснований для классификации режимов достаточно объемен и включает как основные элементы правового режима, указанные выше, так и уровень правоустанавливающих нормативных актов, сферу использования, функции и форму выражения права[95]. Вопрос классификации, выявления сущности, природы и особенностей правовых режимов приобретает особое значение, когда в силу политических, военных и иных процессов формируются новые или нестандартные правовые режимы, как это происходило, например, на фоне распада в девяностые годы СССР, таких федеральных государств как Чехословакия и Югославия, чеченской кампании, и как это происходит сейчас – в процессе борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке, иракской кампании.

Правовой режим направлен на целостное регулирование определенной группы общественных отношений, создание определенного социального состояния, формирующего ту или иную степени благоприятности удовлетворения интересов субъектов. Правовой режим, в том числе территориальный, характеризуется не только набором правовых установлений, но и системой мер, осуществляемых компетентными государственными органами, особым сочетанием статусов различных субъектов, вступающих в правоотношения, ограниченные правовым режимом. Фактически в рамках правового режима выделяются специфические, общие внутри такого режима черты всех элементов правового регулирования, и его формирование обусловливается интересами субъекта, инициирующего такой режим, характером общественных отношений, требующих к себе особых подходов, методов и средств регулирования.

---

[95] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики //Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1996. – №. 1. – С. 16-29.

Правовой режим отвечает на вопрос: зачем, для чего и как можно достичь поставленной цели[96].

Особые правовые режимы, устанавливаемые в районах вооруженных конфликтов и районах повышенного риска, характеризуются опасностью нахождения на таких территориях, необходимостью соблюдать как национальные, так и международные правовые нормы, применение режимов военного положения и чрезвычайной ситуации (и аналогичных, принятых в зарубежных правовых системах), вопросы привлечения к уголовной и иной юридической ответственности за правонарушения, совершенные в таких районах. При этом основной целью правового режима вооруженного конфликта всё же следует считать обеспечение норм международного гуманитарного права при организации и ведении боевых действий на основе принципов законности, гуманности, соразмерности и военной необходимости как при планировании, так и при проведении военных операций и иных взаимодействий в рамках вооруженного конфликта[97]. Цели правового режима района повышенной опасности, как правило, более широки, чем для района вооруженных конфликтов, однако основной остаётся обеспечение безопасности лиц и объектов, соблюдения применимых правовых норм и т.д. Однако так же, как и режим района вооруженного конфликта, в рамках режима района повышенной опасности возможно ограничение прав и свобод, необходимое для осуществления целей введения такого режима. Такие правовые режимы сочетают черты территориальные и функционально деятельные – объектом последних является особый порядок функционирования органов власти, кроме того, они могут включать и более узкие правовые режимы: оккупированных территорий, режим

---

[96] См.: *Сидоренко Э.Л.* Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования. Дисс. …докт. юрид. наук. – М., 2013 – С. 33.

[97] См.: *Леншин С.И.* Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право. Монография // За права военнослужащих. – 2009. – №. 94. – С. 69.

военнопленных, режим контртеррористической операции или военного положения.

Рассмотрение уголовно-правовых аспектов таких правовых режимов представляется важным, поскольку как состояние войны, так и нестабильная обстановка повышают криминологические риски. Эти обстоятельства, несомненно, можно причислить к экстремальным условиям, характеризующимся заметным ростом тяжких и особо тяжких преступлений, насильственных преступлений, а также преступлений, связанных с нарушением общественного порядка и безопасности[98]. Преступления, не относящиеся к категории «основных международных» преступлений, таких как геноцид, военные преступления и преступления против человечности, не относятся к юрисдикции международных трибуналов, а попадают под действие национального уголовного законодательства с учетом соответствующих международных аспектов. Несмотря на очевидную международно-правовую значимость преступлений, совершаемых во время вооруженного конфликта или в районе повышенной опасности, в нестабильных государствах и регионах, обязанность привлекать к судебной ответственности возложена на национальные судебные системы, и в случае их слабости, отсутствия внутренних возможностей для выполнения этой обязанности усилия, в том числе международные, по изменению ситуации и уменьшению преступности фактически обречены. Определение правового режима позволяет и сформировать правовой инструментарий воздействия на ситуацию, её последствия, уточнения степени общественной опасности правонарушений. При этом применимым становится не только национальное, но и международное право, хотя международное гуманитарное право используется только во время вооруженных конфликтов, но право в области прав человека действует всегда, как в мирное время, так и во время

[98] См.: *Долгова А.И.* Криминология. Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – С. 893.

вооруженных конфликтов, и возможность одновременного применения этих двух отраслей права была прямо признана различными международными трибуналами и национальными судами[99].

Уголовно-правовые особенности правового режима района вооруженного конфликта включают как нормы национального уголовного и военно-уголовного права, так и те нормы международного гуманитарного права, которые рассматривают деяния, являющиеся преступными с точки зрения МГП, и характеризуют их отдельные элементы – объект, субъект, объективную и субъективную стороны, ответственность за совершение. Правовой режим района вооруженного конфликта также накладывает отпечаток на применимые источники уголовного права, в число которых включаются основополагающие договоры о праве вооруженных конфликтов, источники международного уголовного права, в том числе Статут Международного суда ООН 1945 г., а в случае участия воюющих сторон в Международном уголовном суде – и Римский статут Международного уголовного суда. Во время вооруженного конфликта также может возникать совмещение разных национальных законодательства, как, например, в рамках режима оккупированной территории, где уголовное законодательство оккупируемой территории может быть отменено, приостановлено или дополнено оккупирующей державой для обеспечения безопасности последней с помощью соответствующих постановлений для поддержания нормального управления территорией и обеспечения собственной безопасности личного

[99] Эмануэла-Кьяра Гияр, юридический советник Международного комитета Красного Креста (МККК), заявление на Всемирной конференции Международной ассоциации судей по правам беженцев, состоявшейся в Стокгольме 21–23 апреля 2005 года., См. также Управление ООН по наркотикам и преступности, Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму, 1 марта 2009 г. // URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

состава и имущества оккупационных войск или администрации, а также используемых ею объектов и коммуникаций[100].

Одним из значимых источников международного уголовного права для условий нестабильных ситуаций, в которых, как правило, действуют чрезвычайные правовые режимы, являются «общие принципы права», что установлено, например, в ст. 21 Римского статута Международного уголовного суда, позволяющей суду применять «общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, […] при условии, что эти принципы не являются несовместимыми с настоящим Статутом и с международным правом и международно признанными нормами и стандартами». Хотя применение общих принципов права ограничено ситуациями, в которых неприменимы иные, более конкретные источники, это не вполне согласуется с принятым в большинстве правовых систем пониманием принципа «nullum crimen nula poena sine lege», предполагающим, что преступность деяния должна быть установлена. Более того, нарушение этого принципа и закрепление в законодательстве возможности применения уголовного права по аналогии осуждалась как недопустимая и не соответствующая указанному принципу практика[101]. Такая возможность была предусмотрена, например ст. 16 УК РСФСР 1926 г., которая устанавливала, что основание и пределы ответственности за общественно опасное действие, не предусмотренное Кодексом, «определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления». Интересен также опыт международных трибуналов по применению общепризнанных норм и принципов международного права в качестве источника международного права. Так, в решении Международного трибунала по бывшей Югославии по делу Анто Фуруджия суд принял

---

[100] См.: *Котляров И.И.* Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 224.

[101] *Glaser S.* Nullum crimen sine lege // Journal of Comparative Legislation and International Law, vol. 24, no. 1, 1942, pp. 29–37.

достаточно широкое толкование этого принципа, допуская обобщение уголовно-правовых норм на основе правовых институтов, «общих для большинства правовых систем». Что касается конкретной трактовки принципа «nullum crimen nula poena sine lege», то суд установил, что преступность деяния может быть определена исходя из формулировки состава преступления, установленной «в некоторых правовых системах», даже если она не является таковой в праве государства гражданства обвиняемого[102], хотя в непосредственно рассматриваемом деле Анто Фуруджия, преступление, в котором он обвинялся, являлось таковым и по праву бывшей Югославии, в связи с чем суд указал, что его подход не является криминализацией деяния.

Рассматривая правовой режим района вооруженного конфликта, следует отделить его от понятия режима военного положения (хотя в ряде обстоятельств они могут совмещаться), поскольку последнее является внутригосударственным правовым режимом, вводимым на собственной территории, в рамках которого нормы международного гуманитарного права могут не применяться – поскольку при отсутствии непосредственно вооруженного конфликта как международного, так и немеждународного характера на территории, где введен подобный режим, участие граждан и иностранцев в незаконной террористической деятельности, незаконных вооружённых формированиях позволяет квалифицировать их действия как уголовные преступления, и государство вправе ограничиться исключительно применением национального уголовного права. При введении режима военного положения необходимо учитывать конкретные обстоятельства, поскольку нередки случаи его введения в мирное время, для урегулирования общественных беспорядков, противодействия попыткам государственного переворота и в иных обстоятельствах.

---

[102] ICTY, Prosecutor v. Anto Furundzija (Trial Judgement), IT-95-17/1-T, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 10 December 1998, para. 177, 178, 184 // URL: http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/fur-tj981210e.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

Особое значение для характеристики уголовно-правовых аспектов имеет также вопрос применения национальных норм права, а также определения непосредственного уголовно-правового режима и соотношения национального уголовного права, действующего в обычных обстоятельствах и особых норм, вводимых в рамках режима военного, чрезвычайного положения и в условиях оккупации, в том числе, иностранным государством. Отличие уголовного права в режиме вооруженного конфликта состоит в возможности введения новых уголовно-правовых норм за рамками действующего в мирное время уголовного закона, его изменения или даже отмены, хотя, по общему правилу, уголовное законодательство остаётся в силе, в том числе на оккупированной территории (ст. 64 Женевских конвенций о защите гражданского населения во время войны), и возможные изменения могут быть связаны с обеспечением безопасности и необходимости обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права. Таким образом, государство (или иные силы в случае вооруженного конфликта немеждународного характера), устанавливающее контроль над территорией во время вооруженного конфликта, может оказывать значительное влияние на действующие уголовно-правовые нормы в части их создания, реализации и охраны.

Следует разделять особые нормы, принимаемые государством на собственной территории в рамках режима военного или чрезвычайного положения, введенного в связи с вооруженным конфликтом, и на оккупированной территории иностранного государства. Правовой режим оккупированной территории регулируется международным правом, а именно Женевскими конвенциями о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., где указано, что «оккупирующая держава может подчинить население оккупированной территории действию постановлений, существенно необходимых для выполнения ее обязательств согласно Конвенции, поддержания нормального управления территории и обеспечения

безопасности оккупирующей державы, личного состава и имущества оккупационных войск или администрации, а также используемых ею объектов и коммуникационных линий». Конвенция как устанавливает возможность издания оккупирующей державой собственных постановлений, содержащих уголовно-правовые нормы (в том числе предусматривающих смертную казнь), так и предусматривает право оккупирующей державы предать нарушителей собственным «надлежащим образом созданным неполитическим военным судам», находящимся на данной территории. Конвенция о защите гражданского населения также предполагает, что судебные органы оккупированной территории должны продолжать действовать в обычном режиме, что может создавать двойную судебную систему, состоящую из органов оккупированной и оккупирующей держав, равно как и двойную систему уголовного законодательства в случае введения особых норм оккупирующей державой. Кроме того, правовой режим района вооруженного конфликта, военного положения, оккупации предполагает особый порядок правоохранительной деятельности, который связан с крайней угрозой для правопорядка в целом и военно-политической безопасности государства. Он допускает ограничение прав и свобод граждан, сосредоточение полномочий представительных и исполнительных органов государственной власти в области обороны, охраны государственной и общественной безопасности в руках органов военного управления (согласно ч. 1 ст. 10 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»[103]).

Правовой режим района вооруженного конфликта включает особые составы преступлений, невозможные или нехарактерные для состояния мира. Для целей характеристики уголовно-правовых аспектов режима вооруженного конфликта следует разделять преступления, не связанные напрямую с состоянием войны, военные преступления (в том числе

[103] Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

международные и преступления против человечности), а также преступления против воинской службы, совершаемые лицами, состоящими в составе вооруженных сил. Кроме уже указанного общего роста преступности в обстоятельствах экстремальных ситуаций, в том числе вооруженных конфликтов, для них более, чем для мирного времени, характерны такие составы, как мародерство, половые преступления, кроме того, растёт уровень организованной преступности. В этом смысле сотрудники частных военных и охранных компаний оказываются в неоднозначном положении, поскольку формально остаются гражданскими лицами, однако их непосредственная деятельность может быть слишком близко связана целями и задачами вооруженных сил. Существует риск совершения сотрудниками частных военных и охранных компаний преступлений, связанных с нарушением режимов государственной или служебной тайны, неисполнением обязательств, касающихся обеспечения осуществления вооруженными силами их военных задач.

Субъект уголовного права в рамках ситуации вооруженного конфликта также наделяется особыми характеристиками, и может в то же время являться субъектом международного гуманитарного права, что наделяет его международной правосубъектностью. Его правовой статус и связанный с ним объём прав и обязанностей зависит от того, является ли он комбатантом в смысле, определенном п. 2 ст. 32 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям или гражданским лицом, связан ли он «долгом верности» по отношению к одной из сторон вооруженного конфликта, к какой из сторон конфликта принадлежит и в чьей юрисдикции находится на момент возникновения уголовно-правовых отношений. Кроме того, в смысле международного уголовного права его субъектом может являться не только

физическое лицо, но и государство[104], международная организация или народ в целом. Таким образом, действия не только физических лиц, но и их объединений, а также государств становятся значимыми в контексте уголовно-правовых особенностей режима вооруженного конфликта.

В то же время в контексте преступлений против военной службы – как специального порядка поведения – их субъектом может стать только лицо, имеющее к такой службе непосредственное отношение. В соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ к таким лицам относятся военнослужащие, проходящие военную службу по призыву или же по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Аналогичные виды преступлений существуют в зарубежных странах, и они устанавливаются как уголовным законодательством (Беларусь, Германия), так и в специализированных нормативных правовых актах военно-уголовного и военного характера (Италия, Франция, Великобритания, Аргентина и др.). В любом случае в составе преступления такого рода прямо указаны отдельные элементы, связывающие его с военной службой и лицами, находящимися на военной службе, и создающие систему таких преступлений, в результате чего субъект воинских преступлений всегда является специальным.

Объекты преступлений, совершаемых в рамках правового режима вооруженного конфликта, обладают рядом специфических особенностей. Во-первых, так же, как и для характеристики правового режима вооруженного конфликта в целом, рассматривая объект преступления, необходимо

---

[104] Следует отметить, что существую различные научные подходы к признанию государства в качестве субъекта международного уголовного права, как разделяющие такую возможность (М.С. Строгович, В.Г. Смирнов), так и утверждающие, что участие государства в уголовно-правовых отношениях возможно только через его органы (Н.А. Огурцов, А.И. Рарог, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов и др.). В то же время по смыслу ст. 1 Определения Агрессии, утвержденного резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г., преступление агрессии – как одно из преступлений международного характера – совершается именно государством как субъектом в отношении другого государства.

учитывать положения национального и международного права. Специфическими общественными институтами и отношениями, которым может быть в результате совершения преступления нанесён ущерб, могут быть в контексте международного гуманитарного права имущество гражданского населения, гражданские сооружения, жизнь и здоровье военнопленных, безопасность гражданского населения, неприкосновенность личности нонкомбатантов, а также комбатантов – в случаях, предусмотренных международно-правовыми актами. К последним относится, например, п. (д) ст. 23 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, запрещающий употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания, положения Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие и дополнительных Протоколов к ней. Защита прав и интересов сотрудников частных военных компаний, как и привлечение их к ответственности в случае, когда они являются правонарушителями, затруднено их неясным или же спорным статусом. Как нонкомбатанты они не могут по общему правилу рассчитывать на защиту правового режима военнопленных, а зачастую как вооруженные лица, в случае попадания во власть неприятеля – на статус гражданских лиц.

Говоря о сотрудниках частных военных и охранных компаний в контексте правового режима района вооруженного конфликта как о субъектах действующего в этих условиях уголовного права, следует учитывать, что по общему правилу они должны рассматриваться наравне с гражданскими лицами. В то же время некоторые из выполняемых ими задач предполагают применение силы или, например, обращение со сведениями, содержащими государственную тайну, если речь идёт о разведывательной деятельности. Это наделяет их признаками, обычно применимыми к комбатантам и, более того, создает условия, в которых именно эти лица могут совершать деяния, обычно

характерные для военнослужащих и против специфических для указанных условий объектов преступления. Последнее также объясняется околовоенной спецификой услуг, предоставляемых частными военными и охранными компаниями. В результате даже при совершении военно-уголовных преступлений такие лица могут оказаться исключенными из зоны ответственности как не соответствующие в должной мере критериям специального субъекта преступления, даже если их фактические действия могли бы быть признаны противоправными, будь они совершены военнослужащими.

Таким образом, уголовно-правовые особенности правового режима вооруженного конфликта включают возможность введения новых уголовно-правовых норм, отличных от действующих в мирное время, особый порядок их применения и охраны, предполагают специфический субъект и объект преступления, а также включают процессуальные особенности, касающиеся деятельности военных судов и определения юрисдикции. Процессуальные особенности в значительной степени зависят от применимого права. Так, юрисдикция военных судов и военно-уголовное законодательство США распространяется не только на военнослужащих, но за некоторые статьи (шпионаж, помощь неприятелю) на любых лиц, в том числе не имеющих отношения к армии. Законодательство Швейцарии позволяет привлекать к уголовной ответственности гражданских лиц, признанных виновными в совершении преступлений против прав человека в случае вооруженного конфликта[105].

Как уже было сказано выше, к районам повышенной опасности могут относиться различные территории, обстановка на которых способствует увеличению количества преступлений и иных правонарушений, вызывает проблемы с обеспечением безопасности, осуществлением государственной

[105] См.: Ахметшин Х.М., Белый И.Ю. Военно-уголовное право. Учебник. – М.: За права военнослужащих, 2008. – С. 176.

власти и влечет систематическое нарушение международно-правовых норм, в том числе касающихся прав человека. В связи с тем, что такое определение включает слишком разные и слишком неоднородные по набору признаков территории, выделить общие для них уголовно-правовые элементы действующих в таких условиях правовых режимов представляется достаточно сложным.

Юридических определений понятия «район повышенной опасности» не так много, одно из них сформулировано Европейским парламентом в Регламенте 2017/821 от 17 мая 2017 г., устанавливающим обязательства по должной осмотрительности в цепочках поставок для импортёров природных ресурсов в ЕС из «районов, затронутых конфликтами и районов высокого риска». Этот документ определяет такие районы как «находящиеся в состоянии вооруженного конфликта или в неустойчивых постконфликтных ситуациях, а также районы, в которых засвидетельствована слабость или отсутствие управления, такие как государств, утратившие дееспособность и в которых распространены систематические нарушения международного права, включая права человека»[106]. Несмотря на то, что такое определение принято для целей обеспечения ответственного ведения бизнеса, оно представляется вполне применимым и для иных целей, в том числе, выделения особенностей функционирования уголовного права.

К зонам повышенной опасности могут быть применимы многие уголовно-правовые особенности, характерные для районов вооруженных конфликтов, в частности если речь идёт о зонах постконфликтного урегулирования или проведения антитеррористических операций, поскольку на таких территориях ужесточение или введение новых уголовно-правовых

---

[106] Regulation (EU) 2017/821 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 laying down supply chain due diligence obligations for Union importers of tin, tantalum and tungsten, their ores, and gold originating from conflict-affected and high-risk areas
OJ L 130, 19.5.2017, p. 1–20 // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R0821 (дата обращения: 14.04.2017).

запретов происходит по схожим с ситуацией вооруженного конфликта причинам. Изменение уголовного права для районов повышенной опасности может быть сопряжено с введением специальных режимов чрезвычайного положения, что нередко происходит в обстоятельствах политической нестабильности. Такие режимы обусловлены недостаточностью обычных форм и методов государственного управления для обеспечения безопасности, конституционного порядка, предполагают ограничение прав и свобод граждан, особый порядок деятельности органов государственной власти и иные изменения в системе общественных отношений.

Таким образом, понятие районов повышенной опасности может включать значительное количество правовых режимов, наполненных самостоятельным содержанием. Для целей настоящей работы наибольший интерес могут представлять две категории таких районов – это территории государств, не находящихся в состоянии вооруженного конфликта, на которых тем не менее вводятся специальные режимы чрезвычайного положения и подобные им, и территории, не входящие в непосредственную юрисдикцию государств (например, открытое море, если речь идёт об охране морских судов и противодействию пиратству на море). В настоящее время законы большинства государств мира содержат положения, позволяющие вводить специальные ограничительные правовые режимы, призванные обеспечивать национальную безопасность посредством увеличения возможности государства реагировать на возникновение экстремальной ситуации путём временных изменений полномочий органов государства как на федеральном (для федеративных государств), так и на региональном уровнях, ограничении прав и свобод граждан и возложении на них дополнительных обязанностей. При этом важным для функционирования правового института чрезвычайного положения является парламентский контроль, основанный на принципе, согласно которому дискреционные полномочия исполнительной власти должны быть чётко установлены, и законодательная власть должна

контролировать все допустимые методы чрезвычайного положения, его введение, продление и прекращение[107].

По результатам анализа уголовно-правовых особенностей районов вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности следует считать обоснованными **следующие выводы.**

1. Правовые режимы функционирования частных военных и охранных компаний как совокупность правовых норм, действующих в конкретных обстоятельствах, в рамках которых частные военные и охранные компании осуществляют свою деятельность, и определяющих права и обязанности, закрепленные как за самими компаниями, так и за их сотрудниками в условиях вооруженных конфликтов и районов повышенной опасности, составляют важный элемент структуры их правового регулирования и правового статуса.

2. Правовой режим функционирования оформляет и ограничивает правовую основу *modus operandi* ЧВОК, устанавливает пределы правомерности деятельности сотрудников ЧВОК и оказывает непосредственное влияние на её уголовно-правовую оценку. В рамках правового режима осуществляется не только связь между различными уровнями правового регулирования (международного, национального), но и соотношение действия норм, находящихся на одном уровне (как это , например, происходит в рамках правового режима оккупированных территорий.

3. Уголовно-правовые особенности правовых режимов, действующих в условиях нестабильности, характеризуются такими признаками, как: возможность введения новых правовых норм уголовно-правового характера, отличных от действующих в мирное время; особый

---

[107] См.: *Домрин А.Н.* Режим чрезвычайного положения. Опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах. Доклад Совету по внешней и оборонной политике. – М., 1992. – С. 7.

порядок их применения и охраны; специфический субъект и объект преступления и др. Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний должно учитывать эти особенности, а уголовное законодательство – содержать положения, обеспечивающие привлечение к ответственности за совершенные преступления, уточняющие применимое право и не допускающие введения иммунитетов в отношении сотрудников частных военных и охранных компаний.

§ 1.3. Разграничение деятельности частных военных и охранных компаний и преступных формирований в международном и национальном уголовном праве

Частные военные и охранные компании и наёмничество. Наёмники рассматриваются международным гуманитарным правом как лица, не имеющие права на статус комбатанта и, следовательно, военнопленного. Определение этого понятия содержится в ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, однако оно носит очень ограниченный характер, поскольку для того чтобы лицо могло быть признано наёмником, оно должно соответствовать сразу всем указанным критериям, что на практике оказывается фактически недоказуемо. Такая степень детализации определения вынудила ряд государств делать оговорки о собственной позиции при присоединении к данному Протоколу именно в отношении статьи 47, содержащей понятие наемников[108]. В частности, Ирландия и Исландия установили, что ст. 47 должна применяться без ущерба для положений ст. 45 того же Протокола, и лица, не имеющие права на привилегированный статус, в любом случае должны иметь все права и гарантии, установленные статьёй

[108] International Committee of the Red Cross. The international review of the Red Cross. – International Committee of the Red Cross, 1989. – T. 29. – P. 489.

75. Ни Протокол, ни иные нормы МГП как не подтверждают правомерность наёмничества, так и не пытаются установить индивидуальную ответственность отдельных лиц, групп лиц или государств, вовлеченных в наёмничество. Протокол только устанавливает статус наёмников, а также последствия для них в случае захвата, и определение сформулировано настолько ограничивающим образом с целью не нанести ущерб защите, предоставляемой военнопленным[109].

Тем не менее для целей данной работы и выявления различий между частными военными подрядчиками и наёмниками наиболее удобно использовать именно определение ст. 47, в соответствии с которой наёмником признается лицо, удовлетворяющее следующим критериям:

a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте – данный пункт определения исключает из понятия наёмничества добровольцев, состоящих на постоянной или долгосрочной службе в иностранных армиях, независимо от того, происходит это на индивидуальной основе (как во Французском иностранном легионе) или договоренность достигается на уровне национальных властей (Швейцарская гвардия в Ватикане или Гуркхи в Индии). Таким образом, наёмником не может быть признано лицо, служащее в регулярных вооруженных силах одной из воюющих сторон, даже если оно соответствует части критериев, описывающих наемников;

b) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях. При этом в сферу действия ст. 47 не попадают иностранные советники и военные технические специалисты, даже если их присутствие обусловлено денежным вознаграждением. Постоянное усовершенствование современного оружия зачастую требует присутствия таких специалистов в том

[109] *Julie Gaudreau.* The reservations to the Protocols additional to the Geneva Conventions for the protection of war victims. – International Review of the Red Cross, No. 849, March 2003, pp. 143-184. //URL: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_849_gaudreau-eng.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

числе для отбора военного персонала, обучения военнослужащих и корректного применения оружия. До тех пор, пока эти лица не принимают непосредственного участия в военных действиях, они считаются гражданскими лицами, нонкомбатантами;

c) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны. Данное положение является одним из наиболее важных, поскольку, в отличие от добровольцев, за которыми могут стоять благородные мотивы, наёмники, как правило, предлагают свои услуги тем, кто больше заплатит, поскольку в первую очередь заинтересованы в вознаграждении. При этом, хотя все военнослужащие получают средства для обеспечения себя и своих семей, оплата услуг наёмников, как правило, превышает обычное вознаграждение, поскольку выступает основной мотивацией для их деятельности;

d) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте. Вне зависимости от мотивации и цели участия в вооруженном конфликте, гражданин воюющей стороны, добровольно участвующий в конфликте на стороне государства своего гражданства, не может быть признан наёмником по смыслу ст. 47 Дополнительного протокола. Во многих государствах включение в вооруженные силы постоянно проживающих иностранных граждан допустимо или даже обязательно. Это не касается принуждения военнопленных или лиц, защищенных Женевскими конвенциями от службы в армии противника. Тем не менее цель настоящего пункта состоит в том, чтобы иностранные граждане-резиденты не подверглись риску признания их наёмниками;

e) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте. Это положение часто критикуется как нивелирующее попытку определить наёмничество и позволить государствам использовать наёмников, просто включая их в состав вооруженных сил.[110] Тем не менее данные правило было необходимо, поскольку государства часто принимают иностранных граждан в состав вооруженных сил на регулярной основе (а не только таким образом, как указано в п. «a»), и тем самым включение в состав вооруженных сил, над которыми государства осуществляют контроль согласно ст. 43 Конвенции, предотвращает возможность применения понятия «наёмничество»;

f) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил. Наёмником является доброволец, который, пусть и только официально, представляет собственные интересы, а не интересы третьего государства. Не возникает вопроса о признании наёмниками служащих вооруженных сил государств, направляемых по той или иной причине в различные части света, даже если они набраны из добровольцев, чья деятельность оплачивается, и кто может в случае необходимости принимать непосредственное участие в военных действиях.

Из текста Дополнительного протокола и Комментария к нему можно сделать вывод, что основная цель, преследуемая такой формулировкой, – отделение наёмников от иных категорий лиц, которые могут принимать участие в вооруженном конфликте, в первую очередь в качестве комбатантов, и в первую же очередь от иностранных граждан, служащих в вооруженных силах на регулярной основе, даже если часть критериев может быть к ним применима. Три широких категории лиц ни при каких условиях не могут быть

---

[110] Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. – International Committee of the Red Cross – 1987 – §1813 // URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/1a13044f3bbb5b8ec12563fb0066f226/ffc84b7639b26f93c12563cd00434156 (дата обращения: 18.02.2018)

признаны наёмниками: не приминающие непосредственное участие в боевых действиях, граждане воюющей стороны и служащие вооруженных сил как государств - сторон вооруженного конфликта, так и третьих государств.

Однако, кроме текста Дополнительного протокола I, для понимания сущности наёмничества следует рассматривать также правовые определения, укрепившиеся в законодательстве на национальном уровне и в международных актах. Так, Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. воспроизводит определение Дополнительного протокола I, за исключением пункта о фактическом и непосредственном участии в военных действиях, что позволило бы включить в число таковых, например, военных консультантов или технических специалистов, удовлетворяющих прочим критериям статьи 1 Конвенции. Более широкое определение Конвенции направлено на то, чтобы охватить ситуации, не являющиеся вооруженными конфликтами, «в которых вербовка осуществляется для участия в совместных насильственных действиях, направленных на свержение правительства или подрыв конституционного порядка государства иным образом, или на подрыв территориальной целостности государства»[111].

Не меньшее значение, чем международные акты, в вопросе определения наёмничества имеет национальное законодательство, поскольку в настоящее время именно национальные суды обладают наиболее широкой возможностью по привлечению к ответственности за подобную деятельность. Ответственность за наёмничество предусмотрена уголовным законодательством многих государств, в том числе Франции, Российской Федерации, Хорватии, Польши; ряда государств СНГ: Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Узбекистана. В некоторых государствах также

[111] Изложение фактов No. 28 (GE.01-46676 (R) 280302 200602) Влияние деятельности наемников на осуществление права народов на самоопределение – стр.25 // URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet28ru.pdf (дата обращения: 28.04.2019).

установлена уголовная ответственность за деятельность, схожую с наёмничеством, хоть и не попадающую под определение Дополнительного протокола: в Чехии и Словакии - за службу в иностранных вооруженных силах без разрешения президента; законы Исландии и Бельгии предусматривают уголовную ответственность за вербовку своих граждан для службы в армии иностранного государства[112]. Законодательные акты Великобритании, Германии, Испании, США и Финляндии устанавливают уголовную ответственность за незаконное поступление на военную службу, рассматривая данный вид преступлений среди покушений на государственную безопасность, а не на международный правопорядок.

Таким образом, можно выделить два глобальных подхода к определению наёмничества на национальном уровне: как к международному преступлению, состав которого проистекает из дефиниции наёмничества, установленной международно-правовыми актами, такими как Протокол I, или же как преступления против государственной безопасности. Во втором случае наказуема в первую очередь военная служба в составе вооруженных сил иностранного государства (как в целом, так и без соблюдения дополнительных требований, таких как получение разрешения компетентных органов и т.п.).

Статья 436-1 Уголовного кодекса Франции определяет наёмников как лиц, привлеченных к участию в вооруженном конфликте, не являющихся гражданами государства - участника вооруженного конфликта, не входящих в состав вооруженных сил этого государства, не уполномоченных каким-либо государством, не являющимся участником этого вооруженного конфликта, для выполнения миссии в составе вооруженных сил вышеупомянутого государства принимать или предпринять попытку непосредственного участия в военных действиях с целью получения личной выгоды или вознаграждения,

---

[112] См.: *Селезнёв А.А.* Ответственность за наемничество по французскому уголовному законодательству // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2014. – № 15(137). – С. 124-125.

которое явно превосходит то, которое выплачивается или обещано непосредственным участникам конфликта, состоящим в том же ранге или выполняющим аналогичные функции в вооруженных силах, на стороне которых данное лицо должно сражаться. Вторая часть указанной статьи также вводит уголовную ответственность для лиц, завербованных с целью принятия участия в конкретной военной операции, имеющей своей целью свержение государственных институтов или попытку нарушения территориальной целостности государства, и не являющихся гражданином или служащим вооруженных сил государства, против которого эта операция направлена. Определение, представленное в первой части статьи, соответствует положениям ст. 47 Дополнительного протокола I, и хотя глава, содержащая статьи об участии в наёмнической деятельности, входит в раздел преступлений против государства, объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 436-1, явно носит международный характер по своему содержанию, а также в силу того, что была включена в Уголовный кодекс Франции в рамках приведения внутреннего законодательства в соответствие международным обязательствам страны при подписании Дополнительного протокола I. Тем не менее еще на этапе принятия законопроекта в 2003 г. в Комиссии по национальной обороне и вооруженным силам Франции высказывалось сомнение в эффективности системы, требующей сочетания такого количества условий для признания лица наёмником[113].

Уголовный кодекс Российской Федерации также предусматривает ответственность за наёмничество как преступление, направленное против мира и безопасности человечества. Статья 359 определяет наёмника как лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не

[113] Commission de la Defense nationale et des forces armees. Compte rendus № 28 // Assemblee nationale URL: http://www.assemblee-nationale.fr/12/cr-cdef/02-03/c0203028.asp#TopOfPage (дата обращения: 16.03.2019).

являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей. Как и в Дополнительном протоколе I, признаки, составляющие определение статуса наёмника, носят кумулятивный характер и должны выполняться единовременно. В то же время определение, установленное статьёй 359, в значительной степени отличается от положений ст. 47 Дополнительного протокола I и не содержит ряда существенных признаков, таких как вербовка, непосредственное участие в военных действиях, существенное превышение обычно предусмотренного для служащих вооруженных сил материального вознаграждения, неучастие в вооруженных силах государства, являющегося стороной конфликта. В последнем пункте можно усмотреть в том числе противоречие данной статьи УК РФ статье 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», которая устанавливает право иностранных граждан на службу по контракту в составе Вооруженных Сил РФ. Подобная формулировка определения наёмника позволяет применить его к иностранным гражданам, проходящим военную службу в Вооруженных Силах РФ, и таким же образом гражданин РФ, поступивший на службу во Французский иностранный легион, будет считаться наёмником по смыслу ст. 359 УК РФ. Кроме того, данная статья не закрепляет специальные цели, на которые могут быть направлены действия лица, и при совершении которых оно также считается наемником – свержение правительства, подрыв конституционного строя или территориальной целостности государства[114].

Уголовное законодательство Польши, в отличие от французского и российского, не содержит непосредственного определения понятия

---

[114] См.: *Пархоменко С.В., Литвинцев А.А.* Понятие «Наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 3 (78). – С. 60-62.

наёмничества, но ссылается на то, что «наёмная служба» запрещена международным правом (ст. 141 УК Республики Польша[115]). Кроме того, Уголовным кодексом Республики Польша запрещается вербовка «на военную службу в иностранной армии или в иностранной военной организации», или «на запрещенную международным правом наемную военную службу», а также оплата, организация, подготовка или использование такой запрещенной службы. Поскольку Польша является как государством - участником Дополнительного протокола I, так и подписантом Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (хотя последняя и не была ратифицирована), можно обоснованно полагать, что деятельность, запрещенная международным правом, понимается в смысле положений ст. 47 Дополнительного протокола I и ст. 1 Конвенций.

Промежуточное звено между государствами, устанавливающими ответственность за деяния, близкие по смыслу к пониманию международным правом, представляет собой Германия. Статья 109h Уголовного кодекса ФРГ[116] устанавливает уголовную ответственность за «вербовку гражданина Германии на военную службу в военное или ему подобное учреждение в интересах иностранного государства», а также за доставку лица на такую службу. Данная статья также не содержит полноценного определения наёмничества, но в то же время предполагает, что подобная незаконная служба может нестись не только в иностранной армии, но и в военизированном учреждении, не входящем в состав вооруженных сил, даже если оно и действует в интересах какого-либо государства. Однако сама деятельность на такой службе не является наказуемой.

---

[115] Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. статья А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилович. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 234 стр.

[116] Уголовный кодекс Федеративной республики Германия / Науч. ред. Д.А. Шестаков; вступ. статья Д.А. Шестаков; предисловие доктора права Г.-Г. Йешека; пер. с немецкого Н.С. Рачкова. – Спб: Юридический центр Пресс, 2003 – 524 стр.

Следует также сказать и о государствах, понятие наёмничества в которых сведено исключительно к сфере обеспечения государственной безопасности и обороны страны, особенно принимая во внимание тот факт, что в ряде случаев это именно те государства, в которых приняты нормативные правовые акты, регулирующие деятельность частных военных и охранных компаний. Так в Великобритании согласно Закону об иностранной военной службе (Foreign Enlistment Act 1870[117]) предусмотрено уголовное наказание за поступление на иностранную военную службу без получения специального разрешения от монарха. Законодательство Соединенных Штатов также не рассматривает термин «наёмничество», однако глава 115 Раздела 18 Кодекса США содержит статьи, криминализующие службу и вербовку для участия в военных действиях, направленных против государства. Такая деятельность не обязательно должна осуществляться в составе вооруженных сил иностранного государства – по смыслу статей 2389 и 2390 Кодекса США[118].

Таким образом, полноценная оценка понятия наёмничества значительно затрудняется тем, что во многих государствах этот термин не рассматривается на национальном уровне, или же его определение существенно отличается от положений статьи 47 Дополнительного протокола I. Как уже было сказано, при этом применение самого Протокола для целей уголовного преследования не представляется возможным. Как формулирует эту проблему Э. Давид, «условия, необходимые для того, чтобы комбатант считался наемником, настолько ограничительны, что удовлетворить им можно только при большом желании покончить жизнь самоубийством!»[119]. В то же время избыточность

---

[117] Foreign Enlistment Act 1870 // URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/33-34/90 (дата обращения: 17.02.2018).

[118] 18 U.S. Code Chapter 115 – Treason, sedition, and subversive activities // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-115 (дата обращения: 17.02.2018).

[119] *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета: Пер. с фр. – Изд-во Междунар. ком. Красного Креста, 2000. – С. 495.

определения, содержащегося в статье 47, позволяет сформулировать критерии, отличающие наёмника от сотрудника ЧВОК, деятельность которого не является преступной в понимании международного права и уголовного законодательства тех стран, которые разделяют международный подход к пониманию наёмничества. В отличие от Дополнительного протокола I, Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников не только определяет понятие наёмника, но и криминализует такую деятельность на основе принципа aut dedere, aur judicare не только в отношении государства, против которого сражается наёмник, но превращает наёмничество в международное преступление. Тем не менее такая криминализация остаётся очень ограниченной, поскольку на настоящий момент Конвенция подписана и ратифицирована только 35 государствами[120].

В отличие от наёмничества, отношение к которому можно считать в достаточной степени сформированным, исходя из его криминализации в той или иной форме на национальном и международном уровнях (несмотря на различные подходы даже к определению термина), частные военные компании остаются явлением, урегулированным лишь в небольшом количестве государств, при этом в крайне ограниченном виде. В то время как схожесть этих явлений нередко отмечается исследователям, юристами и государственными деятелями, первостепенной задачей для того, чтобы мог быть выработан хотя бы относительно единообразный подход, является отграничение ЧВОК от смежных понятий, наиболее значимым из которых является, несомненно, наёмничество. Частные военные компании преимущественно вовлечены в решение задач, отличных от прямого участия в военных действиях, таких как охрана лиц и объектов (включая заключенных), подготовка личного состава, снабжение провизией, и в случае

[120] См.: Список государств, подписавших и ратифицировавших Конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников // URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-6&chapter=18&lang=en (дата обращения: 15.04.2019).

возникновения спорных ситуаций в любом из видов деятельности, не сопряженном с прямым участием в боевых операциях, сотрудники ЧВОК не могут быть привлечены к ответственности как наёмники. Единого мнения относительно сопоставимости статусов наёмников и сотрудников частных военных компаний на текущий момент не существует, а отличия в большинстве своём являются скорее юридическими, нежели фактическими.

Рассматривая отличие наёмников от сотрудников частных военных компаний, П. Сингер выделяет, основываясь на предыдущем определении, шесть основных характеристик, которые отличают современных наемников от комбатантов и представителей военизированных организаций[121]:

Иностранное гражданство: наемник не является гражданином или резидентом государства, за которое (или в котором) он сражается. Несмотря на то, что нередко сотрудниками ЧВОК могут быть граждане различных государств, в том числе не принимающих участия в вооруженном конфликте.

Независимость: наемник не включен в состав национальных вооруженных сил на долговременной основе и связан исключительно договором со своим нанимателем.

Мотивация: наемник сражаются из краткосрочной экономической выгоды, а не по политическим, идеологическим или религиозным причинам.

Вербовка: во избежание судебного преследования наёмники зачастую вербуются косвенным образом.

Организация: группы наемников представляют собой временные или случайные объединения отдельных лиц.

Услуги: в отсутствие вышестоящей организации наемники сфокусированы исключительно на прямом участии в военных действиях для единичных нанимателей.

---

[121] *Singer P.W.* Corporate warriors: The rise of the privatized military industry. – Cornell University Press, 2011 – C. 43.

Понятие частных военных компаний может попадать под некоторые положения статьи 47 Дополнительного протокола I, определяющего наёмников. В частности, это п. (d), где указано, что наемники – это лица, не являющиеся гражданами государства участвующего в конфликте. В то же время сотрудники ЧВОК зачастую являются гражданами разных стран в силу того, что многие такие компании являются международными и подбирают персонал как в зоне деятельности, так и в любых других государствах. Так, среди 180 000 сотрудников частных компаний в Ираке были граждане более чем тридцати государств[122]. Также к деятельности ЧВОК легко применим пункт (e), поскольку сотрудники частных подрядчиков не входят в состав регулярных вооруженных сил государства даже если выполняют приказы военного командования и заключают договоры на предоставление своих услуг с министерством обороны или другими компетентными органами, ответственными за военную деятельность.

Необходимо также рассмотреть вопрос финансовой мотивации сотрудников ЧВОК, поскольку она указана как наиболее важная для наёмников по смыслу п. (c) статьи 47. Несомненно, ЧВОК как коммерческие юридические лица реализуют цель получения прибыли, что во многом роднит их с наёмническими группами. В то же время сами ЧВОК представляют свои услуги как более высокопрофессиональные и узко квалифицированные, чем это было бы возможно для регулярных вооруженных сил, что требует сравнивать их услуги скорее с деятельностью войск специального назначения. Кроме того, сравнение вознаграждения регулярных вооруженных сил и частных подрядчиков затрудняет то, что учитывать необходимо не только выплаты конкретным сотрудникам или солдатам, но и операционные расходы компаний, расход и экономию бюджетных средств и т.д.

---

[122] *Singer P.W.* Can’t win with ‘em, can’t go to war without ‘em: Private military contractors and counterinsurgency (Brookings Inst. 2007), // URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0927militarycontractors.pdf (дата обращения: 29.10.2018).

Что касается пунктов (a) и (b) статьи 47 Дополнительного протокола I, то сотрудники частных военных и охранных компаний могли бы соответствовать им при расширительном толковании положений. Даже если ЧВОК привлекаются специально для целей конкретного вооруженного конфликта, вне зависимости от степени его интенсивности, то оказываемые ими услуги, как правило, не подразумевают непосредственного участия сотрудников в боевых действиях. Озабоченность могут вызывать ситуации, в которых сотрудникам ЧВОК в силу обстоятельств приходится применять силу (например, в процессе выполнения контрактов по обеспечению безопасности объектов и лиц). Тем не менее в этом случае важно, чтобы целью привлечения частных подрядчиков не являлось их участие в вооруженном конфликте в качестве комбатантов. Определение «непосредственного участия в военных действиях», хотя и не приводится в нормах международного гуманитарного права, может быть сформулировано, исходя из соответствующего Руководства МККК[123]. Это - участие лица своими действиями (индивидуальная вовлечённость) в процессе нанесения вреда противнику, конкретные враждебные акты, совершенные отдельными лицами в военных действиях. Понятие непосредственного участия в военных действиях имеет особое значение в случаях, когда сотрудники ЧВОК могут подвергнуться нападению. Также оно позволяет рассмотреть вопрос ограничения аутсорсинга традиционно государственных функций и определить виды деятельности, которые могут осуществлять сотрудники ЧВОК, не выходя за рамки международного гуманитарного права. Сам вопрос отнесения деятельности ЧВОК к «непосредственному участию» остаётся нерешенным в силу как неточности определения в международном праве, так и различных подходов со стороны государств.

---

[123] *Мельцер Н.* Руководство по толкованию понятия непосредственное участие в военных действиях в свете международного гуманитарного права // В: МККК. – 2010. // URL: https://www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah (дата обращения: 29.10.2018).

Таким образом, различия между наёмниками в понимании международного гуманитарного права и не рассматриваемыми им частными военными компаниями можно разделить на две существенные категории, что необходимо учитывать в первую очередь при разработке норм, регулирующих деятельность таких компаний. Это различия, касающиеся организационно-правовой формы, в которой создаются частные военные и охранные компании, и различия функциональные, связанные с непосредственной деятельностью, кругом оказываемых услуг, вовлечённостью в конфликт.

Организационные различия обусловлены тем, что частные военные компании представляют собой коммерческие организации, действующие на постоянной основе, а не стихийно формирующиеся для участия в конкретном конфликте, а договорные отношения, связывающие такие компании с их нанимателями с одной стороны и сотрудниками – с другой значительно более сложные по своей структуре и затрагивают большое количество возможных ситуаций и задач, которые они потенциально могут выполнять. Сюда же можно включить и тот факт, что деятельность частных военных компаний тем или иным образом урегулирована на национальном уровне. В ряде государств такое регулирование затрагивает, во-первых, гражданско-правовую сторону деятельности ЧВОК (вопросы лицензирования, организационно-правовой формы и т.д.) и координации их деятельности с вопросами государственной безопасности. Так, деятельность ЧВОК, например, затрагивается законом США о контроле за экспортом вооружений (Arms Export Control Act (AECA), 22 U.S.C. § 2778)[124]. В то же время сотрудники ЧВОК могут быть связаны с ними как длительными договорами и принимать участие в реализации различных операций, так и краткосрочными, как это может происходить при подборе персонала на месте. Во всех этих ситуациях легально действующие ЧВОК связаны национальным правом государств регистрации и нередко –

[124] *Lanigan Kevin.* Legal Regulation of PMSCs in the United States: The Gap between Law and Practice // Sicherheit und Frieden. – 2008. – P. 2.

государств, в которых они осуществляют свою деятельность, международно-правовыми нормами (например, об уплате налогов, перемещении грузов, в т.ч. вооружений и транспортных средств и т.п.). Частные военно-охранные компании являются стабильными, действующими на основании закона юридическими лицами, которые могут осуществлять свою деятельность как внутри государства регистрации, так и за его пределами, предоставлять свои услуги различным контрагентам – международным организациям, государствам, частным компаниям, физическим лицам на основании договоров.

Функциональные отличия – связаны с фактической деятельностью частных военных компаний. Необходимо понимать, что ЧВОК представляют собой значительно более сложные структуры, чем группы наёмников, ведь они способны не только выполнять функции по охране объектов, обучению личного состава вооруженных сил, но при этом имеют в своем распоряжении огромные человеческие, технические и финансовые ресурсы, политическое влияние. Услуги, которые предоставляют частные военные компании, также значительно отличаются от простого участия в боевых операциях, которое осуществляют наёмники (хотя при этом действия ЧВОК оказывают отнюдь не меньшее влияние на результаты вооруженного конфликта).

Разграничение частных военных и охранных компаний и наёмнических группировок, несмотря на кажущуюся очевидной разницу, представляет определенную сложность ввиду отсутствия международно-правовых норм, регулирующих ЧВОК, различных национальных подходов – с одной стороны, и некоторой размытости тех определений, которые содержит международное гуманитарное право в отношении связанных понятий наёмничества, непосредственного участия в военных действиях и т.д. – с другой. Проведенный анализ показывает, что в то время как одни признаки могут быть общими для наёмников и частных военных и охранных компаний, другие применимы лишь в определенных обстоятельствах или при расширительном

либо субъективном толковании. При этом адекватными критериями следует считать признанные на международном уровне – закрепленные в международных нормативных правовых актах, которые, в свою очередь, не затрагивают основной объект изучения. Последнее приводит к тому, что анализ фактически строится «от противного». Ситуация также осложняется и рядом инцидентов с участием сотрудников ЧВОК или даже случаями применения оружия в целях самообороны, что при определенных обстоятельствах может быть расценено как «непосредственное участие». Следует признать, что действующие нормы ст. 47 Дополнительного протокола I как нормы Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников применимы лишь для теоретического обоснования различий между участниками военных действий, но их использование в реальных ситуациях неэффективно, а зачастую даже невозможно. Однако они позволяют сформулировать признаки и критерии, которые могут быть положены в основу специализированных норм, эффективно регулирующих деятельность частных военных и охранных компаний, особенно в районах вооруженных конфликтов и при различных нестабильных ситуациях.

Частные военные и охранные компании и преступные сообщества (преступные организации). Преступное сообщество (преступная организация) как институционально-предметная форма организованной преступности представляют собой объективацию, то есть конкретное воплощение такой формы преступности[125]. Впрочем, для международного права более распространённым является термин «организованная преступная группа», под которой согласно Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности следует понимать «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного

[125] Попов В. А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики. Монография. – М.: Проспект, 2017., 179с. – С. 2

периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду»[126]. В то же время, термины «преступное сообщество» и «преступная организация» не раскрываются в достаточной степени международным правом (хотя понятие преступной организации фигурирует, в частности, в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945 г. Тем не менее норма Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. была включена в УК РФ именно в содержание ч. 4 ст. 35, чем были отождествлены термины «организованная преступная группы» по смыслу Конвенции и «преступное сообщества» по смыслу российского уголовного законодательства.

Что касается нормативно-правового закрепления такого явления, как преступное сообщество (преступная организация) или же преступная группа на уровне национальных законов, то наблюдаются различные подходы к терминологии (использование терминов «преступное сообщество» или «преступная организация»), хотя большинство государств используют термин «преступная организация» и устанавливают уголовную ответственность за создание такого объединения, а в некоторых странах – также за участие и финансирование[127]. Само определение преступной организации при этом может разниться от государства к государству, но, как правило, оно включает количественный признак (три и более лиц), качественный – устойчивость и структурированность (хотя в некоторых государствах допускается создание преступной организации ради единичного преступления), создание

---

[126] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 29.10.2018)

[127] См.: *Попов В.А.* Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики. Монография. – М.: Проспект, 2017. – С. 12.

организации для целей совершения преступлений (в некоторых странах – только тяжких преступлений), наличие цели в виде получения материальной выгоды[128]. Совершение преступления в составе преступной организации может выступать в качестве дополнительного квалифицирующего признака деяния независимо от самостоятельной ответственности за участие в такой организации, как это предусмотрено, в частности, уголовными кодексами Швейцарии и Венгрии.

Помимо ст. 35 УК РФ нормы, касающиеся преступных сообществ и совершения преступлений в их составе, а также нормы, смысл которых не только содержит отсылку к идее преступного сообщества, но и непосредственно пересекается с полем, в котором реализуют свою деятельность частные военные и охранные компании, содержатся в Особенной части УК РФ. В частности, это ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 209 «Бандитизм», ст. 282.1 и 282.2, касающиеся организации и деятельности экстремистского сообщества (организации).

Как в международно-правовых актах, так и в национальных юридически обязывающих документах можно выделить два значимых признака, на основании которых следовало бы проводить разграничение между легально действующими частными военными и охранными компаниями и различными преступными организациями, сообществами или, если обращаться к терминологии Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, преступными группами.

Во-первых, это **цель создания такой организации**. Как в ст. 2 Конвенции ООН, так и в национальных актах предусмотрено, что организация должна быть создана именно с целью совершения преступлений, и преступная деятельность должна быть для неё основной. Такие положения содержатся в

[128] Там же. – С. 12.

УК Венгрии[129], УК Франции[130], УК ФРГ[131], УК Испании[132]. Если частная военно-охранная компания (как и любое иное объединение независимо от того, является ли оно формально зарегистрированным юридическим лицом) была создана с целью совершения преступлений, или же её основная деятельность оказалась направлена на совершение её сотрудниками противоправных действий, то она, несомненно, может быть определена как преступная организация. Однако в случае, если преступления имели место, но их совершение связано не с ЧВОК, её родом деятельности, реализуемой в рамках договорных обязательств, а исключительно с личностью преступника, его связь с такой компанией как с преступной организацией вряд ли может быть юридически установлена. Здесь можно привести также позицию Верховного Суда РФ, установленную постановлением Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»[133]. По смыслу указанного постановления речь о преступном сообществе (и, следовательно, квалификация преступлений как совершенных в составе такого сообщества) может идти только в случаях, «когда руководители (организаторы) и участники этого сообщества (организации) объединены умыслом на совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений при осознании ими общих целей функционирования такого

---

[129] Уголовный кодекс Венгрии, Статья 459 URL: https://thb.kormany.hu/download/a/46/11000/Btk_EN.pdf (дата обращения: 05.03.2019)

[130] Уголовный кодекс Франции, Статья 450-1 URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=FCC10D08BCC380F2D5AA3F7F624636C5.tplgfr36s_1?idSectionTA=LEGISCTA000006136048&cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20190916 (дата обращения: 05.03.2019)

[131] Уголовный кодекс ФРГ, Ст. 129 URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p1209 (дата обращения: 05.03.2019)

[132] Уголовный кодекс Испании, Статья 570bis URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444#a570bis (дата обращения: 05.03.2019)

[133] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. N 12 г. Москва «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» URL: https://rg.ru/2010/06/17/prest-org-dok.html (дата обращения: 13.03.2018).

сообщества (организации) и своей принадлежности к нему (ней)». Таким образом, совершение преступлений сотрудниками ЧВОК может привести к признанию самой компании преступной организацией только при наличии общего умысла руководства и иных сотрудников на совершение преступлений.

Во-вторых, характеристика, разделяющая ЧВОК и преступные организации и вытекающая из предыдущего признака, – это **уголовная ответственность, предусмотренная за создание, руководство, участие в заведомо незаконной организации** (в зависимости от национальных правовых норм – за финансирование, поддержку). Такая форма ответственности, несомненно, могла бы быть применима по отношению к руководящим должностным лицам и сотрудникам ЧВОК, но только при соблюдении уже указанного выше условия – незаконности организации в целом. Подобные нормы (предусмотренные, в частности УК Испании, Франции, Канады[134]) по своему содержанию не смогут оказать влияния на привлечение к уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний, если деятельность организаций в целом законна, и даже не смогут сформировать квалифицирующий признак совершения преступления в составе преступной организации ввиду отсутствия таковой.

Проблема разграничения деятельности частных военных и охранных компаний и преступных организаций, а также необходимость ограничить их деятельность и не допустить злоупотреблений актуализирует и вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, хотя он не входит в круг задач настоящего исследования. Эта проблема рассматривается и Проектом возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях. В частности, ст. 19 и 20 Проекта устанавливают, что государства при условии соблюдения правовых принципов государства-участника по вопросу

---

[134] См.: *Попов В.А.* Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики. Монография. – М.: Проспект, 2017. – С. 13.

ответственности юридических лиц могут устанавливать уголовную ответственность за совершение преступлений, закрепленных Конвенцией. Среди действующих международно-правовых документов, вопрос уголовной ответственности юридических лиц регламентируется, например, ст. 18 Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и ст. 26 Конвенции против коррупции от 31 октября 2003 г. Введение уголовной ответственности юридических лиц рассматривается как способ формирования непосредственной связи между частными военными и охранными компаниями, их сотрудниками и нанимателем независимо от того, является им государство или иное юридическое лицо, а также как механизм, способствующий более эффективному предупреждению преступности со стороны сотрудников частных военных и охранных компаний. Самостоятельная уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, а вина юридических лиц представляет собой совокупную вину физических лиц, представляющих интересы организации, и формируется исходя из того, что юридическое лицо становится субъектом, а не орудием совершения преступления. Российское законодательство, по мнению ряда исследователей (в т.ч. Т.Я. Хабриевой, С.Е. Нарышкина[135]), содержит предпосылки для развития института уголовной ответственности юридических лиц, которые подтверждаются и историческим процессом развития российского уголовного права, которое в разные периоды включало меры уголовного принуждения для организаций[136].

Это позволяет сделать вывод о том, что частные военные и охранные компании и преступные формирования, как наёмнические группы, так и преступные сообщества (организации), представляют собой различные

---

[135] См.: *Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я.* Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. – 2011. – №9. – С. 10–11.

[136] См.: *Лафитский В.И., Семыкина О.И.* Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «Pro et contra» // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 5-13.

правовые категории, и, действуя в рамках, установленных нормативным правовыми актами, частные военные и охранные компании не могут смешаться ни с одной из них. Условия, при которых всё же возможно пересечение этих явлений, представляют собой ситуации совершения серьёзных и многочисленных преступлений, в результате которых границы между преступными организациями и законно действующими частными военными и охранными компаниями могут оказаться размытыми.

В заключение настоящего параграфа сделать **следующие выводы.**

1. В качестве критериев, позволяющих отличать частные военные и охранные компании от преступных организованных формирований, могут выступать организационно-правовые и функциональные признаки. К организационно-правовым признакам относятся: формирование частных военных и охранных компаний как коммерческих организаций, действующих на постоянной основе; наличие четкой организационной структуры, специального законодательства, регулирующего вопросы лицензирования, организационно-правовой формы; договорная основа оказания ими услуг государству (или иным организациям). Функциональные признаки включают широкий круг оказываемых услуг (в том числе высокотехнологичных), выполнение ими задач, традиционно закрепленных за государственными органами, запрет на непосредственное участие в вооруженных конфликтах и др.

2. Несмотря на сложность разграничения понятий наёмничества и частных военных и охранных компаний в силу отсутствия международно-правовых норм, посвящённых правовому регулированию деятельности ЧВОК и их сотрудников, и схожесть ряда характеризующих признаков, основным критерием для их разграничения можно считать соблюдение со стороны как государств, так и самих ЧВОК запрета на непосредственное участие в военных действиях и ряда других ограничений, связанных с сохранением государственной монополии на применение силы.

3. Необходимость ограничивать деятельность частных военных и охранных компаний актуализирует вопрос об уголовной ответственности юридических лиц. Возможность включения в уголовное законодательство Российской Федерации положений, закрепляющих юридические лица в качестве субъекта совершения преступления, может быть рассмотрена сквозь призму оценки непосредственной связи между частными военными и охранными компаниями, их сотрудниками и нанимателем независимо от того, является им государство или иное юридическое лицо, а также более эффективного воздействия на преступную деятельность таких организаций и их сотрудников.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

§ 2.1. Правовой статус и индивидуальная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний

Параллельно со статусом частных военных и охранных компаний как организаций необходимо также рассмотреть статус их сотрудников как индивидуальных лиц, чьи действия в рамках выполняемых обязанностей делают их субъектами права внутри правового режима района вооруженного конфликта или зоны повышенной опасности. Это особенно важно, если речь идет об уголовной ответственности за нарушения прав человека и военные преступления.

В докладе Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 25 августа 2010 г. особенно подчеркивается обеспокоенность докладчика отсутствием случаев фактического привлечения к ответственности частных военных и охранных компаний и их персонала, и даже заявления представителей этих компаний о том, что «они должны пользоваться иммунитетом даже в случаях незаконного поведения, включая применение пыток, поскольку они работают по контракту, выполняя государственные функции». Подобные заявления являются вопиюще циничными и несут угрозу всему, достигнутому в области прав человека с момента окончания Второй Мировой войны.

Казуальный подход к определению статуса сотрудников ЧВОК, закрепленный в Документе Монтрё, оказывается несостоятельным в случае необходимости привлечения таких сотрудников к ответственности за совершаемые преступления, поскольку делает правовой статус таких лиц не просто динамическим, но нестабильным и не поддающимся четкому

определению. Сотрудник частной военной компании, в особенности действующий в условиях вооруженного конфликта, должен обладать четким статусом, определенным нормами международного и национального законодательства, и нести ответственность за свои действия вне зависимости от того, предполагается ли его прямое участие в военных действиях, и, разумеется, не должен обладать иммунитетом от уголовной ответственности.

Статус сотрудника частной военной или охранной компании должен определяться исходя в первую очередь из того, можно ли считать его комбатантом. Но при этом очевидно, что они не соответствуют всем критериям, предъявляемым нормами гуманитарного права для признания за ними такого статуса. Документ Монтрё в целом формулирует, в каких случаях сотрудники частных военных и охранных компаний могут обладать статусом, приравненным к личному составу вооруженных сил: если они включены государством-нанимателем в состав вооруженных сил, являются членами организованных вооруженных сил, находящихся под командованием, ответственным перед государством, наделены полномочиями осуществлять элементы правительственной власти, (т.е. формально уполномочены в силу закона или постановления выполнять функции, которые обычно выполняют органы государства), или их поведение санкционировано государством[137]. Такой подход представляется достаточно разумным в ситуации вооруженного конфликта, когда частные военные компании действуют в тесном контакте с регулярными вооруженными силами воюющей стороны, и в зависимости от возложенных на них в соответствии с заключенным договором функций и обязательств их сотрудники могут быть приравнены по статусу к военнослужащим или невоюющим лицам, входящим в состав вооруженных

[137] Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта) С. 14 // URL:https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 14.02.2019)

сил, лицам, получившим от стороны, находящейся в конфликте, разрешение следовать за вооруженными силами (военные корреспонденты, поставщики), члены экипажей торговых судов и гражданских летательных аппаратов[138] и иные нонкомбатанты при условии их принадлежности к вооруженным силам воюющей стороны[139]. В любом из этих случаев сотрудник частной военной компании несет ответственность за свои действия в соответствии со своим статусом как лицо, действующее в вооруженном конфликте, и в случае прямого участия в военных действиях статус комбатанта создаёт условия для исключения уголовной ответственности за действия, связанные с таким прямым участием (и не квалифицируемые как военные преступления), в то время как эти же действия могут являться преступлениями в соответствии с внутренним законодательством. Так, убийство комбатанта может быть оправданным, когда совершено другим комбатантом, однако если это действие совершил нонкомбатант, он должен нести уголовную ответственность за совершенное преступление (убийство) в соответствии с внутренним законодательством[140].

Особняком стоит вопрос о статусе сотрудников частных военных и охранных компаний, участвующих в международных операциях по поддержанию мира, например, в рамках миротворческой деятельности ООН или Общей внешней политики и безопасности Европейского союза.

Организация Объединенных Наций не имеет собственной регулярной армии, поэтому, миротворческие миссии формируются из личного состава, направленного государствами-участниками по запросу Совета Безопасности.

---

[138] Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 12 августа 1949 г.) – Ст. 4.A // URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-conventon-3.htm (дата обращения: 13.09.2018).

[139] IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Вместе с Положением о законах и обычаях сухопутной войны) (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) – Ст. 3 // URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm (дата обращения: 13.09.2018).

[140] *Quirico O.* War Contexts: The Criminal Responsibility of Private Security Personnel//PRIV-WAR project //European University Institute, Florence Academy of European Law. – 2010. – P.186.

При этом за государствами-участниками остаётся право выбора, какое количество и каких именно войск направить (и направить ли вообще) в соответствии с запросом. Государство, как уже было сказано выше, также может воспользоваться услугами частных военных и охранных компаний, не направляя собственную армию.

Основными факторами, от которых зависит статус сотрудников частных военных и охранных компаний, участвующих в международных миротворческих операциях, являются:

- характер вовлечения сотрудников и виды предоставляемых услуг;
- источник их привлечения – государства-участники, направляющие таких лиц вместе с представителями собственных вооруженных сил (или вместо них), или же они нанимаются непосредственно международной организацией.

Так или иначе, но если сотрудники частных военных и охранных компаний непосредственно включаются в миротворческие силы, например, в рамках операций Организации Объединенных Наций, они должны пользоваться защитой, установленной для миротворцев и закрепленной, в частности, в Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала. Статья 1 указанной Конвенции определяет в качестве субъектов, попадающих под её действие, «членов военного, полицейского или гражданского компонентов операции», что со всей очевидностью может относиться и к сотрудникам частных военных и охранных компаний. Так, например, полицейские офицеры США, составлявшие гражданскую полицию ООН, фактически являлись сотрудниками компании DynCorp. Конвенция, однако, согласно ст. 2 перестаёт действовать в случае, когда персонал ООН задействован в качестве комбатантов в операции Организации Объединенных Наций, санкционированной Советом Безопасности в качестве принудительной меры на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

Статус лиц, в том числе сотрудников частных военных и охранных компаний, участвующих в военных и гражданских миссиях Европейского союза, во многом схож со статусом миротворческого контингента ООН, поскольку соответствие таких миссий и операций Уставу Организации Объединенных Наций закреплено в п. 5 ст. 3, а также в ст. 21 Договора о Европейском союзе, касающейся внешнеполитической деятельности Союза.

Таким образом, на сегодняшний день метод отсылки к существующим нормам и аналогии для определения статуса сотрудников частных военных компаний в вооруженных конфликтах, а также в международных миротворческих операциях представляется заинтересованными сторонами вполне приемлемым, а его основной недостаток заключается в том, что отсутствие нормативного закрепления оставляет слишком широкий простор для толкования и никак не решает проблему «правового вакуума» вокруг так называемых «наёмников двадцать первого века».

В подобной ситуации наиболее разумным и действенным представляется включение сотрудников частных военных компаний в нормы международного гуманитарного права в качестве отдельной категории лиц, которые в зависимости от конкретных условий контракта, на основании которого они действуют, могут являться как комбатантами, так и нонкомбатантами. При этом такой статус должен устанавливаться не «пост фактум», а до начала участия данных лиц в вооруженном конфликте. Также необходимо вывести критерии, в соответствии с которыми сотрудники частных военных компаний могут быть привлечены к ответственности за наёмничество и связанные с ним преступления (вербовку, финансирование и так далее)[141] в понимании действующих норм международного гуманитарного права. Выделение сотрудников частных военных компаний в отдельную

[141] В государствах, присоединившихся к Конвенции ООН о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.

категорию позволит конкретизировать «плавающий статус» таких лиц[142], и хотя бы в какой-то мере устранить правовой вакуум вокруг этого вопроса.

Ряд государств, в интересах которых решение вопроса о правовом статусе частных военных компаний и их сотрудников, приняли специальное экстратерриториальные (или как их называют в некоторых источниках – экстерриториальные) правовые акты, позволяющие применять внутреннее законодательство, в первую очередь – уголовное, к лицам, совершающим преступление за пределами государства, в том числе – к сотрудникам частных военных и охранных копаний. Экстратерриториальные правовые акты должны иметь юрисдикционную привязку, например, на основании гражданства физического лица, регистрации юридического лица, что обеспечивает их распространение на деяния, совершаемые в другой юрисдикции, и это не противоречит международному праву. В то же время осуществляемая экстратерриториальная юрисдикция в большинстве случаев может быть только ограниченной, не предполагающей принуждение в силу того, что непосредственное применение иностранного закона на территории юрисдикции государства означает нарушение суверенитета такого государства. В то же время эктратерриториальность определенных правовых норм может быть согласована между государствами на уровне международного договора или иным образом. Например, так регламентируется размещение вооруженных сил на основании Соглашений о статусе сил – специальных соглашений, определяющих правовой статус вооруженных сил одного государства, дислоцированных на территории другого государства. При этом объем экстратерриториальности непосредственно устанавливается в условиях Соглашения. Так, например, ст. XVII Соглашения о статусе сил между США и Японией от 23 июня 1960 г. устанавливает, что «военная администрация США вправе осуществлять

---

[142] См.: *Волеводз А.Г.* Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 233-251.

уголовную и дисциплинарную юрисдикцию в соответствии с правом США в отношении всех лиц, подчиняющихся военному законодательству Соединённых Штатов»[143], а также в отношении деяний, совершаемых такими лицами, являющихся преступными по законодательству США, но не являющихся таковыми по законодательству Японии, в том числе это касается государственной измены, саботажа, шпионажа, нарушения государственной тайны. Юрисдикция США также является приоритетной в случае коллизии. Аналогичное соглашение между США и Ираком 2008 г. разграничивает юрисдикцию таким образом, что военный персонал и гражданские служащие оказываются под действием законодательства США, в то время как в отношении частных подрядчиков и их сотрудников приоритет в юрисдикции принадлежит Ираку[144]. Эта норма очевидным образом относится и к частным военным и охранным компаниям и их сотрудникам, отделяя их от военного персонала, находящегося в первую очередь в юрисдикции США.

Кроме международных договоров, экстратерриториальность может быть установлена и национальным законодательством, хотя в этом случае возникает вопрос о том, как учесть позицию принимающего государства, не имеющего связи с иностранным внутренним законодательством. Иностранное право может действовать лишь в пределах, допускаемых внутренним правом, в противном случае оно будет нарушать суверенитет государства территориальной юрисдикции[145]. Закон США о военной экстратерриториальной юрисдикции (Military Extraterritorial Jurisdiction Act

---

[143] Agreement under Article VI of the Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America, Regarding Facilities and Areas and the Status of United States Armed Forces in Japan // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/sfa/pdfs/fulltext.pdf (дата обращения: 13.09.2018).

[144] Agreement Between the United States of America and the Republic of Iraq On the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of Their Activities during Their Temporary Presence in Iraq // URL: https://www.state.gov/documents/organization/122074.pdf (дата обращения: 13.09.2018).

[145] Лукашук И.И. Экстартерриториальное действие уголовного закона и международное право // Российский ежегодник международного права 19931994. – СПб.: Россия-Нева, 1995. – С. 102-125.

(MEJA), 18 U.S.C. §§ 3261-67[146]) определяет круг лиц, подлежащих ответственности. К ним относятся как лица, входящие в состав вооруженных сил (со значительными ограничениями в пользу военных судов) и гражданские служащие, так и частные подрядчики и субподрядчики. Как правило, судебное преследование за такие деяния не может быть инициировано, если государство территориальной юрисдикции, признанной США, уже осуществляет такое преследование. Закон определяет процедуру экстерриториального применения права, а также процедуры передачи дела стране территориальной юрисдикции. Кроме того, согласно § 3266 компетентные органы обязаны «в максимально возможной степени» донести до иностранных лиц, предоставляющих услуги армии США по контракту, информацию о том, что в случае совершения ими уголовных правонарушений на них распространяется юрисдикция США. С момента вступления в силу Закона об экстратерриториальной юрисдикции в 2000 г. в адрес Департамента юстиции США поступали обращения о возможных делах по данному закону, однако только несколько дел завершились реальными обвинениями. Среди успешных обвинений – расследование в отношении частного подрядчика Департамента Обороны США в Ираке, обвиненного в хранении детской порнографии[147]. В ноябре 2005 г. системным администратором центра заключения Абу Грейб обнаружил, что с персонального компьютера одного из служащих осуществлялся доступ к сайтам, содержащим детскую порнографию. Изображения, содержащие детскую порнографию, также хранились на жестком диске компьютера. Другое дело касалось двух сотрудников частной военно-охранной компании DynCorp, работавших на базе НАТО в Кандагаре (Афганистан). В ноябре 2010 г. обвиняемый, гражданин ЮАР, нанес

---

[146] 18 U.S. Code Chapter 212 – Military Extraterritorial Jurisdiction Act (MEJA) 18 U.S.C. §§3261-67 // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-II/chapter-212 (дата обращения: 05.03.2016).

[147] United States Attorney's Office Eastern District of Virginia "Military Contractor Sentenced for Possession of Child Pornography in Baghdad" Press release (25 May 2007) // URL: https://www.justice.gov/psc/docs/AlexandriaVA_05252007.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

несколько ножевых ранений пострадавшему, гражданину Великобритании. Для суда обвиняемый был доставлен в США, где ему был вынесен обвинительный приговор, подтвержденный также апелляционной инстанцией в 2012г.[148] Таким образом, закон об экстратерриториальной юрисдикции был применен в отношении иностранного гражданина за преступление, совершенное на территории иностранного государства и в отношении также иностранного гражданина. На основании закона об экстратерриториальной юрисдикции было вынесено еще несколько судебных решений в отношении сотрудников частных военных и охранных компаний, оказывающих услуги Департаменту обороны США за рубежом, однако не во всех из них судом было обосновано экстерриториальное действие законодательства США[149]. Кроме военной экстартерриториальной юрисдикции к сотрудником частных военных и охранных компаний судами США может быть применена также специальная морская юрисдикция (Special Maritime Territorial Jurisdiction – SMTJ[150]). Эти положения Единого кодекса США распространяют юрисдикцию судов в отношении преступлений, совершенных против граждан США или же самими гражданами, однако не могут быть задействованы для осуждения иностранного сотрудника частной военно-охранной компании, совершающего преступление в море.

Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний и их сотрудников в **Великобритании** существенно отличается от американской модели, и многие элементы устанавливаются на уровне саморегулирования, особенно если речь идёт о деятельности за пределами

---

[148] United States Court of Appeals for the Fourth Circuit / United States v. Brehm, No. No. 11-4755, 2012 // URL: http://www.ca4.uscourts.gov/Opinions/Published/114755.P.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

[149]Jennifer K. Elsea, Private Security Contractors in Iraq and Afghanistan: Legal Issues, Congressional Research Service c.24 // URL: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40991.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

[150] U.S. Code Title 18. Crimes And Criminal Procedure Part I. Crimes Chapter 1. General Provisions Section 7. Special maritime and territorial jurisdiction of the United States defined // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/7 (дата обращения: 18.03.2018).

Соединенного королевства. Нормы, позволяющие привлечь сотрудников ЧВОК к ответственности за совершаемые деяния, еще более размыты, хотя ряд документов, затрагивающих смежные вопросы, но не касающихся ЧВОК, и был принят. Среди них – Закон о правах человека 1998 г., в рамках которого была установлена экстерриториальная юрисдикция для государственных служащих по аналогии с делом «Аль-Скейни против Соединённого королевства»[151], Закон о международном уголовном суде 2001 г., применимый только в случае совершения сотрудниками ЧВОК военных преступлений в понимании Римского Статута МУС, Закон о частных охранных компаниях 2001 г., касающийся внутреннего регулирования отрасли и вопросов лицензирования и учреждающий специальное агентство для лицензирования частных военных и охранных компаний (Security Industry Authority – SIA). Только в Законе о вооруженных силах 2006 г. была установлена возможность привлечения к ответственности частных подрядчиков как субъектов военного права. В соответствии с этим законом сотрудники ЧВОК, являющиеся подданными Великобритании или третьих стран, могут быть привлечены к ответственности за те же деяния, что и лица, входящие в состав вооруженных сил. При этом их дела могут рассматриваться как военными, так и гражданскими судами. Под действие этих норм не попадают граждане государства территориальной юрисдикции, в котором действуют вооруженные силы Великобритании и нанятый ими персонал ЧВОК[152].

Таким образом, следует выделить два основных направления, в рамках которых возможно решение вопросов о правовом регулировании деятельности ЧВОК и их сотрудников в вооруженных конфликтах и зонах

---

[151] Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012, Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 143, Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства [Al-Skeini and Others v. the United Kingdom] (жалоба № 55721/07) URL: http://hrlib.kz/wp-content/uploads/2016/07/2011--Аль-Скейни-и-др.-против-Великобритании.pdf (дата обращения: 18.09.2018).

[152] *Cameron L., Chetail V.* Privatizing war: Private military and security companies under public international law. – Cambridge University Press, 2013. – P. 625.

повышенной опасности – через международно-правовые акты и посредством экстратерриториального законодательства, принимаемого на уровне государств. Оба эти подхода не безупречны, поскольку решают только часть проблем, и компромисс между ними мог бы в действительности значительно уменьшить количество белых пятен в правовом регулировании деятельности ЧВОК. Существующие международные документы носят рамочный характер и неэффективны в отсутствие правового регулирования на национальном уровне, которое, в свою очередь, более подробно описывает права и обязанности сотрудников ЧВОК, может формулировать правовые основы заключаемых договоров и обеспечивать включенность сотрудников этих компаний в общую систему уголовного права. Каким бы образом ни развивалось определение правового статуса ЧВОК и их сотрудников, очевидно, что оно будет формироваться на компромиссной основе, исходя из положений международных и национальных правовых норм таким образом, чтобы учитывать их отличия от военнослужащих вооруженных сил, гражданских лиц и иных субъектов международного гуманитарного права на основе критериев вовлеченности в непосредственные военные действия, степени ответственности, подчинённости и подотчётности.

Действуя в зоне вооруженного конфликта или в нестабильной обстановке иного характера, частные военные и охранные компании, а также их сотрудники, оказываются в двойственном положении, поскольку в то время как на обстоятельства их деятельности должны распространяться нормы международного гуманитарного права, может возникнуть необходимость привлечения их сотрудников к ответственности в соответствии с внутригосударственным законодательством. Такие лица не рассматриваются в качестве комбатантов и, соответственно, могут быть подвергнуты уголовному преследованию в случае, например, прямого участия в военных действиях. Такой подход находит подтверждение, в частности, в Документе Монтрё, содержащем нормы, касающиеся внутреннего законодательства

государств по вопросу ЧВОК. Он призывает к «принятию мер к тому, чтобы осуществлялась уголовная юрисдикция в национальном праве в отношении преступлений, совершаемых частными военными и охранными компаниями и их персоналом», «к созданию механизма не уголовной ответственности за ненадлежащие или неправомерные действия частных военных и охранных компаний и их персонала»[153].

Сотрудники частных военных компаний могут становиться субъектами уголовной и гражданской ответственности как в «отечественных» государствах, так и в государствах территориальной юрисдикции – где они непосредственно осуществляют свою деятельность. В этой связи О.Кьюрико отмечает, что проблемы возникают, когда «домашнее» законодательство государства регистрации ЧВОК не регулирует деятельность таких компаний за рубежом, а «принимающее» или другое дееспособное государство не обеспечивает достаточного внутреннего регулирования по ЧВОК[154]. Эта проблема особенно остро встает в ситуации вооруженного конфликта или же нестабильной обстановки, которые создают препятствия для осуществления правосудия. Тем не менее при определении компетентной внутренней юрисдикции в ситуации, когда преступление, совершенное сотрудниками частной военной компании, не затрагивает международно-правовых норм, должны применяться принципы территориальности (lex loci delicti commissi, т.е. право места, где совершено деяние), активное или пассивное гражданство

---

[153] Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта). – С. 10 // URL:https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 30.11.2018).

[154] *Quirico O.* National Regulatory Models for PMSCs and Implications for Future International Regulation. Working Paper, EUI MWP, 2009/25 // https://cadmus.eui.eu/handle/1814/11759 (дата обращения: 28.03.2019).

(то есть гражданство исполнителя преступного деяния или потерпевшего) и интересы государства[155].

Таким образом, вопрос привлечения в уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний по национальному законодательству расположен в двух плоскостях: возможно ли такое привлечение с точки зрения юрисдикции и достаточны ли для этого нормы национального уголовного права. Вопрос юрисдикции (как национальной, так и универсальной) был рассмотрен нами выше, и в настоящий момент наибольший интерес представляет анализ конкретных положений нормативных правовых актов, на основании которых возможно привлечение к уголовной ответственности сотрудников ЧВОК, осуществляющих свою деятельность за рубежом, их содержание и особенности применения. Когда речь идёт об ответственности не за преступления, рассматриваемые, например, Международным уголовным судом в силу их значительности, то уголовная ответственность может быть реализована лишь посредством национальных судебных систем. Государствами осуществления правосудия в этом смысле вряд ли могут выступать государства осуществления деятельности ЧВОК, так как зачастую они являются достаточно слабыми либо не готовы осуществлять уголовное преследование в силу ограничений, установленных Соглашениями о статусе сил или же по политическим мотивам. Более того, государства размещения ЧВОК могут зависеть в плане обеспечения безопасности, как это происходило, например, в Ираке, что осложняет любые перспективы применения принимающим правительством уголовного законодательства в отношении ЧВОК.

Что касается государств, направляющих персонал ЧВОК, а также государств происхождения таких компаний, то их уголовно-правоохранительные механизмы либо недостаточны, либо не используются в

---

[155] См.: *Голованова Н.А.* и др. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. Учебник. – М.: Wolters Kluwer Russia, 2010. – С. 313.

должной мере, что приводит к фактической безнаказанности сотрудников ЧВОК. Примером этому является ситуация с законом США «О военных преступлениях»[156], который хотя и не охватывает все виды военных преступлений, мог бы быть использован в отношении сотрудников ЧВОК, подозреваемых в пытках заключенных в тюрьме Абу-Грейб, однако правоохранителями применён не был. Также с 2006 г. на сотрудников частных военных и охранных компаний были распространены положения Единого кодекса военной юстиции США (The Uniform Code of Militaty Justice, UCMJ). Эта поправка была внесена Инструкцией министерства обороны № 5525.11[157] от 03.03.2005 г. Внесенные поправки распространили компетенцию Министерства обороны США в отношении «лиц, служащих вместе с или сопровождающих вооруженные силы» в условиях объявленной войны или чрезвычайной операции[158]. Согласно Меморандуму министерства обороны США «Управление подрядчиками министерства обороны и сопровождающим персоналом подрядчиков»[159] сотрудники частных военных и охранных компаний, сопровождающие вооруженные силы США, подпадают под юрисдикцию Кодекса, а командиры наделены полномочиями разоружать и задерживать сотрудников ЧВОК, подозреваемых в совершении преступлений. Эти правила касаются подрядчиков любого федерального агентства США или временного органа, работа которых связана с поддержкой миссий Министерства обороны. Однако эти изменения скорее всего несостоятельны и

---

[156] U.S. Code Title 18. Crimes And Criminal Procedure Part I. Crimes Chapter 118. War Crimes Section 2441. War crimes // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2441 (дата обращения: 18.03.2018).

[157] DoD Instruction 5525.11, Criminal Jurisdiction Over Civilians Employed By or Accompanying the Armed Forces Outside the United States, Certain Service Members, and Former Service Members // URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-hrsp/legacy/2011/02/04/03-03-05dod-instructions.pdf (дата обращения: 24.09.2018).

[158] Статья 802 UCMJ.

[159] Memorandum from the Deputy Sec'y of Def. on Management of DoD Contractors and Contractor Personnel Accompanying U.S. Armed Forces in Contingency Operations Outside the United States (Sept. 25, 2007) // URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-hrsp/legacy/2011/02/04/09-25-07dodmanagecontract-ucmj.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

могут создать конституционно-правовую коллизию в силу решения Верховного суда США по делу O'Callahan v. Parker, 395 U.S. 258 (1969)[160], в котором суд заявил, что юрисдикция военных судов не может осуществляться над гражданскими лицами, поскольку это противоречит Конституции США[161]. В уже упомянутом деле о пытках в Абу-Грейб применение положений Кодекса было невозможно, поскольку нанимателем для ЧВОК выступало не Министерство обороны. Единственное же дело, в котором Кодекс был применен по отношению к гражданскому подрядчику («США против Мухаммеда Али») касалось преступления против другого служащего, но не против гражданского населения или лиц, состоящих на службе противника[162]. Не менее важно и то, что положения Единого кодекса военной юстиции США могут распространяться на подрядчиков Министерства обороны, но не затрагивают, например, частные военные и охранные компании, действующие по контракту с Государственным департаментом США[163].

Уголовное право **Великобритании** преимущественно основывается на территориальном принципе. Это означает, что в норме деяние должно быть совершено на территории страны, однако существует ряд исключений, позволяющих осуществлять уголовное преследование граждан за такие преступления, как государственная измена, убийство, некоторые виды сексуальных преступлений, терроризм. При этом британское военное право, включая в себя многие положения уголовного права, может применяться к

---

160 O'Callahan v. Parker, 395 U.S. 258 (1969) // URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/395/258/ (дата обращения: 27.09.2018).

161 *Elsea J.K.* Private security contractors in Iraq and Afghanistan: legal issues. – DIANE Publishing, 2010. – P. 235.

162 United States v. Mr. Alaa Mohammad Ali, No. 12-0008/ AR Crim. App. No. 20080559 United States Court of Appeals for the Armed Forces. URL: http://www.armfor.uscourts.gov/newcaaf/opinions/2011SepTerm/12-0008.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

163 См.: *Королькова Е.Е.* Уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний по единому кодексу военной юстиции США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 5 (72). – С.121-124.

британским военнослужащим независимо от их местонахождения[164]. Законодательство Великобритании в той части, в которой оно касается деятельности частных военных и охранных компаний, не затрагивает непосредственно вопросы уголовной ответственности. Сотрудники частных военных и охранных компаний, осуществляющие деятельность для вооруженных сил Великобритании за рубежом, подвержены дисциплинарной ответственности согласно Закону о вооруженных силах 2006 г., однако данный акт не распространяется на иностранных граждан, нанятых в том же качестве. Кроме того, по общим нормам британского законодательства уголовное правонарушение со стороны подрядчика приводит к нарушению условий договора[165]. Очевидно, что если национальное уголовное право Великобритании еще распространяется в таких случаях на собственных граждан, то сотрудники ЧВОК, не являющиеся гражданами Великобритании, фактически не подвержены уголовной ответственности за преступления, совершенные в ходе оказания частных военных и охранных услуг за рубежом, в том числе в районах вооруженных конфликтов или повышенной опасности.

Уголовное преследование за деяния, совершенные за границей, согласно **французскому законодательству** осуществляется согласно положениям Уголовного кодекса. По закрепленному в законодательствах многих стран принципу французское уголовное право распространяется на преступления, совершенные за пределами территории республики, если лицо их совершившее, является гражданином Франции или постоянно проживает на территории государства (ст. 113-6 УК Франции). При этом для ряда преступлений, среди которых и характерные для деятельности ЧВОК, исключено требование о том, что преследованию «должна предшествовать жалоба жертвы или ее представителя или официальное обвинение властью

[164] White N. D. Regulation of the private military and security sector: is the UK fulfilling its human rights duties? // Human Rights Law Review. – 2016. – Т. 16. – №. 3. – С. 585-599.
[165] Galai K. Regulating Private Military Companies: Conflicts of Law, History and Governance. – Routledge, 2019. – P. 124.

страны, где было совершено деяние». К таким деяниям относится наёмничество (ст. 436-3), сексуальные преступления (ст. 222-22), торговля людьми (225-4-8) и некоторые другие. Очевидно, что хотя эти положения и позволяют осуществлять экстратерриториальную юрисдикцию, применительно к деятельности частных военных и охранных компаний она оказывается ограничена и едва ли применима, если сотрудник, совершающий преступление, не является гражданином Франции или лицом, постоянно проживающим в Республике.

Аналогичным образом и уголовное право **Германии** (ст. 5-7 Уголовного кодекса ФРГ) допускает преследование собственных граждан, совершивших преступления за границей. Вне зависимости от внутреннего права государств, где было совершено деяние, уголовное законодательство Германии распространяет универсальную юрисдикцию на ряд деяний, среди которых торговля людьми и торговля наркотиками, геноцид. Эти положения подкреплены также международными соглашениями Германии (в частности, двусторонними соглашениями о взаимной правовой помощи). Похожее ограниченное применение имеет законодательство **Нидерландов**. Юрисдикция этого государства распространяется на частных подрядчиков – граждан только в случае совершения за рубежом достаточно серьёзных преступлений, и еще в меньшей степени – на иностранных и местных частных подрядчиков (например, если преступления выражаются в пытках).

Следует отметить, что ни германское, ни французское законодательство не содержит специальных норм, действие которых могло бы охватывать преступления, совершенные за пределами территории этих стран сотрудниками частных военных и охранных компаний, оказывающих им услуги, вне зависимости от их гражданства, как то предусматривает, например, законодательство США. Так, значительное количество персонала, нанятое по месту осуществления деятельности ЧВОК, а также местные компании, привлечённые как субподрядчики, оказываются в «серой зоне» для

уголовного законодательства и совершенно недостижимы для уголовного преследования. Кроме направляющих государств, юрисдикцией в отношении сотрудников частных военных и охранных компаний могут обладать и государства пребывания. Например, в 2009 г. иракским судом был вынесен обвинительный приговор в отношении гражданина Великобритании Д. Фитцсиммонса, сотрудника британской частной военно-охранной компании, по обвинению в убийстве двух других сотрудников той же ЧВОК – граждан Великобритании и Австралии и причинении вреда здоровью гражданина Ирака. Однако следует отметить, что преступление не было совершено им в рамках исполнения своих профессиональных обязанностей, а произошло в результате спора на фоне употребления спиртных напитков.[166] Хотя эта ситуация показывает принципиальную возможность осуждения сотрудника ЧВОК государством пребывания, она не полностью отражает специфику привлечения к ответственности за преступления, совершенные в рамках деятельности частных военных и охранных компаний.

Несмотря на закрепление самой возможности привлечения к уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний, нормативные правовые акты, которые содержат такие положения, в основном не указывают на конкретные виды преступлений, на которые следовало бы обратить внимание, или же сами преступления, субъектом которых в силу положений закона или договора мог бы становиться сотрудник ЧВОК (например, должностные преступления), содержат условия специального субъекта (например, должностного лица), которым такой сотрудник не удовлетворяет. Таким образом, с одной стороны, положения, закрепляющие, например, экстратерриториальную юрисдикцию в отношении преступлений, совершаемых частными подрядчиками в процессе оказания услуг в районе вооруженного конфликта, распространяются на весь комплекс уголовно-

[166] Briton Danny Fitzsimons jailed in Iraq for contractors' murders – Caroline Davies, 28.02.2011 / The Guardian // URL: https://www.theguardian.com/world/2011/feb/28/danny-fitzsimons-jailed-iraq-murders (дата обращения: 18.03.2018).

правовых норм, а с другой стороны, они не формируют правовой связи, на основании которой было бы возможно привлечение их к ответственности, например, за военные преступления, если совершенное деяние в действительности составляет больше, чем просто убийство (как, например, можно квалифицировать ситуацию в Багдаде в 2007 г.).

По итогам исследования правового статуса и индивидуальной уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний можно сделать **следующие выводы.**

1. Решение вопроса о правовом положении сотрудников частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах и зонах повышенной опасности и привлечения их к уголовной ответственности возможно как в рамках развития международно-правового регулирования, так и на основе экстратерриториального законодательства, принимаемого на уровне отдельных государств и положений, устанавливающих юрисдикцию в отношении сотрудников ЧВОК в Соглашениях о статусе сил и аналогичных документах.

2. Правовые нормы, касающиеся индивидуальной уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний, как правило, недостаточно конкретизированы. Зачастую законодательство, касающееся уголовной ответственности сотрудников ЧВОК, не распространяется на лиц, не являющихся гражданами направляющего государства, что также затрудняет привлечение их к ответственности за преступления.

3. Значительную сложность в уголовно-правовой оценке деяний, совершаемых сотрудниками частных военных и охранных компаний, действующими в районах вооруженных конфликтов и зонах повышенной опасности, представляют концептуальные различия в уголовно-правовых системах направляющего и принимающего государств, а также в принципе

действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц, на чем основывается соответствующее национальное законодательство.

§ 2.2. Условия и критерии правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний в условиях вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности

Критерии правомерного причинения вреда для условий вооруженного конфликта любого характера отличаются от таковых в рамках обычного действия права, в том числе – уголовного. При этом фактически причинение вреда в ситуации вооруженного конфликта создаёт обстоятельства, аналогичные (или даже приравненные) к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, если такой подход допускают нормы международного гуманитарного права. При этом конкретные ситуации могут образовывать связь с разными общими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, – исполнение приказа или распоряжения, крайняя необходимость. Причинение вреда в обстоятельствах вооруженного конфликта может охватывать также и специфические ситуации, такие как репрессалии, конфликт обязательств, военную необходимость, в которую входит, например, отступление от запрета на уничтожение или приведение в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения, предусмотренное п. 5 ст. 54 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов и рядом других статей указанного Протокола. Фактически такое причинение вреда либо оправдывается специальной нормой (например, международного гуманитарного права), либо подчиняется общим правилам уголовного законодательства.

Следует понимать, что вопросы правомерного причинения вреда со стороны сотрудников частных военных и охранных компаний в условиях

вооруженного конфликта либо зоны повышенной опасности неизменно проходят через призму их исключённости из состава вооруженных сил. При этом мы можем выделить два основных правовых режима применения силы (и соответственно причинения вреда) сотрудниками частных военных и охранных компаний: это непосредственное участие в военных действиях и самооборона. При этом очевидно, что для ЧВОК первый из указанных режимов по определению становится неправомерным применением силы. И, таким образом, в рамках существующей в настоящее время законодательной и правоприменительной практики как причинение вреда, претендующее на правомерность, могут рассматриваться только действия, совершаемые в рамках самообороны. Такие действия в том числе могут совершаться лицами в рамках их должностных обязанностей, предусмотренных договором, на основании которого предоставляются частные военно-охранные услуги.

Тот факт, что сотрудники частных военных и охранных компаний не являются в настоящее время субъектами международного гуманитарного права, делает несколько шатким их положение в определении правомерности причинения вреда, поскольку, с одной стороны, они не попадают под защиту, предоставляемую нормами МГП военнослужащим, а с другой – оказываются подвержены действию уголовного законодательства.

Сами частные военные и охранные компании (как международные, так и локальные) основываются в вопросе применения силы на принципе права на самооборону, применяя его, в том числе для оказания услуг, ради которых они были наняты, в частности если такие услуги предполагают возможность применения силы (например, по охране мест заключения)[167]. При этом в случае вооруженного конфликта принципы права на защиту жизни и собственности обязательно сочетаются и интерпретируются в соответствии с

[167] *Lindsey Cameron, Vincent Chetail.* Privatizing War: Private Military and Security Companies under Public International Law. – Cambridge University Press, 2013. – P. 455.

нормами международного гуманитарного права. Однако очевидно, что простое перенесение принципов самозащиты, применимых в мирное время на территории государства на условия вооруженного конфликта или же нестабильной ситуации, может повлечь за собой ряд проблем. Одной из таких проблем является разграничение права на самооборону и непосредственного участия в боевых действиях, а также проблема размытия границы между комбатантами и нонкомбатантами при осуществлении последними, представленными сотрудниками частных военных и охранных компаний, права на самооборону. Существенным следствием смешения статусов в международном гуманитарном праве становится ослабление защиты, которую оно предоставляет в первую очередь гражданским лицам. Таким образом, применение положений, касающихся права на самооборону, для оправдания действий сотрудников частных военных и охранных компаний должно быть достаточно формализовано для того, чтобы устанавливать критерии, согласно которым сотрудники частных военных и охранных компаний могут, основываясь на праве на самооборону, выполнять свои функции, включая, если это необходимо, применение силы.

Здесь несомненно важную роль играет и подход к вопросу самообороны: является она как критерий правомерности действий скорее правом или же только оправданием действий, которые в иных обстоятельствах были бы преступными? При этом нет международно-правовой нормы, которая бы однозначно разрешала этот вопрос, следовательно, основные критерии правомерности причинения вреда, основанного на праве на самооборону, должны быть выделены из практики национальных законодательств. Хотя, как правило, такие критерии будут являться общими для основных существующих правовых систем, при их изучении необходимо учитывать нюансы, вытекающие из детального понимания связанных с вопросами самообороны уголовно-правовых норм государств. При этом даже на национальном уровне могут наблюдаться определенные проблемы с формулированием

теоретической основы права на самозащиту. Так, Э.Л. Сидоренко отмечает, что в российской правовой доктрине отсутствует приоритет интересов защищающегося, и самозащита традиционно рассматривается не как право, но как «недопреступление»[168]. Важность рассмотрения национального права состоит еще и в том, что при использовании права на самозащиту для оправдания причинения вреда возникнет вопрос о применимом праве. В большинстве случаев таковым должно быть право государства, в котором произошел инцидент, а не право гражданства лица или государства, которому оказываются услуги военно-охранного характера, если только речь не идёт о правовом режиме оккупированной территории или случаях, когда применима универсальная юрисдикция.

Хотя по своей социально-юридической природе право на самозащиту непосредственно связано с правом на жизнь, нельзя сказать, что оно напрямую вытекает из последнего и обусловлено им. Более точным представляется сочетание в природе права на самозащиту двух факторов: социальной полезности и вынужденности защиты[169]. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.[170] формально не устанавливает права на самозащиту в качестве «права человека», но согласно п. 2 ст. 2 исключает такие случаи из сферы действия данной статьи, что было подтверждено и Европейским судом по правам человека. Последний рассматривает право на самозащиту как один из общих принципов права, содержащий основные критерии, в рамках которых лицо может быть оправдано в случае нарушения им права на жизнь других лиц, что подтверждается Решением по делу

---

[168] См.: *Сидоренко Э.Л.* Институт самозащиты личности в уголовном праве России. Монография. – М.: РПА Минюста России, 2012. – С. 4.

[169] Там же.

[170] Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

Valsabbia and others v Commission of the European Communities[171], объединившем несколько однотипных жалоб.

Право на самозащиту в рамках правового режима вооруженного конфликта определяется взаимоотношением между международным правом прав человека и международным гуманитарным правом, которые соотносятся как lex generalis и les specialis таким образом, что международное право прав человека действует в районе вооруженного конфликта в той мере, в какой оно не противоречит положениям международного гуманитарного права. Именно такая позиция была озвучена Международным судом ООН в Консультативном заключении относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории[172]. В этих условиях правомерность самозащиты определяется рядом критериев. Во-первых, правомерностью цели – то есть самозащита служит защите своей жизни и жизни иных лиц либо защите имущества. При этом обращение к праву на самооборону для защиты комбатантов может быть истолковано как непосредственное участие в военных действиях, поскольку комбатанты не нуждаются в праве на самозащиту в понимании обычного уголовного права, для них правомерность применения силы обусловлена иными причинами. То же касается защиты военных объектов – причинение вреда сотрудниками ЧВОК для защиты военных объектов не будет являться правомерным и станет непосредственным участием в боевых действиях. Таким образом, право на самозащиту для сотрудников частных военных и охранных компаний оказывается ограничено еще и кругом объектов защиты.

---

[171] Judgment of the Court of 18 March 1980. – SpA Ferriera Valsabbia and others v Commission of the European Communities. – Concrete reinforcement bars. – Joined cases 154, 205, 206, 226 to 228, 263 and 264/78, 39, 31, 83 and 85/79.

[172] ICJ, Legal Consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory. advisory opinion. 9 july 2004, para 106. https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 19/11/2018).

Вторым критерием является принцип соразмерности (пропорциональности) и необходимости - то есть самозащита правомерна против уже осуществляющегося либо неотвратимого или неминуемого нападения, а нанесенный вред должен быть соразмерен тому, который мог быть нанесен защищающейся стороне в результате нападения. Именно в силу этого критерия законодательство многих государств строго оценивает (или даже не допускает, как, например, в законодательстве Канады, запрещающем причинение вреда лицу, проходящему по территории частной собственности) причинение вреда или смерти при защите собственности[173]. Такие ограничения кажутся достаточно серьёзными для обеспечения добросовестного выполнения сотрудниками частных военных и охранных компаний их договорных обязательств, если нападение не затрагивает непосредственно сотрудника ЧВОК и не может ввиду этого трактоваться как защита жизни и здоровья (собственного или иного гражданского лица). Однако такие ограничения, как правило, нивелируются тем, что попытка отразить нападение на объект (в рамках защиты имущества) нередко, приводит к агрессивным действиям нападающего уже непосредственно по отношению к защитнику. Что же касается обстоятельств вооруженных конфликтов, то ситуация, в которой действия нападающего направленны только против объекта, но не против тех, кто его охраняет, достаточно сомнительна. Таким образом, пропорциональность причиняемого вреда и его последствия либо превышение пределов необходимой самообороны могут стать вопросом для рассмотрения суда, но не сам факт применения силы.

Еще одним аспектом разграничения непосредственного участия в военных действиях и права на самозащиту является критерий незаконности первоначального нападения, поскольку самозащита по определению не может быть ответом на законное применение силы. Это положение не является проблемным для национальных правовых систем и условий мира, так как в

---

[173] *Cameron L.* The Privatization of Peacekeeping. – Cambridge University Press, 2017. – P. 216.

этих условиях сопротивление законному применению силы (например, в рамках ареста либо иных насильственных действий, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов в рамках их полномочий) не может быть оправдано самозащитой. В то же время в рамках режима вооруженного конфликта законность или незаконность первоначального нападения оценивается с позиций международного гуманитарного права. Определение законности нападения в условиях вооруженного конфликта может быть затруднено как сложностью международного гуманитарного права, так и фактическими обстоятельствами, что в свою очередь может привести к случайному нарушению сотрудниками частных военных и охранных компаний границы между самозащитой и непосредственным участием в военных действиях. И даже в ситуации, когда применение силы для самозащиты не является явным прямым участием в боевых действиях, оно может размыть различия между комбатантами и нонкомбатантами, ослабляя позиции МГП в защите гражданских лиц. Таким образом, одним из ключевых вопросов для сотрудников ЧВОК, полагающихся на право на самозащиту, становится вопрос определения законности нападения.

К традиционному, касающемуся уголовного права пониманию того, какие действия являются незаконным нападением и что порождает переход к непосредственному участию в военных действиях, международное гуманитарное право добавляет собственные нюансы. С позиции международного гуманитарного права самозащита не создаёт связи с воюющей стороной, и цель такого применения силы не состоит в том, чтобы поддержать одну сторону конфликта в ущерб другой. Более того, признание самозащиты как непосредственного участия в военных действиях привела бы к легитимации незаконного нападения[174] и, очевидно, дискредитации той защиты, которую стремятся обеспечить нормы международного

[174] Мельцер Н. Руководство по толкованию понятия непосредственное участие в военных действиях в свете международного гуманитарного права //В: МККК. – 2010. – С. 74

гуманитарного права. Можно выделить несколько оснований незаконности нападения в смысле международного гуманитарного права: это, во-первых, цель нападения, во-вторых – субъект нападения и, в-третьих, незаконные методы и средства нападения.

В первом случае речь идёт, например, о нападении на гражданских лиц (в том числе их убийства, пытки, сексуальное насилие), уничтожение гражданских объектов, и, как уже было сказано, в этом случае защита, даже с применением оружия, не создаёт связи с воюющей стороной и не имеет своей целью поддержку одной из воюющих сторон. Тем не менее в контексте деятельности частных военных и охранных компаний нападение на законную военную цель, в непосредственной близости от которой находятся сотрудники ЧВОК, сохраняющие статус гражданских лиц, не становится незаконным нападением на них самих. Более того, осуществляя деятельность по охране объекта, являющегося законной военной целью, они непосредственно принимают участие в военных действиях, не теряя гражданского статуса в этих обстоятельствах, но теряя защиту от нападения. Если речь идёт о гражданских объектах под охраной сотрудников частных военных и охранных компаний, то следует помнить, что объект может не всегда быть гражданским и защищённым тем самым от нападения. Это означает, что исполняющий свои обязательства сотрудник частной военно-охранной компании может не всегда быть уверенным в том, что объект, который в настоящий момент он охраняет, является гражданским или военным. Последней «вилкой» в отношении охраны объектов является правовой режим самозащиты, действующий в рамках применимого национального законодательства, поскольку, как уже было упомянуто, правовой режим защиты имущества может иметь значительные отличия в разных государствах.

Второе основание незаконности касается субъекта нападения, то есть, отвечает на вопрос: «Кто осуществляет нападение, требующее самозащиты?». В эту категорию могут попасть различные лица или группы лиц – преступные

группировки, незаконные комбатанты. Что касается незаконных (непривилегированных) комбатантов, то к ним относятся лица, принимающие непосредственное участие в вооруженном конфликте международного характера. Это могут быть гражданские лица, члены народного ополчения и других добровольных формирований (в том числе участники организованных движений сопротивления), не входящие в состав регулярных вооруженных сил, однако относящиеся к стороне в конфликте, если они не соблюдают требований ст. 4А (2) Конвенции (III) об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. Термин «незаконные комбатанты» применим только для ситуаций вооруженного конфликта международного характера, в то время как при вооруженном конфликте немеждународного характера не предусмотрено привилегий комбатанта, установленных указанной Конвенцией[175]. Из статуса (точнее, отсутствия такого статуса) незаконных комбатантов в вооруженном конфликте немеждународного характера можно сделать вывод и относительно районов повышенной опасности, нестабильных ситуаций, связанных со слабостью государственных институтов и т.п., где также нет необходимости выделять привилегии воюющих. Существуют также разночтения в национальном понимании незаконности нападения на основании статуса нападающего. В законодательствах некоторых государств любое нападение, совершаемое лицом, не обладающим статусом комбатанта, будет считаться незаконным[176], в то время как с точки зрения общих принципов международного гуманитарного права не любое нападение со стороны незаконных комбатантов является незаконным и может оправдывать применение силы для самозащиты. Представляется, что для незаконности нападения важны такие характеристики нападающих, как недостаточная с

[175] См.: *Кнут, Дёрман.* Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» – Международный журнал Красного Креста 849-852 (2003). // URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/03_irrc_849_dormann_rus.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

[176] *Lindsey Cameron, Vincent Chetail.* Ibid. cit. – P. 469.

точки зрения права организация вооруженной группы или её криминальный характер. Для вооруженных конфликтов немеждународного характера таким нападающим будет незаконное вооруженное формирование. При этом факт незаконности атакующих не делает незаконным, с точки зрения права на самозащиту со стороны сотрудников ЧВОК, само нападение в отношении законных военных целей или комбатантов, поскольку в иных случаях оно бы соответствовало требованиям МГП. Таким образом, приоритетным критерием для определения законности нападения является статус объекта нападения как незаконной военной цели.

Третье и последнее основание для характеристики нападения как незаконного и, как следствие, допускающего право на самозащиту со стороны гражданских лиц, которыми являются сотрудники частных военных и охранных компаний, – незаконность средств и методов ведения военных действий. Согласно Дополнительному протоколу I запрещены нападения, которые могут попутно повлечь за собой «потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить» (ст. 51 - 5-а), а также нападения неизбирательного характера (ст. 51 - 4). Незаконными могут также быть средства – оружие, запрещенное международными соглашениями, такими как Конвенции о химическом (1993 г.) и биологическом (1972 г.) оружии, I Протокол к Конвенции о некоторых видах обычных вооружений 1980 г., Конвенция по кассетным боеприпасам и другие документы. К категории незаконных средств и методов ведения войны относятся также вероломные нападения, отсутствие знаков различия у комбатантов, что позволяет смешать их с гражданским населением (вследствие чего они теряют право на статус военнопленных). Однако как в случае со статусом нападающих, незаконность нападения как

основание для права на самозащиту должна рассматриваться в индивидуальном порядке.

Факторы, влияющие на признание нападения незаконным, не обязательно создают основания для применения силы в качестве самозащиты, то есть для правомерного причинения вреда. Возникают вопросы о том, какой из факторов является более весомым, необходимо ли наличие двух и более оснований незаконности нападения, возможен ли со стороны сотрудника ЧВОК анализ «в поле», когда объект, который он защищает подвергается нападению внезапно, равно как и анализ меры необходимой самообороны в каждом конкретном случае? Обязан ли сотрудник частной военной и охранной компании предпринимать все возможные усилия для того, чтобы избежать прямого участия в военных действиях, в том числе если альтернатива – защита других гражданских лиц? Очевидно, что формирование более явной позиции международного гуманитарного права в отношении самозащиты применительно к деятельности частных военных компаний в зонах вооруженных конфликтов (как международных, так и немеждународных) является одной из важных задач этой отрасли права. Это важно в том числе потому, что размытая позиция, существующая сегодня, угрожает в первую очередь самому международному гуманитарному праву и его основной цели – защиты гражданского населения и объектов. Какой бы ни стала выработанная стратегия, она не должна ставить в бóльшую опасность гражданских лиц, которые не имеют отношения к конфликту даже в качестве сотрудников частных военных и охранных компаний.

Таким образом, рассматривая правомерность причинения вреда на основе права на самозащиту, мы опираемся на определённые критерии, уже сформулированные в международных и национальных нормативных правовых актах или логически следующие из них, которые, пусть и с оговорками, позволяют делать вывод о том, является ли применение силы в определённых обстоятельствах законным и правомерным. Можно выделить

три основных критерия правомерности причинения вреда при осуществлении права на самозащиту сотрудниками частных военных и охранных компаний.

Правомерность цели защиты – применение силы для самозащиты должно осуществляться в отношении собственной жизни и здоровья, жизни и здоровья других гражданских лиц или гражданских объектов. Принципиальным для данного основания является ограничение именно гражданским характером объектов защиты. Нападение на законную военную цель не создаёт ситуации, в которой возможно применение права на самозащиту, но вовлекает лиц, применяющих силу, в непосредственное участие в вооруженном конфликте.

Пропорциональность – причиняемый при самозащите вред должен быть соразмерным (допустимым и достаточным) относительно возникшей опасности. Несоразмерность причиняемого вреда при этом порицается не только в национальных системах уголовного права, но и в рамках МГП, когда речь идёт о недопустимых средствах и методах ведения войны (таких, например, как неизбирательные вооружения). Важную роль в использовании этого критерия будет играть и национальное законодательство, применимое в конкретной ситуации, и его положения относительно защиты собственности и допустимого уровня причинения вреда.

Незаконность нападения – критерий, вытекающий как из общего определения самозащиты, невозможной без первоначального неправомерного нападения, так и из положений международного гуманитарного права. Определение незаконности нападения основывается на ответах на три вопроса: «На что направлено нападение?», «Кто осуществляет нападение?» и «Законны ли средства и методы нападения?». Характеристика нападения как незаконного складывается только из комплекса ответов на эти вопросы и фактических обстоятельств и, увы, вряд ли может быть предметом немедленной оценки в боевой ситуации.

Расширение толкования права на самозащиту применительно к деятельности частных военных и охранных компаний несет в себе опасность для международного гуманитарного права, поскольку размывает его структуру, уменьшает его авторитет и снижает уровень защиты, предоставляемый МГП свои субъектам. Дальнейшее развитие подобной концепции, хотя она и выглядит логически верной, может привести к увеличению количества нападений на гражданских лиц со стороны комбатантов на основании того, что те могут защищать законные военные цели, а также к увеличению количества ситуаций, в которых гражданские лица будут самостоятельно отказываться от защиты со стороны МГП, если альтернативой для них будет возможность самостоятельно контролировать степень своей безопасности с оружием в руках. Представляется, что наиболее разумным способом разрешения этого противоречия без разрушения системы МГП было бы формирование специального нормативно-определенного статуса для гражданских лиц, оказывающих услуги воюющим сторонам от лица частных военных и охранных компаний.

С точки зрения российского законодательства вопрос правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний следует рассматривать сквозь призму обстоятельств, исключающих преступность деяния – а именно необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ) и исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Обстоятельства вооруженного конфликта или района повышенной опасности могут создавать условия, в которых реализуется беспредельная самооборона, когда причинение вреда любой тяжести не создаёт состава преступления. Для установления пределов права на самозащиту, предоставляемого сотрудникам частных военных и охранных компаний, необходимо выделить их в отдельную категорию субъектов таким образом, чтобы реализация права на самооборону не смешивалась с непосредственным участием в военных действиях.

По результатам произведенного анализа можно сделать **следующие выводы.**

1. В силу особенностей военно-охранных услуг, для оказания которых привлекаются частные подрядчики, критерии и условия правомерности причинения ими вреда основаны в первую очередь на праве на самозащиту, которая в условиях вооруженных конфликтов и иных ситуаций нестабильности может приобретать беспредельный характер.

2. Основными критериями правомерности причинения вреда при осуществлении права на самозащиту сотрудниками частных военных и охранных компаний становятся правомерность цели защиты, пропорциональность и незаконность нападения.

3. В рамках российского законодательства вопрос правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний следует рассматривать сквозь призму обстоятельств, исключающих преступность деяния, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации, в первую очередь частью 1 ст. 37.

4. Уголовно-правовая оценка деятельности сотрудников частных военных компаний и привлечение их к ответственности за совершаемые преступления возможны на основе включения в УК РФ сотрудников частных военных и охранных компаний как отдельной категории субъектов, что позволит разграничивать преступления и правомерную самооборону.

§ 2.3. Иммунитеты и исключение из сферы уголовной ответственности сотрудников частных военных компаний

«Иммунитет означает правовую прерогативу, закрепленную за определенными лицами нормами внутреннего и международного права и позволяющую им свободно исполнять свои обязанности, без какого бы то ни

было давления, в том числе судебного»[177]. Именно таким образом термин «иммунитет» определяется в международном гуманитарном праве. Подчёркивается, что основная задача иммунитета – обеспечить беспрепятственное исполнение своих обязанностей лицами, за которыми он закреплён. Международное право разделяет иммунитеты на функциональный, связанный с должностью и защищающим человека в отношении действий, совершенных в бытность должностным лицом, и персональный – связанный с лицом в силу его статуса и распространяющийся в первую очередь на высших должностных лиц государств. Функциональный иммунитет государственных служащих может применяться к сотрудникам частных военных и охранных компаний, хотя степень такого иммунитета противоречива[178], в то время как персональный иммунитет, очевидно, на сотрудников ЧВОК распространяться не может. Однако необходимо, чтобы такой иммунитет, если он необходим, не становился «лицензией на совершение преступлений»[179], то есть государства в любом случае обязаны расследовать преступления, совершаемые сотрудниками ЧВОК, даже если такие сотрудники защищены от юрисдикции государства, в котором они осуществляют свою деятельность.

Предоставление сотрудникам частных военных компаний иммунитетов от уголовного преследования является одним из проблемных вопросов деятельности ЧВОК. Так, в 2009 г. США получили разрешение на размещение до 800 военнослужащих и 600 сотрудников частных охранных компаний на семи военных базах в Колумбии в соответствии с «Дополнительным

---

[177] См.: *Буше-Сольнье Ф.* Практический словарь гуманитарного права: Пер. с французского Е. Кирпичниковой. – М.: МИК, 2004. – С. 230.

[178] *Quirico O.* National Regulatory Models for PMSCs and Implications for Future International Regulation. Working Paper, EUI MWP, 2009/25 // https://cadmus.eui.eu/handle/1814/11759 (дата обращения: 28.03.2019).

[179] Tougas M. L. Commentary on Part I of the Montreux Document on Pertinent International Legal Obligations and Good Practices for States Related to Operations of Private Military and Security Companies During Armed Conflict //International Review of the Red Cross. – 2014. – Т. 96. – №. 893. – P. 305-358.

соглашением о сотрудничестве и технической помощи в области обороны и безопасности», при этом в Соглашение были включены положения, ограничивающие осуществление судебной юрисдикции Колумбии в отношении сотрудников частных военных компаний и не было предусмотрено никакого механизма надзора и контроля за их деятельностью со стороны колумбийских властей. Таким же образом в Соглашении о статусе сил в Ираке был закреплен Ордер Временной Коалиционной администрации № 17[180], предоставляющий иммунитет компаниям, работающим в Ираке по контракту с правительством США, хотя это Соглашение и было пересмотрено в 2008 г. Согласно Ордеру № 17 под компаниями, работающими по контракту с коалицией, понимаются юридические и физические лица, не являющиеся резидентами Ирака, осуществляющие снабжение или предоставляющие услуги для коалиционных сил на основе договорных отношений. Раздел 3 Приказа устанавливает, что такие юридические и физические лица не подлежат ответственности в соответствии с законодательством Ирака по вопросам условий договоров, связывающих их с коалиционными силами, а также не подпадают под действие иракских законов или иных норм в отношении лицензирования и регистрации сотрудников, предприятий и корпораций в отношении таких контрактов.

После того как указанный Приказ утратил силу, между Соединенными Штатами Америки и Ираком было заключено Соглашение о выводе войск Соединенных Штатов из Ирака[181] (Agreement Between the United States of America and the Republic of Iraq On the Withdrawal of United States Forces from

---

[180] Coalition Provisional Authority Order Number 17 Status of The Coalition, Foreign Liaison Missions, Their Personnel And Contractors // URL: http://www.usace.army.mil/Portals/2/docs/COALITION_PROVISIONAL.pdf (дата обращения: 18.05.2018).

[181] Agreement Between the United States of America and the Republic of Iraq On the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of Their Activities during Their Temporary Presencein Iraq (SOFA) // URL: https://www.state.gov/documents/organization/122074.pdf (дата обращения: 18.05.2018).

Iraq and the Organization of Their Activities during Their Temporary Presencein Iraq – SOFA). Это соглашение уже не содержит прямых положений об иммунитете частных подрядчиков, предоставляющих услуги вооруженным силам США, и в п. 2 ст. 12 Соглашения установлено, что на них распространяется юрисдикция Ирака. В то же время это Соглашение было разработано на заключительном этапе иракской кампании, в связи с истечением мандата ООН на нахождение в стране коалиционных сил. Аналогичное положение содержится и в Соглашении о сотрудничестве в вопросах обороны и безопасности между США и Афганистаном (Security and defense cooperation agreement between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America), заключенном в 2014 г., а также в Соглашении о статусе сил между НАТО и Афганистаном (Agreement between the North Atlantic Treaty Organization and the Islamic Republic of Afghanistan on the Status of NATO Forces and NATO personnel conducting mutually agreed NATO-led activities in Afghanistan[182]). Последние документы содержат идентичную формулировку, установленную соответственно в п. 6 ст. 13 и п. 5 ст. 11, о том, что «Афганистан оставляет за собой право на осуществление юрисдикции в отношении подрядчиков и их сотрудников».

В Докладе Комиссии по международной безопасности при Госдепартаменте США 2015 г.[183], посвященном соглашениям о статусе вооруженных сил, сообщается, что в настоящее время вопрос защиты подрядчиков и их сотрудников является одним из наиболее сложных, и он должен рассматриваться в индивидуальном порядке. В Докладе отмечена

---

[182] Agreement between the North Atlantic Treaty Organization and the Islamic Republic of Afghanistan on the Status of NATO Forces and NATO personnel conducting mutually agreed NATO-led activities in Afghanistan // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_116072.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.09.2018).

[183] United States Department of State – International Security Advisory Board: Report on Status of Forces Agreements, 2015 URL: https://www.state.gov/documents/organization/236456.pdf (дата обращения: 03.06.2019).

значительная роль частных подрядчиков не только в осуществлении материально-технических и других вспомогательных функций, но и «в достижении основной миссии» и выполнении задач, которые «раньше осуществлялись персоналом в форме». Авторы Доклада считают, что особенную важность представляют случаи масштабного развертывания войск и продолжающегося военного участия США, когда «поддержка подрядчиков глубоко интегрирована в основные военные операции». В подобных ситуациях, по их мнению, иммунитет должен быть сохранен, хотя возможно, не для всех подрядчиков, а для их ограниченного количества, определенного в соответствующих соглашениях.

Подобные соглашения и иные формы закрепления иммунитетов снижают степень ответственности частных военных компаний за любые преступления, которые могут совершать они или их сотрудники, а также ограничивает для потерпевших доступ к правосудию и эффективным средствам правовой защиты[184]. Доводы стороны защиты в вопросе об иммунитетах частных военных компаний основываются на том, что такие компании и их сотрудники не могут нести ответственность за свои действия и пользуются иммунитетом во всех случаях, включая применение пыток, поскольку осуществляют свою деятельность под исключительным контролем правительства и работают по контракту, выполняя государственные функции.

Представляет интерес вопрос об иммунитетах сотрудников ЧВОК, осуществляющих свою деятельность в качестве участников миссий Организации Объединенных Наций. Для этих случаев имеется типовое

[184] Документ ООН A/65/325. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 25.08.2010 г. – С. 7 // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/493/94/PDF/N1049394.pdf?OpenElement (дата обращения: 10.11.2018).

Соглашение ООН о статусе сил (UN model SOFA)[185], которое применяется как к военному, так и к гражданскому персоналу и предоставляет юрисдикционный иммунитет «в том, что касается устных и письменных заявлений и всех действий, совершаемых ими в их официальном качестве» (ст. 46). В случае совершения преступления лицом, являющимся членом гражданского компонента или гражданским лицом – членом военного компонента, Специальный представитель или Командующий совместно с Правительством проводят проверку и разрешают вопрос о возбуждении уголовного дела. Таким образом, иммунитет члена миротворческого контингента ООН не означает безнаказанности в случае совершения уголовного преступления, но как минимум – значительную отсрочку ответственности. ООН также может предоставлять функциональный иммунитет частным подрядчикам, участвующим в миротворческих операциях. Так, он был гарантирован Миссией ООН в Косово (МООНК/UNMIK) контрактному персоналу «Сил для Косово»[186] во время миротворческой миссии в регионе на основании Регламента «О статусе, привилегиях и иммунитетах СДК и МООНК в Косово»[187]. Согласно ст. 4.2 Регламента подрядчики СДК, их субподрядчики и сотрудники обладают иммунитетом от судебных преследований со стороны властей Косово в отношении действий, совершенных ими при исполнении соглашения между ними и СДК. Такой иммунитет согласно ст. 5 продолжился и после окончания

---

[185] Документ ООН A/45/594. Типовое соглашение о статусе сил для проведения операций по поддержанию мира от 9 октября 1990 г. // URL: https://undocs.org/ru/A/45/594 (дата обращения: 29.11.2018).

[186] Kosovo Force (KFOR) – международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косово, по-русски в документах ООН именуются «Силы для Косово» или СДК, действующие в регионе с 1999 г. Созданы в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244.

[187] Документ МООНК UNMIK/REG/2000/47 Regulation No. 2000/47 от 18 августа 2000 г. «On the status, privileges and immunities of KFOR and UNMIK and their personnel in Kosovo» // URL: http://www.unmikonline.org/regulations/2000/reg47-00.htm (дата обращения: 14.04.2018).

мандата МООНК и СДК, а также после прекращения оказания услуг для МООНК и СДК со стороны таких подрядчиков или их сотрудников.

Однако система контроля за добросовестностью выполнения обязательств миротворческим контингентом из числа частных военных и охранных компаний, очевидно, имеет множество недостатков. В качестве негативного примера следует привести инцидент с сотрудниками компании DynCorp, состоявшими в миротворческой миссии в Боснии и Герцеговине, которые так и не были привлечены к ответственности после заявления со стороны другого сотрудника ООН (также нанятого через компанию DynCorp) о том, что они участвовали в торговле людьми[188].

Существует и ряд других случаев исключения лиц из сферы уголовной ответственности. Например, по законодательству Латвии и Эстонии гражданские лица могут быть наняты в качестве военного персонала, попадая таким образом под определение «воюющих сторон», что исключает уголовную ответственность за прямое участие в боевых действиях. Помимо перечисленного, в таких государствах, как Великобритания, Австралия, Канада, существуют ограничения экстратерриториального действия, где всего лишь ограниченное количество преступлений, совершенных за рубежом, подлежат судебному преследованию на основе гражданства правонарушителя[189].

Подход к вопросу иммунитета различен. Так, Документ Монтрё в разделе «Контроль за соблюдением о обеспечение подотчетности» содержит только рекомендацию насчет «вопросов о юрисдикции и иммунитетах для определения надлежащей сферы охвата и соответствующих гражданских,

---

[188] *Cole C., Vermeltfoort R.* US Government Contractors and Human Trafficking: Two Case Studies of Iraq and Bosnia-Herzegovina. – Springer, 2017. – P. 126.

[189] *Quirico O.* National Regulatory Models for PMSCs and Implications for Future International Regulation. Working Paper, EUI MWP, 2009/25 // https://cadmus.eui.eu/handle/1814/11759 (дата обращения: 28.03.2019).

уголовных и административных средств правовой защиты»[190]. Предлагаемые Рабочей Группой по вопросу об использовании наемников элементы проекта Конвенции о частных военных и охранных компаниях содержат положения о недопущении «применения соглашения, наделяющего ЧВОК и их персонал иммунитетом от преследования за нарушения норм международного права в области прав человека и международного гуманитарного права». Таким образом, ст. 19 Проекта возможной Конвенции устанавливает обязанность каждого государства-участника принимать такие законодательные, судебные и иные меры, которые позволят ему обеспечить «установление индивидуальной уголовной ответственности и привлечение к ответственности ЧВОК и их сотрудников за любые нарушения закона, неприменение положений соглашений об иммунитете и предоставление эффективных средств правовой защиты жертвам».

Выделяется несколько источников иммунитетов для частных военных и охранных компаний и их сотрудников. Во-первых, это международные договоры – Соглашения о статусе сил (SOFA), которые могут содержать положения об иммунитете от уголовной, гражданской и административной юрисдикции. Данные акты, являющиеся в настоящее время наиболее распространённым источником иммунитетов, могут носить временный или постоянный характер, регулировать военное (или в некоторых случаях гражданское) присутствие в зарубежном государстве, быть двусторонними или многосторонними (например, в случае военного присутствия НАТО). Важной чертой SOFA является то, что размещение иностранного персонала происходит в интересах государства размещения. В ряде случаев такие соглашения подразумевают совместную юрисдикцию по уголовным

[190] Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта). Статьи 22(b), 51(b) // URL:https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 09.07.2018).

вопросам, однако ярким примером договора, по которому исключительной юрисдикцией по уголовным делам над собственными гражданами, включая сотрудников ЧВОК, является ранее действовавшее соглашение между США и Ираком. Действующие в настоящее время документы такого характера между США и Ираком, США и Афганистаном, НАТО и Афганистаном сохраняют за направляющей стороной юрисдикцию в отношении военного и гражданского персонала вооруженных сил, но на подрядчиков и их сотрудников распространяется юрисдикция принимающей стороны. Соглашения о статусе сил составляют также правовую основу взаимодействия между ООН и государствами, на территории которых размещается миротворческий контингент, и также предоставляют миротворцам иммунитет от судебного преследования со стороны местных судов.

Иммунитеты также могут быть гарантированы национальным законодательством или судебной доктриной. Речь идёт в первую очередь об Ордере № 17, а также Законе «О защите американских военнослужащих», хотя последний и не касается контрактного персонала, а был принят в США с целью защитить собственных военнослужащих от преследований Международным уголовным судом. К доктринам, которые могут предоставить иммунитет, относится в первую очередь «Доктрина политического вопроса», согласно которой федеральным судам не следует рассматривать так называемые политические дела, так как составляющий их политический конфликт подлежит политическому решению. Несмотря на то, что первоначально задачей этой доктрины была охрана независимости ветвей власти и конституционного порядка, к ней часто прибегают, если дело касается международных отношений, военных вопросов, а также юрисдикционных пробелов. В инцидентах, связанных с ЧВОК, правоприменители обращались к доктрине при рассмотрении практически всех дел, где частные подрядчики были задействованы для зарубежных операций США, однако суды по-разному

рассматривали возможность реального применения Доктрины при вынесении решений[191].

Таким образом, по результатам анализа возможных иммунитетов и критериев исключения из сферы уголовной ответственности можно сделать **следующие выводы.**

1. Иммунитеты и механизмы исключения из сферы уголовной ответственности для частных военных и охранных компаний и их сотрудников направлены на защиту собственных граждан от действия уголовного права и от уголовного преследования со стороны государства, на территории которого такой персонал осуществлял военно-охранную деятельность.

2. Какое-либо освобождение от ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права должно быть запрещено на международном уровне, а государства должны быть обязаны привлекать сотрудников частных военных и охранных компаний и за преступления по национальному законодательству, в юрисдикции которого находится совершённое деяние.

3. В настоящее время тенденция развития положений, исключающих сотрудников частных военных и охранных компаний из сферы уголовной ответственности или предоставляющих им иммунитеты, свидетельствует о постепенном отказе от этой практики, о чем свидетельствуют, в частности, изменения в соглашениях о статусе сил между США и Афганистаном 2008 и 2014 г. и в других аналогичных документах.

---

[191] *Huskey K.A.* The American way: Private military contractors & US law after 9/11 //Available at SSRN 2184090. – 2010. – P. 26.

ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ И ИХ СОТРУДНИКОВ

§ 3.1. Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и их сотрудников

Вопросы ответственности частных военных и охранных компаний и их сотрудников по международному праву чаще всего рассматриваются с позиций нескольких его элементов: норм международного уголовного права, касающихся наёмничества, положений международного гуманитарного права и права прав человека и, наконец, с точки зрения относительно новых положений, касающихся непосредственно деятельности ЧВОК и зафиксированных в Проекте возможной Конвенции о частных военных компаниях, экспортирующих свои услуги за границу, работа над которой была закончена специальной Рабочей группой ООН в 2011 г. Необходимость разработки такого документа была вызвана рядом факторов, среди которых и привлечение ЧВОК к миротворческим миссиям ООН, о чем свидетельствует то, что присоединяться к Конвенции могут не только государства, но и международные организации[192]. Проект Конвенции 2011 г. в конце концов не нашел должной поддержки со стороны Рабочей группы, которая так и не смогла прийти к консенсусу по его содержанию, но единственный на настоящий момент законченный документ, несмотря на то что в силу он так и не вступил, вызывает несомненный интерес.

Проект возможной Конвенции о частных военных компаниях определяет ЧВОК как «корпоративное образование, предоставляющее на

[192] Cameron, L. The Privatization of Peacekeeping: Exploring Limits and Responsibility under International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 8.

компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами», а также дает пояснение тому, какие виды деятельности относятся к военным и охранным услугам, хотя их перечень и не является исчерпывающим.

Правовое регулирование деятельности ЧВОК согласно Части II настоящего документа[193] должно строиться на следующих принципах.

1. Ответственность государств по отношению к ЧВОК, включающая ответственность за деятельность таких компаний, зарегистрированных или действующих на территории этого государство, обязанность государств обеспечивать подготовку сотрудников ЧВОК по вопросам международного права прав человека и международного гуманитарного права, запрет на выполнение ЧВОК сугубо государственных функций и обязанность государств принять необходимые для выполнения принципов и целей конвенции нормативные правовые акты.

2. Принцип верховенства права, предполагающий не только согласованность деятельности ЧВОК с нормами международного права прав человека и международного гуманитарного права, но и соответствие договоров, на основе которых такая деятельность осуществляется, законам отечественного государства, государства-контрагента, государства проведения операций и государств, граждане которых наняты на работу в рамках такого договора.

3. Принцип государственного суверенитета запрещает использовать ЧВОК для целей подрыва суверенитета другого государства, нарушения его территориальной целостности, принципа суверенного равенства, обязательства о невмешательстве во внутренние дела других государств и принципу самоопределения народов.

---

[193] Документ ООН A/HRC/WG.10/1/2 Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях (ЧВОК) для рассмотрения и принятия решения Советом по правам человека.

4. Запрет на применение силы предполагает, что государства принимают необходимые меры для предотвращения, запрещения и наказания участия ЧВОК в действиях, последствия которых влекут свержение правительств и подрыв конституционного строя, принудительное изменение государственных границ, нарушения суверенитета, целенаправленного применения силы против гражданского населения и т.п.

5. Уважение и защита норм международного права прав человека и международного гуманитарного права, реализуемая посредством принятия государствами всех необходимых для этого мер, контроля за проявлением должной осмотрительности ЧВОК и их сотрудниками, обеспечения ответственности начальников персонала ЧВОК (гражданских и военных) за нарушение таких норм.

6. Запрет на передачу сугубо государственных функций и применения некоторых видов вооружений, включая непосредственное участие в военных действиях в смысле, определяемом нормами международного гуманитарного права[194].

7. Обеспечение законности приобретения, хранения и оборота огнестрельного оружия, его частей, компонентов и боеприпасов посредством принятия эффективных мер для выявления, предотвращения и пресечения утраты, незаконного производства и оборота такого оружия.

Проект Конвенции 2011 г. уделяет значительное внимание вопросам передачи «традиционно государственных функций» и проблеме реализации права на насилие только государственными субъектами. Определение функций, которые являются сугубо государственными и не должны передаваться на аутсорсинг, – одна из целей Конвенции из числа установленных в ст. 1. То есть авторы считают необходимым ограничить

---

[194] См.: *Мельцер Н.* Руководство по толкованию понятия непосредственное участие в военных действиях в свете международного гуманитарного права // Юридический советник МККК. – 2010 // URL: https://www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah (дата обращения: 15.08.2018).

сферы привлечения частных военных и охранных компаний таким образом, чтобы монопольное право на законное применение силы сохранялось за государствами и государственными субъектами в пределах «всеобъемлющих рамок государственных обязательств по уважению, защите и выполнению прав человека и предоставлению средств правовой защиты в случаях нарушения прав человека» (п. 1-а ст. 1)[195]. Проект Конвенции ставит цели по определению общих рамок для национального правового регулирования деятельности ЧВОК и формированию пространства сотрудничества государств и международных организаций по вопросам лицензирования и регулирования деятельности частных военных и охранных компаний, создания и управления механизмами мониторинга, особенно в отношении совершения правонарушений в области международного права прав человека, международного гуманитарного права, «любых случаев незаконного или произвольного применения силы со стороны ЧВОК с целью возбуждения судебного преследования в отношении правонарушителей и предоставления эффективных средств правовой защиты жертвам»[196].

Основной интерес в сфере ответственности частных военных и охранных компаний и их сотрудников за совершение правонарушений в процессе осуществления своей деятельности представляют ст. 7-11 Проекта Конвенции, а также Часть III документа, устанавливающая требования к законодательному регулированию на национальном уровне, и Часть IV, непосредственно касающаяся обязанности государств применять меры уголовного, гражданского и административного характера к правонарушителям и обеспечивать жертвы средствами правовой защиты, в том числе посредством установления юрисдикции внутреннего права государств в отношении соответствующих преступлений. Все эти положения

---

[195] Документ ООН A/HRC/WG.10/1/2 Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях (ЧВОК) для рассмотрения и принятия решения Советом по правам человека.

[196] Там же.

устанавливают рамки, которым необходимо соответствовать национальному уголовному законодательству для того, чтобы привлечение частных военных и охранных компаний не становилось только новой формой преступного наёмничества.

Можно выделить несколько групп требований, которые предъявляет Конвенция к государствам и международным организациям – участникам с тем, чтобы они приводили в соответствие с ней внутренние правовые нормы, в том числе уголовно-правовые. В первую очередь документ требует от государств обратить особое внимание на противоправные деяния, касающиеся реализации одной из центральных целей Конвенции – разграничения исключительных государственных функций с теми, передача которых на внешний подряд, даже в военной сфере, допустима, хотя и может быть ограничена. Статья 9 устанавливает запрет для государств на делегирование и передачу на аутсорсинг сугубо государственных функций, при этом указывая перечень тех видов деятельности, которые реализуются только в рамках государственной монополии на применение силы и, следовательно, не могут осуществляться сотрудниками частных военных и охранных компаний. Конвенцией установлено требование, чтобы «акты выполнения ЧВОК и их сотрудниками сугубо государственных функций […] квалифицировались в качестве правонарушений в соответствии с его национальным законодательством». К таким видам деятельности относится не только непосредственное участие в военных действиях, но и захват пленных, шпионаж, разведка, использование оружия массового уничтожения, осуществление полномочий на арест и задержание, включая допрос задержанных и другие действия, которые государство считает исключительно государственной прерогативой. Практика использования ЧВОК в Ираке, Афганистане и других регионах показывает, что грань с функциями, передача которых на аутсорсинг допустима, чрезвычайно тонка, и если запрет непосредственного участия в военных действия не вызывает вопросов, то

разведка является достаточно частым случаем привлечения частных военных и охранных компаний, равно как и содержание заключённых и военнопленных. К проблеме передачи государственных функций следует отнести и запрет на передачу на аутсорсинг применения некоторых видов вооружений, установленный ст. 20. Настоящая статья, в свою очередь, не только указывает на недопустимость применения со стороны ЧВОК оружия массового поражения, химического, биологического и иного подобного, но и на запрет на «участие в какой-либо деятельности, связанной с такими видами оружия, их компонентами и носителями». Эти нормы соответствуют положениям других – действующих – международно-правовых актов, в частности, запрету на некоторые средства и методы ведения войны, установленные в ст. 35 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Этот запрет распространяется не только на частные военные и охранные компании, но, в первую очередь, на государства, от воли которых зависит допуск частных подрядчиков к таким видам оружия. Идея о двойственной ответственности – как самих ЧВОК, так и государств, в компетенции которых установление правового регулирования их деятельности и контроль за ней – как при реализации соглашений собственно с этим государством, так и с третьими сторонами – пронизывает многие положения Конвенции, что, по нашему мнению, является одним из факторов, в связи с которыми она не была окончательно принята, поскольку положения документа вводят значительное количество ограничений для государств в такой чувствительной области, как национальная безопасность, заметно ужесточающих уже существующие международно-правовые нормы, регулирующие военную деятельность. Аналогичным образом сформулирован и запрет на незаконное приобретение, хранение и оборот огнестрельного оружия, а также на лицензирование деятельности ЧВОК (в том числе связанной с оборотом оружия), где на государство накладывается обязательство по обеспечению эффективной системы для предотвращения

преступлений и иных правонарушений. Согласно Конвенции государства обязаны установить уголовно-правовую ответственность за нарушение норм, касающихся лицензирования (в том числе за импорт и экспорт военных и охранных услуг без соответствующих лицензий и разрешений) и оборота оружия частными военными и охранными компаниями и их сотрудниками, однако и сама Рабочая группа, разрабатывавшая документ, отмечает недостаточность положений. В Ежегодном докладе Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение авторы указывают на сохраняющиеся «пробелы в нормативных положениях, связанных с такими вопросами, как приобретение оружия и незаконная торговля оружием сотрудниками ЧВОК»[197], в то время как нормы, предложенные в Проекте Конвенции, имеют рамочный характер, не устанавливая конкретных требований к лицензированию. Фактически требования, предъявляемые Конвенцией к государствам в отношении предотвращения размывания сугубо государственных функций, иллюстрируют градацию оценки деятельности ЧВОК от абсолютно недопустимой (как использование оружия массового поражения или непосредственное участие в военных действиях) до нежелательной (когда речь идёт о таких «пограничных» функциях, как разведка, хотя положения Конвенции явным образом не приветствуют её аутсорсинг, практика привлечения ЧВОК говорит об обратном) или ограниченной (о чем свидетельствуют требования к лицензированию, но не запрету на обращение с огнестрельным оружием).

Помимо требований к криминализации определённых деяний, в том числе новых для государств в силу молодости самой концепции международно-правового регулирования деятельности частных военных и

[197] Документ ООН A/HRC/27/50. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 30.06.2014 г.

охранных компаний, проект Конвенции содержит положения, касающиеся установления специальной юрисдикции, которая могла бы обеспечить привлечение к ответственности их сотрудников. Многие из этих положений и так являются традиционными для национальных уголовно-правовых систем, поскольку соответствуют территориальному принципу действия уголовного закона в пространстве, принципу гражданства, а также принципам универсальной юрисдикции и реальному принципу действия уголовно-правового закона в гражданстве. Все эти критерии распространения уголовного права в той или иной мере закреплены в законодательствах многих государств. Конвенция тем самым закрепляет, что государство-участник обязано установить собственную юрисдикцию не только в рамках территориального принципа – то есть при совершении преступления на территории государства (а также на бортах морских и воздушных судов, под флагом этого государства) и принципа гражданства – при совершении преступления собственным гражданином либо лицом без гражданства, постоянно проживающим на его территории, но и делает ряд уточнений, которые учитывают специфику найма сотрудников частных военных и охранных компаний. Тем самым положения учитывают уже сложившуюся практику привлечения местного персонала или местных компаний в качестве субподрядчика при оказании услуг на территории иностранного государства. Статья 22 призывает государства принять необходимые меры для установления юрисдикции в отношении преступлений, совершенных сотрудниками ЧВОК при предоставлении ими своих услуг на территории другого государства, независимо от того, является ли оно участником Конвенции. Смысл статьи предполагает в том числе заключение дополнительных соглашений, примером которых могут послужить, в частности, Соглашения о статусе сил (хотя они, действующие в Ираке и Афганистане, и не содержат достаточных условий для того, чтобы их можно было взять за образец).

Проект Конвенции отдельно оговаривает и субъектов преступлений, связанных с деятельностью частных военных и охранных компаний, в том числе при нарушении прав человека и норм международного гуманитарного права. Документ выделяет две категории субъектов, которых должно быть возможно привлечь к ответственности в связи с нарушениями, совершенными сотрудниками ЧВОК. Это - государственные должностные лица (как гражданские, так и военные служащие) и руководители собственно частных военных и охранных компаний. В п. 3 ст. 7 уточняется, что речь идёт об ответственности за международно-правовые преступления, совершенные сотрудниками частных военных и охранных компаний, «находящихся в их непосредственном подчинении и под их контролем, в результате необеспечения ими должного контроля за действиями персонала». В этой связи следует также упомянуть, что положения Конвенции исключают возможность применения иммунитетов и истолкования иных её положений как «допускающих освобождение вышестоящих начальников от несения ответственности».

Кроме руководителей персонала ЧВОК, Конвенция закрепляет в качестве субъектов ответственности (уголовной, гражданской, административной или их сочетания) юридические лица и организации за совершение преступлений, установленных ст. 19. При этом привлечение к ответственности юридических лиц не может заменить собой привлечение к ответственности физических лиц, фактически совершивших преступления. При этом положения, касающиеся субъектов юридической ответственности в соответствии с нормами Проекта возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях, устанавливают связь между всеми сторонами, участвующими в организации, и реализации деятельности ЧВОК – государствами и их должностными лицами и вооруженными силами – вне зависимости от того, каков характер юридических отношений между ними и частными военными и охранными компаниями, собственно компаниями и их

руководством и, наконец, сотрудниками ЧВОК. По смыслу Конвенции все субъекты, непосредственно связанные с деятельностью частных военных и охранных компаний, должны нести ответственность за преступления, совершённые в рамках её осуществления пропорционально тяжести содеянного и согласно уровню полномочий и возможности осуществлять контроль над такой деятельностью.

Положения Конвенции в определенной степени воспринимают принципы международного гуманитарного права, установленные в Протоколе I к Женевским конвенциям 1949 г. Пункт 1 ст. 86 гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, должны пресекать серьезные нарушения и принимать необходимые меры для пресечения всех других нарушений Конвенций или настоящего Протокола, являющихся результатом непринятия мер, которые должны были быть приняты». Хотя Конвенция не уточняет пределы «должного контроля за действиями персонала», следует предположить, что речь идёт о таком контроле именно в понимании международного гуманитарного права, поскольку в противном случае сама норма теряет всякий смысл, ведь определение контроля может трактоваться сколь угодно широко. С точки зрения международного гуманитарного права ответственность начальника за непринятие мер для того, чтобы предотвратить совершение преступления, даже если он не отдавал незаконный приказ, что следует из Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также ряда дел, рассмотренных в Международном уголовном суде[198]. Согласно ст. 2 Конвенции 1968 г. о неприменении срока давности к военным преступлениям, к ответственности за совершение военных преступлений привлекаются не только их исполнители, но также лица, которые их допускают[199]. Это положение было

[198] См.: *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. Пер. с фр. – Изд-во Международного комитета Красного Креста, 2000. – С. 740.
[199] Конвенции 1968 г. о неприменении срока давности к военным преступлениям.

конкретизировано Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН таким образом, что отвечать вместе с виновными должны и «лица, стоящие у власти, которые не приняли надлежащих мер по обеспечению того, чтобы находящиеся под их контролем лица соблюдали соответствующие международные документы». Позже, при рассмотрении дел Международным трибуналом по бывшей Югославии, суд установил, что в таких случаях начальник несет ответственность не за само преступление, но за то, что не принял надлежащих мер по его пресечению и предупреждению[200]. Согласно многочисленным решениям военных трибуналов, начиная с Токийского, ответственность начальника возникает при соблюдении трёх наиболее важных условий – это осведомленность начальника о преступных деяниях, наличие власти и способность предупредить преступление. По-видимому, указывая в ст. 7 Проекта Конвенции о ЧВОК на ответственность «в результате необеспечения должного контроля», авторы Проекта Конвенции предполагали именно такое прочтение, согласующееся с нормами международного гуманитарного права, однако это прямо не установлено положениями документа, что может вызвать определенные проблемы для непосредственного применения этих норм, поскольку в рамках действующих сегодня правовых норм конкретный статус сотрудников ЧВОК в рамках международного гуманитарного права определяется в соответствии с конкретными обстоятельствами, а общие нормы МГП в отношении ответственности начальника однозначно распространяются на комбатантов.

Связь положений Конвенции с принципами международного гуманитарного права поднимает и вопрос об ответственности ЧВОК и их сотрудников перед международными органами уголовного правосудия. Важно понимать, что привлечение сотрудников частных военных компаний к ответственности за военные преступления возможно только в случае признания их комбатантами, однако на данный момент это слабо осуществимо

[200] См.: *Давид Э.* Там же.

на практике, поскольку подобный прецедент может плохо сказаться на сложившихся обычаях применения частных военных компаний для «грязной работы», хотя в некоторых случаях нормы международного права признают в качестве субъектов преступлений как комбатантов, так и гражданских лиц. Например, обвинение в «вероломном убийстве» лиц, защищённых Женевскими Конвенциями, может быть предъявлено любому лицу, исходя из положений Римского статута Международного уголовного суда[201].

В узком смысле, для предъявления обвинений в военных преступлениях, необходимо установить связь между лицом, их совершающим, и вооруженным конфликтом, то есть для того, чтобы деяние было квалифицированно как военное преступление, оно не обязательно должно произойти в рамках вооруженного конфликта, но должно быть с ним связано, и такая связь возникает, когда субъекты, в том числе частные военные компании и их сотрудники, исполняют военные задачи. В таком случае можно предположить, что связь между преступным поведением и вооруженным конфликтом существует, когда субъект хотя бы де факто связан с одной из воюющих сторон. Таким образом, сотрудники ЧВОК обязаны исполнять нормы международного гуманитарного права в любой ситуации, когда практически возможно установление отношений между такой компанией и воюющей стороной вне зависимости от наличия статуса комбатанта или гражданского лица. Что касается непосредственной юрисдикции Международного уголовного суда, то она применима лишь в случае, если сотрудник ЧВОК является гражданином государства - участника Римского статута или совершил преступление на территории такого государства, и в этом случае необходимо либо судить, либо экстрадировать такое лицо (принцип «*aut dedere aut judicare*»).

В вопросе привлечения к ответственности за военные преступления важное место занимает ответственность командного состава. Документ

[201] Kittichaisaree K. International criminal law. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 133.

Монтрё содержит статью «ответственность руководителей», которая включает как правительственных должностных лиц, военачальников и гражданских руководителей, так и директоров или менеджеров ЧВОК, которые «могут нести ответственность за преступления, определённые международным гуманитарным правом, совершённые сотрудниками частных военных и охранных компаний, действующим под их действенным руководством и контролем». В международном гуманитарном праве принцип ответственности начальника был впервые закреплен в Уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также в делах Ямашиты, Листа, Мейера, Лееба, и он гласит, что «руководители, участвовавшие в разработке плана, предусматривающего совершение военных преступлений, преступлений против мира или преступлений против человечности, несут ответственность за действия других лиц по исполнению этого плана» [202], при этом ответственность наступает не только за позитивное участие (прямое или косвенное), но и за негативное, выраженное в форме непринятия мер по предотвращению совершения преступления. В контексте ответственности частных военных компаний речь может идти не только о военных руководителях, но и о гражданских, и если для первых такая ответственность может возникнуть на основании небрежности и, согласно правилу, «должен был знать», то для вторых необходимо непосредственное намерение, исходящее из критериев «знал» или «сознательно игнорировал». Однако в любом случае для привлечения к ответственности необходимо наличие фактических иерархических отношений между субъектами.

В случае, если частная военная компания действует в интересах государства или международной организации, представители нанимающей стороны вне зависимости от того, являются они гражданскими лицами или военнослужащими, могут быть признаны ответственными за международные преступления, совершенные подчиненными им сотрудниками частных

[202] *Давид Э.* Указ. соч. – С.738

военных компаний, при этом принимаются во внимание в первую очередь фактические обстоятельства. То же самое касается иных лиц, выступающих в качестве руководителей или военачальников, представляющих лиц частного права, что подтверждается Уставами Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде, которые признают ответственность «лиц, фактически действующих как военачальники» и гражданских руководителей вне зависимости от их принадлежности государству[203].

Что касается ответственности подчинённых лиц, то по общему правилу они освобождаются от ответственности, если действуют в соответствии с приказом командования, который не является явно незаконным. Этот принцип неприменим ко многим преступлениям международного характера, поскольку незаконность геноцида или преступлений против человечности всегда очевидна, хотя даже в этом случае приказ командования может, при соблюдении условий ст. 33 Римского статута, являться оправдывающим элементом. В отношении сотрудников частных военных компаний разрешение данного вопроса осложняется тем, что их отношения с государствами, международными организациями и другими субъектами носят внешний характер, поэтому критерий фактической обязательности приказов становится крайне важным для привлечения к ответственности или освобождения от неё. Строго говоря, ответственность подчиненных лиц является оборотной стороной ответственности командования, и именно поэтому также требует наличия определенных связей де факто.

Правоприменительная практика в вопросах привлечения к ответственности частных военных и охранных компаний и их сотрудников сталкивается не только с проблемами юрисдикции и действия уголовного права, но и с процессуальными препятствиями на всех этапах реализации

---

[203] Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, ст. 7(3) // URL: http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml, Устав Международного трибунала по Руанде, ст. 6(3) // URL:http://www.un.org/ru/law/ictr/charter.shtml (дата обращения: 02.03.2018).

правосудия, на которые неоднократно обращали внимание как в Рабочей группе по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека, так и со стороны экспертов[204]. В Проекте возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях предпринята попытка предупредить затруднения процессуального характера. Помимо провозглашенного в ст. 24 принципа «aut dedere aut judicare» Конвенция дополнительно уточняет, что положения относительно выдачи лиц, совершивших преступления, указанные в ст. 19, подлежат включения в соответствующие соглашения, действующие между государствами -участниками Конвенции. Для преодоления процессуальных препятствий в Проект Конвенции включены нормы, регламентирующие особенности взаимной правовой помощи в расследовании, судебном преследовании, судебном разбирательстве в связи с преступлениями, совершаемыми ЧВОК и их сотрудниками, передачи уголовного судопроизводства, если это согласуется с интересами правосудия.

Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях представляет собой комплексный инструмент в области регулирования деятельности частных военных и охранных компаний. Его содержание охватывает большинство острых проблем, с которыми уже столкнулись как национальные законодательные органы, так и международные субъекты, тем или иным образом участвовавшие в иных инициативах по этому вопросу. Проект Конвенции как объединяет традиционные нормы в области защиты прав человека, международного гуманитарного права и международного сотрудничества по вопросам осуществления правосудия, так и содержит ряд новых положений, разработанных применительно к специфике деятельности частных военных и охранных компаний. Тем не менее с момента представления Проекта Конвенции в 2011 г. для рассмотрения Советом ООН по правам человека

[204] *Karska E.* Human Rights Violations Committed by Private Military and Security Companies: an International Law Analysis //Espaço Jurídico: Journal of Law. – 2016. – Т. 17. – №. 3. pp. 753-765.

консенсус по ней не был достигнут, после чего была сформирована новая Рабочая группа. Доклад межправительственной рабочей группы открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний, представленный в рамках Тридцатой сессии Совета по правам человека, прошедшей в июле 2015 г., отмечает глубокие противоречия между участниками процесса разработки Конвенции[205] по самым разным вопросам, среди которых недостаточное определение статуса ЧВОК международно-правовыми нормами, средства правовой защиты пострадавших, проблема лицензирования и регистрации компаний, взаимодействие с национальными законодательствами и т.д. В качестве одной из центральных причин недостижения договоренностей о международном обязывающем документе называется дихотомия подходов государств, одни из которых настаивают на жестком регулировании деятельности ЧВОК, другие – на механизмах саморегулирования[206].

Поскольку консенсус не был достигнут и позднее, в сентябре 2017 г. Совет по правам человека принял резолюцию, устанавливающую новый Мандат межправительственной рабочей группы открытого состава по разработке содержания международной нормативной базы регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний[207], первая сессия которой прошла только в мае 2019 г.[208] Несмотря на то, что проект 2011 г. не привёл к достижению консенсуса и принятию

---

[205] Документ ООН A/HRC/30/47 «Доклад межправительственной рабочей группы открытого состава по рассмотрению возможности создания международной нормативной базы для регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний».

[206] Документ ООН / Совет по правам человека HRC/NONE/2018/40 Mercenarism and Private Military and Security Companies. – С. 26.

[207] Документ ООН / Совет по правам человека A/HRC/RES/36/11 Мандат межправительственной рабочей группы открытого состава по разработке содержания международной нормативной базы регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний 09.10.2017.

[208] На 12 августа 2019 г. отчёт о результатах сессии Рабочей группы представлен не был.

документа, он остаётся комплексным, качественно проработанным и учитывающим специфику международного права в том виде, в котором его применение способствует защите прав человека в условиях вооруженных конфликтов и нестабильных ситуаций, где зачастую осуществляют свою деятельность частные военные и охранные компании. Эти принципы и цели следует учитывать и при разработке дальнейших документов, касающихся формированию международно-правовых рамок и нормативной базы для деятельности ЧВОК.

Что касается нового проекта, который предположительно будет разработан Рабочей группой, сформированной в 2017 г., то судить о его сущности в настоящее время можно лишь по рамочному дискуссионному документу, представленному для обсуждения на первой сессии Рабочей группы[209]. В частности, из его структуры видно, что определенное внимание уделяется разделению статусов частных военных и частных охранных компаний, обеспечению прозрачности использования ЧВОК, обеспечению прав человека, в особенности в «сложных обстоятельствах». Дискуссионный документ предлагает выделить различные группы обязательств государств в зависимости от того, в какой роли выступает такое государство – как наниматель ЧВОК, государства территориальной юрисдикции, то есть того, на территории которого такие компании осуществляют деятельность, государство происхождения и государство гражданства сотрудников ЧВОК. Несмотря на то, что согласно заявлениям, представленным на Первой сессии Рабочей группы, документ, содержащий правовую основу регулирования, мониторинга и контроля за деятельностью ЧВОК, должен воспринимать основные цели и принципы Проекта 2011 г., уже на этом этапе прослеживаются значительные отличия между этими инициативами. В частности, предлагается определить, какие военные или охранные услуги не

[209] Discussion document on elements for an international regulatory framework / URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/IGWG/DiscussionDocument.docx (дата обращения: 11.04.2018).

могут быть оказаны за границей гражданами иностранного государства, а также разделить частные военные и частные охранные компании на самостоятельные субъекты права. В то же время обеспечение прозрачности и подотчетности деятельности ЧВОК, а также создание механизмов мониторинга остаётся столь же значимой частью документа. При этом в представленном виде документ не раскрывает того, на какой основе планируется включать нормы, касающиеся уголовного преследования за преступления, совершаемые сотрудниками ЧВОК, за исключением упоминания о необходимости учитывать в государственных контрактах необходимости соблюдения национального законодательства, прав человека и применимых норм международного гуманитарного права. В целом рамка обсуждения нового проекта говорит о том, что авторы будущего документа тяготеют к использованию опыта урегулирования деятельности ЧВОК в Европейском союзе, уделив наибольшее внимание вопросам стандартизации и лицензирования и установлению эффективного мониторинга именно за этими процессами, а не ответственности частных военных и охранных компаний и их сотрудников. В заявлении участвовавшей в сессии Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека также отмечена необходимость уделять большее внимание проблемам нарушения прав человека и международного гуманитарного права, однако также выделяется в числе главных приоритетов регуляторного механизма для ЧВОК эффективные проверки сотрудников, включение в программу подготовки составляющей по праву прав человека и международному гуманитарному праву и механизмы контроля и мониторинга[210].

Подводя итог рассмотрения единственного на сегодняшней день проекта международно-правового обязывающего документа, предметом

[210] UN Working Group on Mercenaries on the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination Intervention – Sorcha MacLeod / URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/IGWG/WGM_OEIGWG.docx

которого являются частные военные и охранные компании, и в целом анализу международно-правовых усилий по урегулированию этого явления, можно сделать **следующие выводы.**

1. Вопросы, связанные с уголовной ответственностью, занимают значимое место в Проекте возможной Конвенции о частных военных компаниях, экспортирующих свои услуги за границу 2011 г., однако во многом не согласуются с тенденциями национальных законодательств в этой области и устанавливают значительно более прочную связь между ЧВОК и потребителями их услуг.

2. Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаниях определяет основные направления, которым должно следовать развитие права в этой области, и в ходе дальнейшего обсуждения инициатив по созданию обязывающего международно-правового документа восприняты заданные им тенденции.

3. Большое влияние на уголовно-правовую оценку деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний имеют следующие принципы и тенденции развития международно-правового регулирования деятельности ЧВОК: а) запрет на деятельность, нарушающую исключительную монополию государства на насилие; б) определение функций государства, делегирование которых недопустимо; в) ответственность начальников согласно цепочке командования, ответственность государств; г) необходимость принятия национальных норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, совершенные сотрудниками ЧВОК за пределами территориальной юрисдикции отечественного государства или государства-контрагента.

§ 3.2. Направления оптимизации международного сотрудничества в сфере предупреждения преступлений со стороны сотрудников частных военных и охранных компаний и их реализация в законодательстве Российской Федерации

В настоящее время сформировался некоторый корпус национальных нормативных правовых актов, посвященных частным военным и охранным компаниям, с различными рамками регулирования и подходами к легализации этого явления, существуют значимые неправовые документы, такие как Документ Монтрё и Международный кодекс поведения. Используются различные формы сотрудничества ЧВОК с государственными субъектами и международными организациями. Сфера деятельности ЧВОК и их неминуемое участие в политически значимых событиях, в том числе вооруженных конфликтах, ситуациях нестабильности, в подавлении морского пиратства и т.д., определяет и необходимость создания международной нормативно-правовой базы для того, чтобы статус самих компаний и их сотрудников, природа их связи с заказчиками услуг были ясны, отвечали целям защиты прав человека, обеспечения ответственности за совершаемые преступления независимо от того, на какой территории они имели место. В то же время очевидно, что попытки формирования международных уголовно-правовых рамок в настоящее время неуспешны – об этом свидетельствует и правоприменительная практика экстратерриториального законодательства, и отсутствие консенсуса по Проекту Конвенции о частных военных и охранных компаниях 2011 г. Относительно устойчивыми оказываются механизмы, действующие через лицензирование деятельности и предоставление ЧВОК широких возможностей для саморегулирования, как, например, в Великобритании.

Еще в 2015 г., в то время как Рабочая группа ООН рассматривала Проект Конвенции 2011 г., было высказано мнение о том, что более эффективным

механизмом для урегулирования деятельности частных военных компаний является подход «саморегулирование-плюс» (*self-regulation-'plus'*), который основан на принципе интернационализации правовых норм как процесса превращения правила поведения из внешней санкции во внутренний императив[211]. Концепция «саморегулирование-плюс» предлагает механизм установления стандартов в области обеспечения прав человека и должного надзора за их реализацией. Такой подход накладывает на государства дополнительные обязанности по контролю за благонадёжностью компаний, но не превращает частные юридические лица, какими и являются ЧВОК, в субъекты международной ответственности, оставляя их полностью подвластными государствам. В то же время государства не готовы нести ответственность за деятельность относящихся к ним юридических лиц в случае нарушения последними прав человека или норм международного гуманитарного права, даже если такие лица действуют от имени этих государств, и в этом смысле подход «саморегулирование-плюс» во многом позволяет им дистанцироваться от вопросов непосредственной ответственности за деятельность ЧВОК (равно как и на ЧВОК формально не переходят международно-правовые обязательства связанных с ними государств).

Развитие правовой базы для частных военных компаний в ключе ответственности государств за деятельность юридических лиц и их сотрудников представляется маловероятным, как и самостоятельный статус ЧВОК в качестве субъектов международного права. Тем не менее фактическая эффективность саморегулирования зависит от того, как сформулирован и реализован внешний контроль и надзор, осуществляемый государственными субъектами, в каком объеме он установлен и насколько компетентен аудит, каков порядок взаимодействия с недобросовестными ЧВОК. Роль аудиторов

---

[211] *MacLeod S.* Private security companies and shared responsibility: the turn to multistakeholder standard-setting and monitoring through self-regulation-'plus' // Netherlands International Law Review. – 2015. – Т. 62. – №. 1. – P. 119-140.

для государственных субъектов в такой системе может быть отведена НКО и институтам гражданского общества[212], однако эти механизмы должны заслуживать доверия в достаточной степени, чтобы не только создавать видимость контроля, но и действительно его реализовывать.

Следует отметить, что подход к регулированию деятельности ЧВОК через саморегулирование, если и имеет шансы, при должной реализации, повлиять на оценку деятельности ЧВОК как юридических лиц, то практически никак не может повлиять на уголовно-правовую оценку действий отдельных лиц. В этой связи методы лицензирования, уже применяемые в некоторых государствах (в частности, в Великобритании, странах Европейского союза), в рамках «Швейцарской инициативы» могут рассматриваться только как дополнительные. Очевидно, что предельно конкретные нормы, к сожалению, скорее приведут к тому, что такой международный документ будет признан лишь небольшим количеством государств, поэтому рамки регулирования должны скорее формулировать принципы для национальных законодательств и интернационального взаимодействия.

Можно выделить несколько принципов, которые следует учитывать при разработке уголовно-правовой составляющей международного обязывающего документа для регулирования, мониторинга и контроля за деятельностью частных военных и охранных компаний, и который был бы применим в обстоятельствах вооруженных конфликтов и районах повышенной опасности.

1. Связь с нормами международного гуманитарного права. Представляется, что нормы, актуальные для обстоятельств вооруженного конфликта или ситуаций нестабильности, должны дополнять существующие нормы МГП, для которых в настоящее время статус сотрудников частных военных и охранных компаний определим крайне трудно. Это не только оставляет в серой зоне противоправные действия частных подрядчиков, но и их самих ставит в крайне уязвимое положение относительно норм МГП,

[212] Там же.

поскольку защита, на которую они могли бы рассчитывать, ограничивается практически только статьей 3, общей для всех Женевских конвенций. Определение статуса ЧВОК и их сотрудников, действующих в обстоятельствах, на которые распространяются нормы международного гуманитарного права через уже существующие положения, или посредством принятия дополнительных положений (как это было реализовано для вооруженных конфликтов немеждународного характера в Дополнительных протоколах), позволило бы рассматривать частных подрядчиков с точки зрения правовых норм, соответствующих фактической действительности, и оценивать их действия, также исходя из нормативных положений. Столь непосредственная связь с международным гуманитарным правом позволила бы также отразить и два существующих в настоящее время значительных препятствия к осуждению сотрудников ЧВОК за совершение военных преступлений – это доктрина ответственности командования и выполнение приказов, которые непосредственно связаны со структурой вооружённых сил, но неприменимы к частным субъектам, каковыми являются частные военные и охранные компании[213]. Отсутствие в международном гуманитарном праве определения статуса частных военных и охранных компаний (или хотя бы критериев, в соответствии с которыми он должен быть установлен в зависимости от конкретных обстоятельств) оставляет и сами ЧВОК не связанными требованиями МГП, которое в обстоятельствах вооруженного конфликта может остаться единственным критерием правомерности действий тех или иных лиц и гарантией средств правовой защиты.

2. Ограничение аутсорсинга государственных функций. На всех этапах обсуждения проблем международно-правового регулирования ЧВОК уделяется большое внимание уделяется вопросу функций государства,

[213] *Doswald-Beck L.* Private military companies under international humanitarian law //Simon Chesterman and Chia Lehnardt. From Mercenaries to Market: the rise and regulation of private military companies. – 2007. – P. 37.

передача которых для реализации частными подрядчиками невозможна[214]. Выделение функций, передача которых на аутсорсинг недопустима, связано как с защитой государственной монополии на применение силы, так и с определением статуса ЧВОК и их сотрудников, действующих в вооруженных конфликтах и нестабильных ситуациях, посредством международного гуманитарного права. При этом наиболее значимыми функциями государства, осуществление которых «руками» ЧВОК недопустимо, являются непосредственное участие в боевых действиях в условиях вооруженного конфликта, задержание и допрос военнопленных. Классификация многих околовоенных функций как «сугубо государственных» (например, связанных с разведкой) остаётся в настоящее время дискуссионным вопросом, согласие по которому позволило бы значительно продвинуться в разработке международно-правовой базы для регулирования деятельности частных военных и охранных компаний. В этой связи стоит упомянуть и о предложениях разделить частных военных и частных охранных компаний по реализуемым ими задачам[215] (хотя они и подвергаются критике), а также о допустимости применения силы, которое в силу того, что сотрудники ЧВОК не являются государственными субъектами, в настоящее время доступно им преимущественно в рамках права на самооборону. Одной из задач международно-правового регулирования деятельности ЧВОК несомненно является недопущение размывания государственных функций, а вместе с ними и сложившейся системы, в которых именно государства являются центральными участниками процессов по поддержанию мира и обеспечения глобальной безопасности. Недопущение частного сектора к осуществлению определенных видов деятельности не в меньшей степени, чем механизмы

---

[214] Документ ООН A/HRC/30/47 и др.

[215] Discussion document on elements for an international regulatory framework / URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/IGWG/DiscussionDocument.docx (дата обращения: 12.12.2018).

контроля и мониторинга, создает препятствие к возможности совершения преступлений, в том числе в области прав человека.

3. Вопросы национальной юрисдикции и запрет иммунитетов. Государства как правоприменительные субъекты выступают в отношениях с ЧВОК в различных качествах: та или иная частная военная или охранная компания может быть зарегистрирована в государстве A., иметь сотрудников из государств B., C. и D. и заключить с государством E. (или негосударственным субъектом из государства E.) договор на оказание услуг в государстве F.[216] При совершении сотрудниками такой компании преступлений в рамках международного гуманитарного права самым главным вопросом становится вопрос юрисдикции и применимых правовых норм. Как было отмечено ранее в настоящем исследовании, юрисдикционная привязка оказывается особенно сложной в условиях вооруженных конфликтов и нестабильных ситуаций, в то время как далеко не все преступления могут быть рассмотрены, исходя из принципов универсальной юрисдикции. Таким образом, международно-правовой документ, носящий обязательный характер, должен устанавливать принципы, на основании которых тому или иному государству следует брать на себя обязательства по осуществлению правосудия при совершении преступлений сотрудниками частных военных и охранных компаний. В том что касается иммунитетов, сотрудники ЧВОК ни в коей мере не должны находиться в более благоприятном положении, нежели другие субъекты права в условиях вооруженных конфликтов и нестабильных ситуаций. Принцип защиты собственных граждан от уголовно-правовой юрисдикции иностранного государства не должен превращаться в попытку избежать ответственности за совершенные преступления в принципе.

4. Роль национальных законодательств в формировании правовой базы для регулирования частных военных и охранных компаний. Проект возможной Конвенции о частных военных и охранных компаний постоянно

[216] Документ ООН A/HRC/36/36.

ссылается на обязанность государств принимать такие законодательные, административные и иные меры, которые обеспечивали бы соблюдение ЧВОК и их сотрудниками норм международного права прав человека и международного гуманитарного права, запрет на делегирование сугубо государственных функций, предупреждение нарушений в процессе осуществления деятельности ЧВОК общепринятых норм и принципов международного права и запрет на их участие в террористических и иных враждебных и незаконных действиях. Фактически нагрузка в сфере обеспечения непосредственного привлечения к ответственности за указанные нарушения ложится в основном на национальные законодательства и предполагает их значительное реформирование, причем даже в тех странах, где уже существуют нормативные правовые акты, регулирующие деятельность частных военных и охранных компаний. Таким образом, национальное законодательство становится не менее важным, чем международно-правовые нормы в вопросах, посвященных деятельности ЧВОК и преступлений, которые могут быть совершены в процессе её осуществления.

Должные механизмы контроля и мониторинга, необходимые для предупреждения противоправной деятельности частных военных и охранных компаний и их сотрудников, должны включать проверки сотрудников и истории их профессиональной деятельности, проведение эффективного обучения в области прав человека и международного гуманитарного права. Кроме того, сами компании должны нести ответственность за сокрытие информации о совершении преступлений их сотрудниками и неоказание помощи правоохранительным органам в проведении расследований. Экспорт военных и охранных услуг может подчиняться принципам, аналогичным тем, которые действуют в отношении экспорта вооружений, что позволит использовать уже существующие для этой цели механизмы, например, в праве Европейского союза, Регистра ООН по обычным вооружениям и т.д. В то же

время эффективность международно-правовых актов в сфере правового регулирования деятельности ЧВОК, и особенно уголовно-правовых аспектов такого регулирования, невозможна без активного участия государств и реформирования ими собственного законодательства для обеспечения возможности привлечения к уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний, действующих на территории иностранных государств, ответственности начальников, включения сотрудников ЧВОК в состав специальных субъектов преступлений, исполнителями или соучастниками которых они могут стать несмотря на то, что не являются военнослужащими вооруженных сил государства.

В Российской Федерации однозначно существует интерес к использованию частных военных и охранных компаний для реализации внешнеполитических интересов государства, обеспечения национальной безопасности, борьбы с международным терроризмом. Однако применение такого инструмента требует принятия соответствующих нормативных правовых актов в различных сферах законодательства. Помимо очевидных аспектов, касающихся лицензирования (в том числе в сфере экспорта военных и охранных услуг), режима обращения с оружием и применения силы, процедур регулирования и надзора за деятельностью ЧВОК, в том числе с учетом международного сотрудничества в области такого надзора, необходимо внесение изменений в уголовное законодательство. *Такие изменения должны касаться следующих аспектов.*

1. Сотрудники частных военных и охранных компаний должны быть признаны в качестве специальных субъектов некоторых преступлений против воинской службы (например, предусмотренных ст. 346-348 УК РФ), которые касаются режима обращения с оружием, предметами военной техники, военного имущества, их утраты, повреждения или уничтожения, в том числе по неосторожности. Это обусловлено тем, что, оказывая военные и охранные услуги, не касающиеся непосредственного участия в военных действиях,

сотрудники ЧВОК могут иметь доступ к военному имуществу, в том числе нести за него ответственность, осуществляя его охрану или же используя для оказания услуг по разведке, материально-технической поддержке вооруженных сил и т.д. В настоящее время ст. 331 УК РФ устанавливает, что субъектом преступлений против воинской службы (гл. 33) могут выступать только лица, которые являются военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, либо гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. В то время как утрата или повреждение военного имущества может оказать влияние на выполнение государством военных целей, установление уголовной ответственности за подобные деяния сыграет большую роль в обеспечении соответствия режима правового регулирования ЧВОК целям обеспечения национальной безопасности. Это же касается и других противоправных деяний, отраженных в УК РФ, совершение которых возможно со стороны сотрудников частных военных и охранных компаний в условиях, приближенных к совершению таких преступлений военнослужащими. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается дополнить список специальных субъектов, устанавливаемый ч. 1 ст. 331 УК РФ, формулировкой «лицами, оказывающими частные военно-охранные услуги Российской Федерации».

2. Положения УК РФ могут также учитывать и необходимость дополнительно разграничить понятия наёмничества и деятельности частных военных и охранных компаний. Это представляется желательным в связи с тем, что определение наёмничества, отраженное в ст. 359 УК РФ, является достаточно широким, что не только затрудняет его применение к случаям совершения таких преступлений, но и может создавать смешение понятий деятельности ЧВОК и наёмничества. Поскольку определение наёмника, установленное Примечанием к ст. 359 УК РФ, обусловлено международно-правовыми нормами, представляется целесообразным включить еще одно примечание в текст статьи, исключающее из определения наёмников

сотрудников частных военных и охранных компаний: «лица, являющегося сотрудником ЧВОК и действующего на основании договора между такой компанией и Российской Федерацией и оказывающего услуги в пределах, определённых таким договором и законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации».

3. Для целей обеспечения ответственности начальников согласно ст. 42 УК РФ необходимо установление непосредственной связи между персоналом ЧВОК и вышестоящими начальниками, включая государственных гражданских и военных должностных лиц, а также директоров и руководителей частных военных и охранных компаний в рамках специальных нормативных правовых актов о правовом регулировании деятельности частных военных и охранных компаний. Отсутствие такой связи не только позволяет руководителям персонала частных военных и охранных компаний избежать уголовной ответственности за нарушение прав человека или норм международного гуманитарного права, но и не дает возможности осуществлять уголовное преследование по ст. 332 УК РФ за неисполнение приказа начальника, отданного в установленном законом порядке.

4. Обеспечение универсального принципа действия уголовного закона в отношении преступлений, совершаемых сотрудниками частных военных и охранных компаний, действующих за пределами территории Российской Федерации в настоящее время ст. 12 УК РФ не предусмотрено. Она предполагает возможность осуществления уголовного преследования военнослужащих за преступления, совершенные на территории иностранного государства, а также ответственность любых лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Эта статья также допускает возможность привлечения к уголовной ответственности граждан Российской Федерации и постоянно проживающих лиц без гражданства за совершение преступлений за пределами России в случае отсутствия в их отношении решения суда иностранного государства.

По смыслу статьи 12 из её сферы действия выпадают иностранные граждане, являющиеся сотрудниками ЧВОК и осуществляющие свою деятельность в рамках услуг, предоставляемых такой компанией Российской Федерации. Для ликвидации этого пробела в статье 12 УК РФ необходимо учесть возможность реализации уголовного преследования таких лиц за преступления, совершенные ими в рамках осуществления деятельности ЧВОК на территории иностранного государства. Часть 2 статьи 12 УК РФ может быть дополнена следующим образом: «Военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, *а также лица, оказывающие военно-охранные услуги Российской Федерации, в том числе, иностранные граждане и лица без гражданства,* за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации».

В заключение настоящего параграфа можно сделать **следующие выводы.**

1. Реализация уголовно-правовых механизмов в регулировании деятельности частных военных и охранных компаний на международном уровне требует не только взаимных договорённостей государств, так или иначе вовлеченных в эту деятельность, но и участия самих компаний в процессе реализации мониторинга деятельности их сотрудников, а также в предупреждении совершения преступлений и обеспечении осуществления правосудия.

2. Реализация основных тенденций международного сотрудничества по выработке международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний предполагает как принятие специализированного закона о деятельности частных военных и охранных компаний, так и внесение изменений в УК РФ.

3. Уголовный кодекс РФ должен рассматривать сотрудников частных военных и охранных компаний в качестве специальных субъектов преступлений в рамках ч. 1 ст. 331 УК РФ, распространять на них положения ст. 12 УК РФ, касающиеся универсальной юрисдикции в отношении преступлений, совершаемых на территории иностранного государства.

4. Разграничение сотрудников частных военных и охранных компаний и наёмников может быть обеспечено уточнением ст. 359 УК РФ путем включения в неё примечания, исключающего из числа наёмников лиц, являющихся сотрудниками ЧВОК и действующих на основании договора между такой компанией и Российской Федерацией.

5. Защита государственной монополии на применение силы может быть посредством включения в ч. 2 ст. 171 УК РФ положений об ответственности за незаконное осуществление предпринимательской деятельности за рубежом, а также в рамках главы 30 УК РФ путем установления ответственности за делегирование государственных функций, реализация которых частными лицами недопустима, при условии формирования на законодательном уровне списка таких государственных функций.

6. Для целей обеспечения ответственности начальников согласно ст. 42 УК РФ необходимо установление непосредственной связи между персоналом ЧВОК и вышестоящими начальниками, включая государственных гражданских и военных должностных лиц, а также руководителей частных военных и охранных компаний в рамках специальных нормативных правовых актов о правовом регулировании деятельности частных военных и охранных компаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате настоящего исследования, посвященного уголовно-правовой оценке деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах и зонах повышенной опасности, сделаны следующие выводы:

1. Частные военные и охранные компании как объект правового исследования представляют собой обладающие определенным правовым статусом образования, совершающие юридически значимые действия в районах вооруженных конфликтов и районах повышенной опасности. В уголовно-правовом контексте их анализ ориентирован на установление различий частных военных и охранных компаний от организованных преступных групп, преступных сообществ, наемничества, терроризма и экстремизма.

2. Организационно-правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников, правовой режим функционирования организаций в районах вооруженных конфликтов и районах повышенной опасности, система правовых норм, регулирующих их непосредственную деятельность в процессе оказания военно-охранных услуг, в том числе связанную с возможностью причинения вреда, формируют критерии, на основе которых осуществляется уголовно-правовая оценка деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний, определяя тем самым особенности их уголовно-правового статуса.

3. Проведен анализ процесса легитимизации частных военных и охранных компаний и выявлены критерии, позволяющие считать их легитимным явлением современной правовой действительности, несмотря на существующие пробелы в правовом регулировании. Такими критериями являются:

– наличие социально-признанной ценностной природы, то есть признание значимости явления социальными субъектами, что выражается в участии частных военных и охранных компаний в миротворческих операциях ООН, в миссиях, осуществляемых в рамках Общей политики обороны и безопасности Европейского союза, и т.д.;

– формирование внутреннего, в том числе правового, содержания, которое обусловливает необходимость установления правового статуса частных военных и охранных компаний в рамках национальных нормативных правовых актов, принятых рядом государств, в том числе Великобританией, США, Францией, Швейцарией и др., а также выработки международного обязывающего документа на уровне ООН, регулирующего деятельность таких компаний.

4. Правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников, действующих в районах вооруженных конфликтов и зонах повышенной опасности, представляет собой совокупность прав и обязанностей, изменяющихся в зависимости от конкретных условий, юридических фактов, правоотношений, в которых участвует субъект. Его определение усложняется не только отсутствием международно-правового регулирования, но и различием национальных подходов к вопросам делегирования государственных функций, правовому определению наёмничества как смежного явления, законодательству об обороте и обращении с оружием, международно-правовых обязательств таких государств.

5. Определены критерии разграничения частных военных и охранных компаний и преступных организованных формирований, к которым относятся организационно-правовые и функциональные признаки. К организационно-правовым признакам относится: формирование частных военных и охранных компаний как коммерческих организаций, действующих на постоянной основе; наличие четкой организационной структуры,

специального законодательства, регулирующего вопросы лицензирования, организационно-правовой формы; договорная основа оказания ими услуг государству (или иным организациям). Функциональные критерии включают: широкий круг оказываемых услуг (в том числе высокотехнологичных); выполнение ими задач, традиционно закрепленных за государственными органами; запрет на непосредственное участие в вооруженных конфликтах и др.

6. Установлено, что возможность включения в УК РФ положений, закрепляющих юридические лица в качестве субъекта совершения преступления, может быть рассмотрена в контексте оценки непосредственной связи между частными военными и охранными компаниями, их сотрудниками и нанимателем независимо от того, является им государство или иное юридическое лицо, а также более эффективного воздействия на преступную деятельность таких организаций и их сотрудников.

7. Правовые режимы функционирования частных военных и охранных компаний как совокупность правовых норм, действующих в конкретных обстоятельствах, в рамках которых частные военные и охранные компании осуществляют свою деятельность и определяющих права и обязанности, закрепленные как за самими компаниями, так и за их сотрудниками в условиях вооруженных конфликтов и районов повышенной опасности, определяют пределы правомерности деятельности сотрудников ЧВОК и оказывают непосредственное влияние на её уголовно-правовую оценку. В рамках правового режима осуществляется связь между различными уровнями правового регулирования (международного, национального), но и соотношение действия норм, находящихся на одном уровне – как это происходит, например, в рамках правового режима оккупированных территорий.

Уголовно-правовые особенности правовых режимов, действующих в условиях нестабильности, характеризуются такими признаками, как:

возможность введения новых норм уголовно-правового характера, отличных от действующих в мирное время; особый порядок их применения и охраны; специфический субъект и объект преступления и др. Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний должно учитывать эти особенности, а уголовное законодательство – содержать положения, обеспечивающие привлечение к ответственности за совершаемые преступления, уточняющие применимое право и не допускающие введения иммунитетов в отношении сотрудников частных военных и охранных компаний.

8. На основе принципов самообороны сформулированы условия и критерии правомерности причинения вреда сотрудниками частных военных и охранных компаний в условиях вооруженных конфликтов и зон повышенной опасности. Перенесение принципов самозащиты, применимых в мирное время на территории государства, несостоятельно в условиях вооруженного конфликта или же нестабильной ситуации, поскольку это приводит к ослаблению правозащитных функций международного гуманитарного права. Для того, чтобы к деятельности сотрудников ЧВОК можно было применять критерии правомерности применения силы без ущерба для интересов гражданского населения, необходимо выработать нормативные критерии, закрепляющие за ними специальный статус в рассматриваемых обстоятельствах.

Основными критериями правомерности причинения вреда при осуществлении права на самозащиту сотрудниками частных военных и охранных компаний становятся правомерность цели защиты, пропорциональность и незаконность нападения. В УК РФ эти правила могут быть отражены в рамках положений ч. 1 ст. 37 и путем включения в УК РФ сотрудников частных военных и охранных компаний как отдельной категории субъектов.

9. Вопрос об иммунитетах и исключении из сферы уголовной ответственности для частных военных и охранных компаний и их сотрудников стоит таким образом, что государства в первую очередь стремятся защитить своих граждан от действия уголовного права и от уголовного преследования со стороны государства, на территории которого такой персонал осуществлял военно-охранную деятельность. В то же время тенденция развития положений, исключающих сотрудников частных военных и охранных компаний из сферы уголовной ответственности или предоставляющих им иммунитеты, свидетельствует о постепенном отказе от этой практики.

10. Определены основные тенденции развития уголовно-правового статуса частных военных и охранных компаний: запрет на деятельность, нарушающую исключительную монополию государства на применение силы, и обеспечение привлечения к ответственности, в том числе уголовной. Эти же направления следует учитывать и при формировании национальной правовой базы. Большое влияние на уголовно-правовую оценку деятельности сотрудников частных военных и охранных компаний имеют следующие принципы и тенденции развития международно-правового регулирования деятельности ЧВОК: а) запрет на деятельность, нарушающую исключительную монополию государства на насилие; б) определение функций государства, делегирование которых недопустимо; в) ответственность начальников согласно цепочке командования, ответственность государств; г) необходимость принятия национальных норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, совершенные сотрудниками ЧВОК за пределами территориальной юрисдикции отечественного государства или государства-контрагента.

Защита государственной монополии на применение силы может быть обеспечена в рамках ч. 2 ст. 171 УК РФ посредством включения в неё положений об ответственности за незаконное осуществление предпринимательской деятельности за рубежом, а также в рамках главы 30 УК

РФ путем установления ответственности за делегирование государственных функций, реализация которых частными лицами недопустима (в частности, предполагающих непосредственное участие в военных действиях) при условии формирования на законодательном уровне списка таких государственных функций в рамках специального законодательства о частных военных и охранных компаниях.

11. Рассмотрен вопрос возможности правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и их сотрудников в Российской Федерации и проведена оценка уголовно-правовых норм, необходимых для полноценного функционирования такого законодательства. Внесение изменений в ч. 2 ст. 12, ч. 1 ст. 37, ч. 2 ст. 171, ч. 1 ст. 331 и ст. 359 УК РФ, а также ряд других изменений в положения, касающиеся преступлений против воинской службы, ответственности начальников, невыполнения приказа и распоряжения, позволит сформировать уголовно-правовой статус сотрудников частных военных и охранных компаний, действующих в вооруженных конфликтах и зонах повышенной опасности.

12. Установлено, что обеспечение привлечения к уголовной ответственности за преступления, совершаемые сотрудниками частных военных и охранных компаний в процессе осуществления ими своей профессиональной деятельности возможно путем внесения изменений в ряд положений УК РФ на основе специального законодательства, определяющего правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников. Разграничение сотрудников частных военных и охранных компаний и наёмников может быть обеспечено уточнением ст. 359 УК РФ путем включения в неё примечания, исключающего из числа наёмников лиц, являющихся сотрудниками ЧВОК и действующих на основании договора между такой компанией и Российской Федерацией.

13. С целью привлечения к уголовной ответственности сотрудников частных военных и охранных компаний за преступления, совершаемые за

пределами территории России, на основе принципа универсальной юрисдикции в рамках ч. 2 ст. 12 УК РФ целесообразно в состав субъектов, на которых распространяется универсальная юрисдикция, помимо российских военнослужащих, дислоцирующихся за пределами государства, включить сотрудников частных военных и охранных компаний, в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства, действующих на основании договора с Российской Федерацией.

14. Признано целесообразным включение в содержание ч. 1 ст. 331 УК РФ сотрудников частных военных и охранных компаний в качестве специальных субъектов преступлений в дополнение к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданам, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов, поскольку в процессе осуществления своей деятельности сотрудники частных военных и охранных компаний могут становиться исполнителями или соучастниками преступлений против военной службы, предусмотренных главой 33 УК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Национальные нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

4. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Росс. газета. – 2003, 2 дек.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Росс. газета. – 2010, 17 июня.

6. Проект Федерального значения № 62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по сост. на 24.04.2012 г.) – Режим доступа: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&18C2606E1D1A34FD432579EE002F9B7F (дата обращения: 05.03.2019).

Международные нормативные правовые акты и документы

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 2. – Ст. 163.

8. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Росс. газета. – 1995, 5 апр.

9. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и Приложение к ней: Положение о законах и обычаях сухопутной войны // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 575-587.

10. Документ Европейской службы внешних дел 8628/14 EU Concept for Contractor Support to EU-led military operations от 7 апреля 2014 г. – Режим доступа: http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%208628%202014%20INIT (дата обращения: 14.05.2018).

11. Документ МООНК UNMIK/REG/2000/47 Regulation No. 2000/47 от 18 августа 2000г. «On the status, privileges and immunities of KFOR and UNMIK and their personnel in Kosovo» – Режим доступа: http://www.unmikonline.org/regulations/2000/reg47-00.htm (дата обращения: 14.04.2018).

12. Документ ООН A/61/341. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 13 сентября 2006 г. – Режим доступа: http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/61/341&Lang=E (дата обращения: 07.05.2018).

13. Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 года (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых

обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта) – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

14. Документ ООН Резолюция 1952 (2010) S/RES/1952 (2010) от 29 ноября 2010 г. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/655/25/PDF/N1065525.pdf?OpenElement (дата обращения 17.04.2018).

15. Документ ООН A/45/594. Типовое соглашение о статусе сил для проведения операций по поддержанию мира от 9 октября 1990 г. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/45/594 (дата обращения: 29.11.2018).

16. Документ ООН A/65/325. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 25 августа 2010 г. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/493/94/PDF/N1049394.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.01.2019).

17. Документ ООН A/66/154 Доклад Генерального секретаря «Контроль над обычными вооружениями на региональном и субрегиональном уровнях» от 15 июля 2011 г. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/417/61/PDF/N1141761.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.01.2019).

18. Документ ООН A/69/338 Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 21 августа 2014 г. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/A.69.338_ru.doc (дата обращения: 05.03.2016).

19. Документ ООН A/HRC/15/25/. Add.3. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. Миссия в Соединенные Штаты Америки от 2 июля 2010 г. – Режим доступа: http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/HRC/15/25/Add.3&Lang=R (дата обращения: 03.11.2018).

20. Документ ООН A/HRC/27/50 Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 30 июня 2014 г. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session27/Documents/A_HRC_27_50_RUS.doc (дата обращения: 12.12.2018).

21. Документ ООН A/HRC/4/42/Add.1. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 20 февраля 2007 г. – Режим доступа: http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/HRC/4/42&Lang=E (дата обращения: 15.12.2018).

22. Документ ООН A/HRC/7/7/ Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 9 января 2008 г. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/100/77/PDF/G0810077.pdf?OpenElement (дата обращения: 11.11.2018).

23. Документ ООН A/HRC/7/7/. Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение от 09.01.2008 г. – Режим доступа: https://documents-dds-

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/100/77/PDF/G0810077.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.09.2018).

24. Документ ООН S/2010/143. Письмо Постоянного представителя Габона при Организации Объединенных Наций от 15 марта 2010 г. на имя Генерального секретаря, Влияние незаконной торговли оружием на мир и безопасность – Режим доступа: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Arms%20S%202010%20143.pdf (режим доступа: 20.12.2018).

25. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (IV Женевская конвенция), 75 UNTS 287 – Режим доступа: http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/html/geneva-convention-4

26. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными (III Женевская конвенция), 75 UNTS 135 – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (дата обращения 13.09.2018).

27. Женевская Конвенция от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море – Режим доступа: http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwpList133/4B3530A96A2EB199C325710700297558 (дата обращения: 13.09.2018).

28. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (I Женевская Конвенция), 75 UNTS 31 – Режим доступа: http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwpList133/42849F9156A62CE7C325710700291228 (дата обращения: 13.09.2018).

29. Документ ООН S/PV.6288. Заявление Председателя Совета Безопасности ООН от 19.03.2010 г. / Регион Центральной Африки: влияние незаконной торговли оружием на мир и безопасность – Режим доступа:

https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N10/281/33/PDF/N1028133.pdf?OpenElement

30. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 29.10.2018).

31. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г. // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 812-819.

32. Регламент № 428/2009 Совета Европейского Союза «Устанавливающий режим для контроля за экспортом, перемещением, продажей и транзитом продукции двойного назначения на территории Сообщества» от 05.05.2009 г. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CONSLEG:2009R0428:20120615:EN:PDF (дата обращения: 26.04.2018).

33. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/31 от 9 декабря 1994 г. по вопросу о защите и безопасности малых государств – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/764/25/PDF/N9576425.pdf?OpenElement (дата обращения: 17.07.2018).

34. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Документ ООН A/CONF.183/9 – Режим доступа: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 12.03.2018).

35. Совет Европы / Европейский Суд по правам человека, 2012, Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 143 – Режим доступа:

https://www.echr.coe.int/Documents/CLIN_2011_07_143_ENG_889484.pdf (дата обращения: 18.09.2018).

36. Совет Европы. Европейская Комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) / Report on Private Military and Security Firms and Erosion of the State Monopoly on the use of force adopted by the Venice Commission at its 79th Plenary Session (Venice, 12-13 June 2009) CDL-AD(2009)038-e – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)038-e (режим доступа: 10.02.2018).

37. Суд Европейского Союза / Комиссия против Испании, дело C-114/97, решение от 29 октября 1998г. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61997CJ0114 (дата обращения: 26.07.2018).

38. Суд Европейского Союза / Комиссия против Италии, дело C-283/99, решение от 31 мая 2001г. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61999CJ0283 (дата обращения: 26.07.2018).

39. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.) – Режим доступа: http://base.garant.ru/2540388/#ixzz4AH8Xs8d7 (дата обращения: 14.03.2018).

40. Устав Международного трибунала по Бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml (дата обращения: 02.03.2018).

41. Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/law/ictr/charter.shtml (дата обращения: 02.03.2018).

42. Agreement between the North Atlantic Treaty Organization and the Islamic Republic of Afghanistan on the Status of NATO Forces and NATO

personnel conducting mutually agreed NATO-led activities in Afghanistan – Режим доступа:
ttps://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_116072.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.09.2018).

43. Agreement Between the United States of America and the Republic of Iraq On the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of Their Activities during Their Temporary Presence in Iraq – Режим доступа: https://www.state.gov/documents/organization/122074.pdf (дата обращения: 13.09.2018).

44. Agreement under Article VI of the Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America, Regarding Facilities and Areas and the Status of United States Armed Forces in Japan – Режим доступа:https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/sfa/pdfs/fulltext.pdf (дата обращения: 13.09.2018).

45. Council of the European Union / Council Recommendation of 13 June 2002 regarding cooperation between the competent national authorities of Member States responsible for the private security sector, OJ C 153, 27.6.2002. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002H0627(01)&from=EL (дата обращения: 04.02.2019).

46. Council of the European Union. Council Common Position 2003/468/CFSP of 23 June 2003 on the control of arms brokering – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003E0468&from=HR (дата обращения: 26.07.2018).

47. Council of the European Union. Council Common Position 2008/944/CFSP of 8 December 2008 defining common rules governing control of exports of military technology and equipment – Режим доступа: http://eur-

lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:335:0099:0103:EN:PD (дата обращения: 04.02.2019).

48. Council of the European Union. Council Joint Action 2000/401/CFSP of 22 June 2000 concerning the control of technical assistance related to certain military end-uses, Official Journal L159, 2000. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32000E0401&from=EN (дата обращения: 01.08.2018).

49. ICJ, Legal Consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory. Advisory opinion. 9 July 2004. – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 19/11/2018).

50. ICTY, Prosecutor v. Anto Furundzija (Trial Judgement), IT-95-17/1-T, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 10 December 1998, p. 177, 178, 184 – Режим доступа: http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/fur-tj981210e.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

51. ICTY, The Prosecutor v. DuskoTadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, IT-94-1-A, 2 October 1995, p. 70. – Режим доступа: http://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.htm (дата обращения: 15.05.2018).

52. Judgment of the Court of 18 March 1980. – SpA Ferriera Valsabbia and others v Commission of the European Communities. – Concrete reinforcement bars. – Joined cases 154, 205, 206, 226 to 228, 263 and 264/78, 39, 31, 83 and 85/79.

53. Private military and security firms and erosion of the state monopoly on the use of force – Recommendation 1858 (2009) – Режим доступа: http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17711&lang=en (дата обращения: 18.05.2019).

54. Recommendation of the Council on Due Diligence Guidance for Responsible Supply Chains of Minerals from Conflict-Affected and High-Risk Areas C/MIN(2011)12/FINAL – Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/268 (дата обращения: 14.04.2017).

55. Regulation (EU) 2017/821 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 laying down supply chain due diligence obligations for Union importers of tin, tantalum and tungsten, their ores, and gold originating from conflict-affected and high-risk areas OJ L 130, 19.5.2017. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R0821 (дата обращения: 14.04.2017).

56. 18 U.S. Code Chapter 115 – Treason, sedition, and subversive activities 18 U.S.C. §§2381-90 – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-115 (дата обращения: 17.02.2018).

57. U.S. Code Chapter 1 – Crimes and Criminal Procedure Part I. Crimes. General Provisions 18 U.S.C. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/7 (дата обращения: 18.03.2018).

58. 18 U.S. Code Chapter 212 – Military Extraterritorial Jurisdiction Act (MEJA) 18 U.S.C. §§3261-67 – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-II/chapter-212 (дата обращения: 05.03.2016).

59. Arms Export Control Act (AECA), 22 U.S.C. §§2778 – Режим доступа: www.law.cornell.edu/uscode/html/uscode22/usc_sec_22_00002778–000-.html (дата обращения: 20.11.2018).

60. Coalition Provisional Authority Order Number 17 Status of The Coalition, Foreign Liaison Missions, Their Personnel And Contractors Contractors. – Режим доступа:

http://www.usace.army.mil/Portals/2/docs/COALITION_PROVISIONAL.pdf (дата обращения 18.05.2018).

61. Commission de la Defense nationale et des forces armees. Compte rendus № 28 / Assemblee nationale – Режим доступа: http://www.assemblee-nationale.fr/12/cr-cdef/02-03/c0203028.asp#TopOfPag (дата обращения: 16.03.2019).

62. Department of Defense Instruction 1100.22, Guidance for Determining Workforce Mix, April 6, 2007. – Режим доступа: https://www.dodea.edu/Offices/CSPO/upload/Guidance-for-Determining-Workforce-Mix.pdf (дата обращения: 18.05.2019).

63. Department of Defense Instruction 5525.11, Criminal Jurisdiction Over Civilians Employed By or Accompanying the Armed Forces Outside the United States, Certain Service Members, and Former Service Members – Режим доступа: https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-hrsp/legacy/2011/02/04/03-03-05dod-instructions.pdf (дата обращения: 24.09.2018).

64. Deutscher Bundestag. Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Die Zusammenarbeit von Staaten mit privaten Sicherheits und Militärfirmen Ausarbeitung WD 2 – 140/06 – 2006. – Режим доступа: https://www.bundestag.de/resource/blob/414968/4a1e7dcee51d7929c0787c6f0ea73ea4/WD-2-140-06-pdf-data.pdf (дата обращения: 18.05.2019).

65. Foreign Enlistment Act 1870 – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/33-34/90 (дата обращения: 17.02.2018)

66. Loi fédérale sur les prestations de sécurité privées fournies à l'étranger – Режим доступа: https://www.eda.admin.ch/eda/fr/dfae/politique-exterieure/politique-securite/bundesgesetz-ueber-die-im-ausland-erbrachten-privaten-sicherheit.html (дата обращения: 10.09.2019).

67. Memorandum from the Deputy Sec'y of Def. on Management of DoD Contractors and Contractor Personnel Accompanying U.S. Armed Forces in Contingency Operations Outside the United States (Sept. 25, 2007) – Режим

доступа: https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-hrsp/legacy/2011/02/04/09-25-07dodmanagecontract-ucmj.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

68. O'Callahan v. Parker, 395 U.S. 258, 1969 – Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/395/258/ (дата обращения: 27.09.2018).

69. Private Security and Investigative Services Act of the South Africa Republic, 2005 – Режим доступа: http://www.e-laws.gov.on.ca/html/statutes/english/elaws_statutes_05p34_e.htm#BK56 (дата обращения: 13.01.2018);

70. Private Security Industry Regulation Act 56, 2001 – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/12/pdfs/ukpga_20010012_en.pdf (дата обращения: 05.03.2016).

71. Regulation of Foreign Military Assistance Act of the South Africa Republic, (Act No. 15, 1998). – Режим доступа: http://www.info.gov.za/view/DownloadFileAction?id=70672 (дата обращения: 06.11.2018).

72. The Federal Activities Inventory Reform Act (FAIR) of 1998, 31 U.S.C. § 501 – Режим доступа: https://www.congress.gov/105/plaws/publ270/PLAW-105publ270.pdf (дата обращения: 18.05.2019).

73. Uniform Code of Military Justice of the United States Code, 1950. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/subtitle-A/part-II/chapter-47 (дата обращения: 04.11.2018).

74. United States Attorney's Office Eastern District of Virginia «Military Contractor Sentenced for Possession of Child Pornography in Baghdad» Press release (25 May 2007) – Режим доступа: https://www.justice.gov/psc/docs/AlexandriaVA_05252007.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

75. United States Court of Appeals for the Fourth Circuit / United States v. Brehm, No. No. 11-4755, 2012. – Режим доступа: http://www.ca4.uscourts.gov/Opinions/Published/114755.P.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

76. United States v. Mr. Alaa Mohammad Ali, No. 12-0008/ AR Crim. App. No. 20080559 United States Court of Appeals for the Armed Forces – Режим доступа: http://www.armfor.uscourts.gov/newcaaf/opinions/2011SepTerm/12-0008.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

77. War Crimes Act 18 U.S. Code § 2441 – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2441 (дата обращения: 18.03.2018)

78. Written Ministerial Statement International Code of Conduct for Private Security Providers Association Launch // Foreign & Commonwealth Office – Режим доступа: http://business-humanrights.org/sites/default/files/media/documents/wms_15-10-13_-_international_code_of_conduct_for_private_security_provid___.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

79. Конституция ЮАР – Режим доступа: https://www.gov.za/sites/default/files/images/a108-96.pdf (дата обращения: 05.03.2016).

80. Уголовный кодекс Венгрии – Режим доступа: https://thb.kormany.hu/download/a/46/11000/Btk_EN.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

81. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. статья А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилович. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2001.

82. Уголовный кодекс Федеративной республики Германия / Науч. ред. Д.А. Шестаков; вступ. статья Д.А. Шестаков; предисловие доктора права Г. Йешека; пер. с немецкого Н.С. Рачкова. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2003.

83. Уголовный кодекс Франции – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=EB5FA2C92874E878B927403EBA40A9B1.tplgfr36s_1?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20190916 (дата обращения: 05.03.2019).

84. Уголовный кодекс Испании – Режим доступа: https://www.boe.es/eli/es/lo/1995/11/23/10/con (дата обращения: 05.03.2019).

85. United States v. Slatten, 865 F.3d 767 (D.C. Cir. 2017) URL: https://casetext.com/case/united-states-v-slatten-7 (дата обращения: 02.03.2016).

Монографии, учебники, учебные пособия, научные статьи

86. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Изд-во БЕК, 1995.

87. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. – М., 1984.

88. Апухтин Ю.С. Частные военные компании: глобальная деятельность и проблемы международноправовой ответственности / Ю.С. Апухтин // Жизнь и безопасность. – 2007. – № 1–2. – С. 81–84.

89. Апухтин Ю.С. Исторические, политико–правовые, экономические и социальные предпосылки негосударственной защиты безопасности граждан и организаций / Ю.С. Апухтин, Э.П. Теплов // Жизнь и безопасность. – 2004. – № 2–3а. – С. 8–17.

90. Ахметшин Х.М., Белый И.Ю. Военно-уголовное право: Учебник. – М.: За права военнослужащих, 2008.

91. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1 (2) – С. 5–16.

92. Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарин А.А. Экстерриториальное пространство права. Монография. – М.: Проспект, 2017.

93. Баулин Ю.В. Основания, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Киев: УМК ВО при Минвузе УССР, 1989.

94. Бекариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Бекариа; сост. и предисл. В.С. Овчинского; пер. с ит. М.М. Исаев. – М.: ИНФРА-М, 2004.

95. Беляева Г.С. Структура правового режима: общетеоретический аспект / Г.С.Беляева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 5 (88). – С. 22-25.

96. Белькова Е.Г. Статус субъекта права / Е.Г. Белькова // Известия Байкальского государственного университета. – 2007. – №. 1. – С. 44-47.

97. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Ф. Буше-Сольнье; [пер. с фр. Е. Кирпичниковой]. – [2-е изд., доп., расш.]. – М.: МИК, 2008.

98. Васильева С.В. Передача государственных полномочий организациям: правовой механизм / С.В. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5 (108). – С. 1–10.

99. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с немец.; под ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990.

100. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 2 (5). – С. 55-68.

101. Волеводз А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 233-251.

102. Волеводз А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – №3(12). – С. 78–88.

103. Волеводз А.Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / А.Г.

Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 1. – С. 12-17.

104. Гриненко А.В. Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 2. – С. 3-4.

105. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. Пер. с фр. – Изд-во Международного комитета Красного Креста, 2000.

106. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014.

107. Домрин А.Н. Режим чрезвычайного положения. Опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах. Доклад Совету по внешней и оборонной политике. – М., 1992.

108. Егорова А.К. Правовое регулирование охраны морских судов в зонах повышенной опасности с использованием частных военных и охранных компаний / А.К. Егорова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 4. – С. 25-28.

109. Егорова А.К. Правовой статус частных военных и охранных компаний и критерии их легитимности / А.К. Егорова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-chastnyh-voennyh-i-ohrannyh-kompaniy-i-kriterii-ih-legitimnosti (дата обращения: 12.09.2019).

110. Егорова А.К. Частные военные и охранные компании или организованные преступные группы? Вопросы разграничения в международном и национальном уголовном праве / А.К. Егорова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 6. – С. 28-30.

111. Егорова А.К. Деятельность частных военных и охранных компаний: вопросы легитимности и права / А. К. Егорова // Юридические исследования. – 2022. – № 5. – С. 13 - 22.

112. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961.

113. Кашников Б.Н. Частные военные компании и теория справедливых войн / Б.Н. Кашников // Российский научный журнал. – 2011. – № 20. – С. 83-94.

114. Кенни К. Основы уголовного права / К. Кенни; пер. с англ.; под ред. Б.С. Никифорова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949.

115. Кириченко В.Ф. Основные вопросы о необходимой обороне в советском уголовном праве / В.Ф Кириченко. – М.-Л., Изд. АН СССР, 1948.

116. Климов А.С., Хорьяков С.Н. Особенности ответственности наемника за участие в вооруженном конфликте или военных действиях по международному и национальному уголовному законодательству / А.С. Климов, С.Н. Хорьяков // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 4. – С. 21-23.

117. Кнут Дерман Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» / К. Дерман // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. – 2003. – № 849-852. – С. 51–87.

118. Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости / В.Н. Козак. – Саратов: Изд-во Саратовс. ун-та, 1981.

119. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2018.

120. Коновалов И.П. Частный военный бизнес: кризис надвигается. «Золотой век» ЧВК прошел, будут ли перспективы у россиян – еще вопрос / И.П. Коновалов // Военно-промышленный курьер. – 2012. – № 16 (433). – URL.: http://vpk-news.ru/articles/8814 (дата обращения: 01.12.2018).

121. Корнилов Н. Частный военный и охранный бизнес набирает обороты – ООН // Центр стратегической конъюнктуры. 12.11.2013. – URL.: http://conjuncture.ru/un-12-11-2013/ (дата обращения: 23.08.2017).

122. Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика / И.И. Котляров. – М.: Юрлитинформ, 2013.

123. Королькова Е.Е. Уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний по единому кодексу военной юстиции США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №5(72). – С. 121–124.

124. Кочои С.М. Ответственность за преступления, совершённые российскими гражданами в составе международных террористических организаций за пределами РФ / С.М. Кочои // Законность. – 2015. – № 9 (971). – С. 51-54

125. Крашенинникова В. Война на аутсорсинге / В. Крашенинникова // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – №. 1. – С. 84-94.

126. Криминология: Учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005.

127. Кулебякин В.Н. Статус сотрудников частных военных и охранных компаний по международному гуманитарному праву / В.Н. Кулебякин, Е.Е. Королькова // Московский журнал международного права. – 2015. – № 4. – С. 27-42.

128. Лафитский В.И., Семыкина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «Pro et contra» / В.И. Лафитский, О.И. Семыкина // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 5–13.

129. Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. Серия «Право в Вооруженных силах – консультант». – М.: За права военнослужащих, 2009.

130. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. – М.: Волтерс Клувер, 2008.

131. Лукашук И.И. Экстартерриториальное действие уголовного закона и международное право / И.И. Лукашук // Российский ежегодник международного права 1993-1994. – СПб.: Россия-Нева, 1995. – С. 102-125.

132. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М.: Международные отношения, 2002.

133. Мартыненко Е.В., Сырхаев А.А. Ответственность частных военных и охранных компаний за нарушение норм международного гуманитарного права на основании законодательства США / Е.В. Мартыненко, А.А. Сырхаев // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10 (65). – С. 114-118.

134. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987.

135. Матузов Н.И. Теория государства и права. – М.: БЕК, 1997.

136. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики / Н.И. Матузов, А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1996. – №. 1. – С. 16-29.

137. Международное сотрудничество. Общие вопросы. Пособие по оценке систем уголовного правосудия / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности – 2010. – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_4_ebook.pdf (дата обращения 14.05.2019).

138. Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Общий курс. – Женева: Международный Комитет Красного Креста, 2016.

139. Мельцер Н. Руководство по толкованию понятия непосредственное участие в военных действиях в свете международного гуманитарного права / Юридический советник МККК. – 2010. – Режим

доступа: https://www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah (дата обращения: 29.10.2018).

140. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 10-11.

141. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. – М.: Юрид. лит., 1967.

142. Небольсина М.А. Феномен частных военных и охранных компаний: проблемы легитимности / М.А. Небольсина // Ежегодник ИМИ. – 2014. – №3-4. – С. 196-205.

143. Небольсина М.А., Никитин А.И. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний / М.А. Небольсина, А.И. Никитин //Вестник МГИМО – Университета. – 2016. – №. 2 (47). – С. 145-160.

144. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. – М.: Норма, 2001.

145. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 2006.

146. Обычное международное гуманитарное право. Нормы / под ред. Ж-М. Хенкертс, Л.Д. Бек. – М.: МККК, 2006. – Т. 1.

147. Пархоменко С.В., Литвинцев А.А. Понятие «Наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект / С.В. Пархоменко, А.А. Литвинцев // Сибирский юридический вестник. – 2017.– № 3 (78). – С. 60-65.

148. Поляков А.В. Общая теория права: Курс лекций / А. В. Поляков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

149. Попов В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики. Монография. – М.: Проспект, 2017.

150. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987.

151. Селезнёв А.А. Ответственность за наемничество по французскому уголовному законодательству / А.А. Селезнев // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2014. – №15 (137) . – С. 123-130.

152. Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дисс. …докт. юрид. наук : 12.00.08 / Сидоренко Элина Леонидовна. – М., 2013.

153. Сидоренко Э.Л. Институт самозащиты личности в уголовном праве России: Монография. – М.: РПА Минюста России, 2012.

154. Старцун В.Н. К вопросу об актуализации законопроектной деятельности по созданию частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. – 2017. – № 2. – С. 72-74.

155. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник для магистров / под ред. Н.Е. Крыловой. 4 изд. / Н. А. Голованова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова и др. – М.: Wolters Kluwer Russia, 2010.

156. Фейербах П.А. Уголовное право / П.А. Фейербах. – СПб.: Медицинская Типография, 1810.

157. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношениях: Монография. – М.: Юрид. лит., 1974.

158. Шестак В.А. О месте и роли ряда принципов права в уголовном законодательстве России в современных условиях / В.А. Шестак // Сборник I-й Международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Уголовное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования». – Махачкала, 2019. – С. 61-64.

159. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Перевод с нем., заключит. статья и составление А. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000.

160. Шугуров М.В. Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление / М.В. Шугуров // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – №. 1. – С. 86-103.

161. Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. – 2003. – №. 4. – С. 5-10.

162. Abrahamsen R., Williams Michael C. Security Beyond the State: Private Security in International Politics. – Cambridge, 2011.

163. Abrahamsen R., Williams Michael C. Beyond the Privatized Military // Human Security Bulletin. Vancouver, 2008, vol. 6. issue 3, p. 24-26. URL.: http://www.redr.org.uk/objects_store/security_privatization_-_challenges_and_opportunities_2008_.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

164. Bakker C., Sossai M. (ed.). Multilevel regulation of military and security contractors: The Interplay between International, European and Domestic norms. – Bloomsbury Publishing, 2012.

165. Bürgin A., Schneider P. Regulation of private maritime security companies in Germany and Spain: A comparative study // Ocean development & international law. – 2015. – Т. 46. – №. 2. – P. 123-137.

166. Buzatu A.-M. European Practices of Regulation of PMSCs and Recommendations for Regulation of PMSCs through International Legal Instruments // The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). 30.09.2008. Geneva. 59 p. URL.: http://psm.du.edu/media/documents/reports_and_stats/think_tanks/dcaf_buzatu_european- practices.pdf (дата обращения: 07.07.2018).

167. Cameron L. The Privatization of Peacekeeping. – Cambridge University Press, 2017.

168. Cameron L., Chetail V. Privatizing war: Private military and security companies under public international law. – Cambridge University Press, 2013.

169. Cockayne J., Mears E. S. Private military and security companies: a framework for regulation. – International Peace Institute, 2009.

170. Cole C., Vermeltfoort R. US Government Contractors and Human Trafficking: Two Case Studies of Iraq and Bosnia-Herzegovina. – Springer, 2017.

171. Commentary on the Additional Protocols of June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / C. Pilloud, Y. Sandoz, Ch. Swinarski, B. Zimmermann. Martinus Nijhoff Publishers. Geneva, International Committee of Red Cross, 1987.

172. Customary International Law. Practice (Volume II) / J-M Henckaerts, L.D. Beck. – Cambridge University Press. – International Committee of Red Cross, 2005.

173. Dickinson A.L. Contract as a tool for regulating private military companies // From Mercenaries to Market: The Rise and Regulation of Private Military Companies / Chesterman S. and Lehnardt C. – Published to Oxford Scholarship Online, January 2009. – P. 6.

174. Dekker G.D. The Regulatory context of private military and security services at the European Union level, 2009.

175. Dormann K. The Legal Situation of ―Unlawful / Unprivileged Combatants‖ // International Red Cross Review. Vol. 86, No 849, March 2003.

176. Elsea J.K. Private security contractors in Iraq and Afghanistan: legal issues. – DIANE Publishing, 2010.

177. Galai K. Regulating Private Military Companies: Conflicts of Law, History and Governance. – Routledge, 2019.

178. Gaudreau J. The reservations to the Protocols additional to the Geneva Conventions for the protection of war victims // International Review of the Red Cross. – 2003. -No. 849.- pp. 143-184 – Режим доступа: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_849_gaudreau-eng.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

179. Gillard E.-C. Business Goes to War: Private Military / Security Companies and International Humanitarian Law. Vol. 88. No 863. September 2006. URL.: http://www.corteidh.or.cr/tablas/a21931.pdf (дата обращения: 11.07.2019).

180. Glaser S. Nullum crimen sine lege // Journal of Comparative Legislation and International Law. – 1942. – vol. 24. – no. 1. – pp. 29–37.

181. Huskey K. A. The American way: Private military contractors & US law after 9/11 //Available at SSRN 2184090. – 2010.

182. International Humanitarian Law and Private Military/ Security Companies // International Committee of the Red Cross. 15.08.2012. URL.: http://www.icrc.org/eng/resources/documents/faq/pmsc-faq-150908.htm (дата обращения: 09.10.2018).

183. Isenberg D. War and Private Contractors: Can't Live with Them, Can't Live Without Them // Huffpost Business, 09.02.2011. URL.: http://www.huffingtonpost.com/david-isenberg/war-and-private-contracto_b_944365.html (дата обращения: 13.11.2018).

184. Jennifer K. Elsea, Private Security Contractors in Iraq and Afghanistan: Legal Issues, Congressional Research Service. – 2010. – № 7. – Режим доступа: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40991.pdf (дата обращения: 16.08.2018).

185. Karska E. Human rights violations committed by private military and security companies: an international law analysis // Espaço Jurídico: Journal of Law. – 2016. – Т. 17. – №. 3. pp. 753-765.

186. Krahmann, E. States, Citizens and the Privatization of Security. – Cambridge, 2010.

187. Krahmann E., Abzhaparova A. The Regulation of Private Military and Security Services in the European Union: Current Policies and Future Options, 2010.

188. Krahmann E., Friesendorf C. The role of Private Security Companies (PSCs) in CSDP missions and operations // Brussels: European Parliament. – 2011.

189. Lanigan Kevin. Legal Regulation of PMSCs in the United States: The Gap between Law and Practice // Sicherheit und Frieden, 2008.

190. Leander A. Existing International InstrumentsandMechanisms. – Department of Intercultural Communication and Management, Copenhagen Business School, 2007.

191. MacLeod S. Corporate social responsibility within the European union framework //Wis. Int'l LJ. – 2005. – T. 23. – P. 540-565.

192. MacLeod S. Private security companies and shared responsibility: the turn to multistakeholder standard-setting and monitoring through self-regulation-'plus' //Netherlands International Law Review. – 2015. – T. 62. – №. 1. – P. 119-140.

193. Maogoto J.N., Sheehy B. Contemporary Private Military Firms under International Law: An Unregulated'Gold Rush' //Adelaide Law Review. – 2006. – v. 26. – №. 2.

194. Mohamad Ghazi Janaby, The Legal Status of Employees of Private Military/Security Companies Participating in U.N. Peacekeeping Operations, 13 Nw. J. Int'l Hum. Rts. 82, 2015 – Режим доступа: http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njihr/vol13/iss1/4 (дата обращения: 14.05.2018).

195. Østensen Å. G., Centre pour le contrôle démocratique des forces armées (Genève). UN use of private military and security companies: Practices and policies. – DCAF, 2011. – T. 3.

196. Percy S. Private Security Companies and Civil Wars. Oxford. Civil wars, Vol. 11, No 1. March 2009.

197. Percy, S. Regulating the Private Security Industry. London, Routledge, 2006, 76 p.

198. Private security and its role in European security / Confederation of European Security Services, Institut national des hautes études de sécurité – 2008. – Режим доступа: https://www.coess.org/download.php?down=Li9kb2N1bWVudHMvd3AtMS0yMDA4LXByaXZhdGUtc2VjdXJpdHktYW5kLWl0cy1yb2xlLWluLWV1cm9wZWFuLXNlY3VyaXR5LnBkZg (дата обращения: 14.05.2018).

199. *Quirico O.* National Regulatory Models for PMSCs and Implications for Future International Regulation. Working Paper, EUI MWP, 2009/25 // https://cadmus.eui.eu/handle/1814/11759 (дата обращения: 28.03.2019).

200. Quirico O. War Contexts: The Criminal Responsibility of Private Security Personnel//PRIV-WAR project // European University Institute, Florence Academy of European Law, 2010.

201. Ratner S.R. Corporations and human rights: a theory of legal responsibility //Yale Law Journal. – 2001. – Т. 111. – №. 3. – С. 443-546. – Режим доступа: https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781315252964/chapters/10.4324/9781315252964-8 (дата обращения: 10.11.2018).

202. Reiter-Korkmaz A. Belgian National Report on Private Military and Security Companies // European University Institute – 2009.

203. Scheimer, Michael. «Separating Private Military Companies From Illegal Mercenaries in International Law: Proposing an International Convention for Legitimate Military and Security Support the Reflects Customary International Law» // American University International Law Review 24. – 2009. – №. 3. – P. 609-646.

204. Singer P.W. Corporate warriors: The rise of the privatized military industry. – Cornell University Press, 2011.

205. Singer P.W. Can‘t Win With ‘Em, Can‘t Go To War Without ‘Em: Private Military Contractors and Counterinsurgency// Brookings Inst, 2007 – Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0927militarycontractors.pdf (дата обращения: 29.10.2018).

206. Snell A. The absence of justice: Private military contractors, sexual assault, and the US government's policy of indifference //U. Ill. L. Rev. – 2011. – P. 1125-1148.

207. Sossai M. The Legal Framework for the Armed Forces and the Regulation of Private Security //Routledge Handbook of Private Security Studies. – 2015. – P. 3-22.

208. The Geneva Conventions of 12 August 1949 / Commentary published under the general editorship of Jean S. Pictet. – Geneva, International Committee of Red Cross, 1952.

209. Tipling D.M. The Military Extraterritorial Jurisdiction Act and Its Implications for Private Military Companies // Bepress Legal Series. – 2006. – P. 1320-1393.

210. Tougas M.L. Commentary on Part I of the Montreux Document on Pertinent International Legal Obligations and Good Practices for States Related to Operations of Private Military and Security Companies During Armed Conflict //International Review of the Red Cross. – 2014. – v. 96. – №. 893. – P. 305-358.

211. Van Besouw L. Outsourcing responsibility for torture: ending impunity for PMSCs and their employees in the US: дис. – 2014. URL: http://repository.gchumanrights.org/handle/20.500.11825/464 (дата обращения: 04.05.2018).

212. White N. D., MacLeod S. EU operations and private military contractors: issues of corporate and institutional responsibility //European Journal of International Law. – 2008. – Т. 19. – №. 5. – P. 965-988.

213. White N. D. Regulation of the private military and security sector: is the UK fulfilling its human rights duties? // Human Rights Law Review. – 2016. – v. 16. – №. 3. – P. 585-599.

Словари

214. Латинско-русский и русско-латинский словарь / А.В Подосинов., Г. Г. Козлова, А. А. Глухов, А.М. Белов; под общ. ред. А.В. Подосинова – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012.

215. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

Электронные ресурсы, материалы СМИ

216. Электронный ресурс. Депутаты в законе о легализации ЧВОК запретят им устраивать революции. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/23/01/2018/5a6731859a794701b07b9a8d (дата обращения: 12.03.2019).

217. Электронный ресурс. Изложение фактов No. 28 (GE.01-46676 (R) 280302 200602). Влияние деятельности наемников на осуществление права народов на самоопределение. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet28ru.pdf (дата обращения: 28.04.2019).

218. Электронный ресурс. Свининых Е.А. Законодательные пределы аутсорсинга функций Министерства обороны США. – Режим доступа: http://www.voennoepravo.ru/node/5195 (дата обращения: 18.05.2019).

219. Электронный ресурс. Список государств, подписавших и ратифицировавших Конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников – Режим доступа: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-6&chapter=18&lang=en (дата обращения: 15.04.2017).

220. Электронный ресурс. Центр Новостей ООН: «Эксперты ООН приветствовали завершение судебного процесса над охранниками частной американской фирмы «Блэкуотер». – Режим доступа: www.un.org (дата обращения: 20.10.2018).

221. Электронный ресурс. Экспертное заключение Международного Комитета Красного Креста (МККК). Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооруженный конфликт»? – 2008. – Режим

доступа: https://www.icrc.org/sites/default/themes/icrc_theme/images/document-file-type/pdf.jpg (дата обращения: 14.04.2017).

222. Электронный ресурс. Эмануэла-Кьяра Гияр. Заявление на Всемирной конференции Международной ассоциации судей по правам беженцев, состоявшейся в Стокгольме 21–23 апреля 2005 года. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

223. Электронный ресурс. European Union Rule of Law Mission Kosovo (EULEX) // Сведения о контрактах – Режим доступа: http://www.eulex-kosovo.eu/docs/tenders/SecurityGuardingServices2/Award%20Notice_Security%20Guarding.pdf (дата обращения 14.04.2017).

224. Электронный ресурс. European Union Co-ordinating Office for Palestinian Police Support (EUPOL COPPS) // Сведения о контрактах за 2011г. – Режим доступа: http://eupolcopps.eu/sites/default/files/Awarded%20Contracts_Year%202011.pdf (дата обращения 14.04.2017).

225. Электронный ресурс. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. – International Committee of the Red Cross – 1987. – Режим доступа: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/1a13044f3bbb5b8ec12563fb0066f226/ffc84b7639b26f93c12563cd00434156 (дата обращения: 18.02.2018).

226. Электронный ресурс. International Code of Conduct for Private Security Service Providers (ICoeC) // – Режим доступа: http://icoca.ch/ (дата обращения: 10.09.2019).

227. Электронный ресурс. Official Journal of the European Union – Internet addresses of Member States' national websites providing national reports on arms exports – Режим доступа: http://www.eeas.europa.eu/non-proliferation-and-disarmament/arms-export-control/docs/table_e.pdf (дата обращения: 04.02.2019)

228. Электронный ресурс. United States Department of State – International Security Advisory Board: Report on Status of Forces Agreements, 2015 – Режим доступа: https://www.state.gov/documents/organization/236456.pdf (дата обращения: 03.06.2019).